

Городские исследования и практики

ТОМ 9, № 4, 2024

Множественная урбанистика

Urban Studies and Practices

Volume 9, issue 4, 2024

Multiple Urban Studies

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ

Учредитель: НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Позиция редакции может не совпадать
с мнением авторов.

Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых комму-
никаций. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС 77-66568

Адрес редакции
фактический: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 13, стр. 4, оф. 416
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 772-95-90 * 12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя
и распространителя
фактический: 117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4,
Издательский дом ВШЭ
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20, НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90 * 15298,
e-mail: id@hse.ru

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
East View

Формат 60×90/8. 10,5 уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в филиале «Чеховский
печатный Двор» ОАО «Первая образцовая
типография», 142300, Московская обл.,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Городские исследования и практики

ТОМ 9, №4, 2024

Множественная урбанистика

Редактор-составитель

И. Н. Стась (ТюмГУ, Российская Федерация)

Главный редактор

В. В. Анашвили (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Научные редакторы

В. Н. Данилов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. А. Смирнов (Издательство Института Гайдара, Российская Федерация)
Р. А. Дохов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

А. А. Лаврик (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

К. Э. Аксенов (СПбГУ, Институт наук о Земле, Российская Федерация)
Р. Альтерман (Технион – Израильский технологический институт, Израиль)
Е. В. Асс (МАРШ, Российская Федерация)
Е. А. Ахмедова (СамГТУ, Российская Федерация)
А. А. Белых (РАНХиГС, Российская Федерация)
П. Бишоп (Университетский колледж Лондона, Великобритания)
М. Я. Блинкин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Я. Брюкнер (Калифорнийский университет, США)
А. Г. Вайтенс (СПбГАСУ, Российская Федерация)
О. И. Вендина (ИГ РАН, Российская Федерация)
К. В. Григоричев (ИГУ, Российская Федерация)
Д. Н. Замятин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
О. Н. Запорожец (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Н. В. Зубаревич (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Н. Ильина (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. И. Левин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Лонг (Университет Цинхуа, Китай)
С. Лоу (Калифорнийский университет в Беркли, США)
С. Д. Митягин (НИИПГ, Российская Федерация)
Е. К. Михайленко (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Ю. М. Моисеев (МАрХИ, Российская Федерация)
Т. Г. Нефедова (Институт географии РАН, Российская Федерация)
А. Н. Пилясов (Русское географическое общество, Российская Федерация)
А. С. Пузанов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. С. Савоскул (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
Б. А. Ревич (ИНП РАН, Российская Федерация)
С. Б. Сиваев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Тиммс (Университет Лидса, Великобритания)
Е. С. Фидря (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Корректор Т. В. Редькина

Дизайн С. Д. Зиновьев

Обложка, верстка А. В. Меерсон

Фотография на обложке Д. Р. Кодзокова

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2024

Содержание

МНОЖЕСТВЕННАЯ УРБАНИСТИКА

- 6 **Игорь Стась**
Множественная урбанистика и ее языки описания
- 22 **Александра Третьякова**
Антропология крафтового архитектурного бюро: как идеи превращаются в проекты
- 40 **Гавриил Малышев**
Концепт идентичности в современной российской архитектурно-градостроительной практике как инструмент профессиональной легитимации: этнография одного бюро
- 54 **Владимир Ротбергер**
«Созидательный конфликт» или «подвешенность»: темная сторона профессиональной коммуникации в архитектурно-строительной деятельности
- 64 **Ангелина Филип, Константин Глазков**
Институт аварийности на примере жилищного фонда Перми: неформальные правила и ожидания акторов
- 82 **Ксения Калашникова**
Коммерческий ландшафт как среда (вос)производства аутентичности пространства
- 91 **Наталья Азаренкова**
Городские кластеры: от трансформации индустриальности к трансформации концентрации
- 110 **Анна Гусейнова**
Сценарии неформального использования локальными сообществами пространства магазина «у дома» в ходе социального проекта «Центры местного сообщества»
- 121 **Максим Мочалин**
Разделенный город: генпланы и реальность в развитии Нового Уренгоя в 1970–1980-е годы
- 134 **Иван Сапогов**
Опыт построения обоснованной теории на материале молодежного сообщества Китай-города

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**FACULTY OF
URBAN AND
REGIONAL
DEVELOPMENT**

Urban Studies and Practices

VOLUME 9, ISSUE 4, 2024

Publisher: HSE University

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media
PI No. FS 77-66568

Address: National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
East View

Guest Issue Editor

Igor Stas (UTMN, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Valery Anashvili (HSE University, Russian Federation)

Deputy editor-in-chief

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)

Science Editors

Vyacheslav Danilov (MSU, Russian Federation)

Ruslan Dokhov (HSE University, Russian Federation)

Artem Smirnov (Gaidar Institute Press, Russian Federation)

Executive Secretary

Anna Lavrik (HSE University, Russian Federation)

Editorial Council

Elena Akhmedova (Samara Polytech, Russian Federation)

Konstantin Aksenov (Institute of Earth Sciences, St.-Petersburg State University, Russian Federation)

Rachelle Alterman (Technion – Israel Institute of Technology, Israel)

Eugene Asse (March, Russian Federation)

Andrei Belykh (RANEPa, Russian Federation)

Peter Bishop (UCL, UK)

Michail Blinkin (HSE University, Russian Federation)

Jan Brueckner (University of California, USA)

Yefim Fidrya (HSE University, Russian Federation)

Konstantin Grigorichev (ISU, Russian Federation)

Irina Ilina (HSE University, Russian Federation)

Dmitry Zamyatin (HSE University, Russian Federation)

Oksana Zaporozhets (HSE University, Russian Federation)

Natalya Zubarevich (HSE University, Russian Federation)

Mark Levin (HSE University, Russian Federation)

Setha Low (University of California Berkley, USA)

Evgeny Mikhaylenko (HSE University, Russian Federation)

Sergey Mityagin (NIIPG, Russian Federation)

Yuriy Moiseev (MARKHI, Russian Federation)

Tatyana Nefedova (IGRAS, Russian Federation)

Alexander Puzanov (HSE University, Russian Federation)

Maria Savoskul (MSU, Russian Federation)

Boris Revich (IEF RAS, Russian Federation)

Sergey Sivaev (HSE University, Russian Federation)

Paul Timms (University of Leeds, UK)

Andrey Vaitens (SPbGASU, Russian Federation)

Olga Vendina (IGRAS, Russian Federation)

Proofreader Tatyana Red'kina

Design Sergey Zinoviev

Cover, Layout Anastasia Meyerson

Cover photo Diana Kodzokova

© HSE University, 2024

Table of Contents

MULTIPLE URBAN STUDIES

- 6 **Igor Stas**
Multiple Urban Studies and Its Languages Of Description
- 22 **Alexandra Tretyakova**
An Anthropology of a Craft Architectural Company: How Ideas Turn into Projects
- 40 **Gavriil Malyshev**
The Concept of Identity as a Tool for Professional Legitimation in Architectural and Urban Planning Practice: A One Company Ethnography
- 54 **Vladimir Rotberger**
“Creative Conflict” or “Suspended”: The Dark Side of Professional Miscommunication in Emergency Construction Activities
- 64 **Angelina Filip, Konstantin Glazkov**
Assigning “Emergency Status” to Perm Housing Stock: Informal Rules and the Expectations of Actors
- 82 **Kseniia Kalashnikova**
The Commercial Landscape as a Medium for the (Re)Production of Spatial Authenticity
- 91 **Natalia Azarenkova**
Urban Clusters: From the Conversion of Industrialism to the Conversion of Aggregation
- 110 **Anna Guseynova**
Giving Non-spaces Social Significance Through Community Initiatives: The Social Project “Local Community Centers”
- 121 **Maxim Mochalin**
A Divided City: General Plans and Reality in the Development of Novy Urengoy in the 1970s–1980s
- 134 **Ivan Sapogov**
The Kitay-gorod Youth Community: A Grounded Theory Approach

Множественная урбанистика и ее языки описания*

Игорь Стась

Городские исследования: между сциентизмом и прагматизмом

Городские исследования в современной России переживают противоречивые времена. Хипстерская урбанистическая революция 2010-х годов [Вахштайн, 2022, с. 488–490] (Виктор Вахштайн признан в РФ иноагентом), способствовала причудливому синтезу городского активизма¹, рожденно-преимущественно стихийным блогерством, и профессионального академизма от архитектуры и дизайна до социологии и культурологии, глубоко укоренившегося в вузах и научных институтах. Стремление университетов и проектов в области дополнительного образования найти новые компетенции, коммерциализировать науку и привлечь абитуриентов из новых областей сформировало условия для институционализации городских исследований в России, которые стали балансировать между риторикой популярных видеоблогеров, прикладных специалистов и исследовательским дискурсом [Трубина, 2022, с. 132–133].

По-видимому, наибольшего успеха добились городские исследователи, ориентированные на практиков. Многочисленные предпроектные и постпроектные исследования, соучастие и вовлечение, социокультурное программирование, разработка сценариев использования и моделей управления территориями оказались форматами, требующими навыков и знаний как в фундаментальных *Urban Studies*, так и в сфере низового активизма и плейсмекинга. В итоге благодаря запросу продвинутых девелоперов, архитектурных и дизайнерских бюро и государственных программ, таких как федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» и конкурс по созданию комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях, за последние 6–7 лет в России сформировался целый рынок прикладных исследований, связанных с развитием территорий.

С другой стороны, есть все основания утверждать, что городские исследования прочно заняли маргинальную нишу в российской фундаментальной науке. Как будто лавируя между разными научными дисци-

Стась Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр урбанистики, Тюменский государственный университет (ТюмГУ); Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: igor.stas@mail.ru

В статье предлагается концепция множественной урбанистики, которая подразумевает не просто дисциплинарную структуру городских исследований, но их отчетливое восприятие учеными через дисциплинарную идентичность, перерастающую в некоторых случаях в стремление сформировать из урбанистики отдельную самостоятельную дисциплину. В российских реалиях дисциплинарная множественность городских исследований серьезно усложняется бинарностью сциентизма и прагматизма – академических фундаментальных и прикладных исследовательских работ. Урбанистика одновременно делится на академическую и прикладную, и одновременно обе эти урбанистики состоят из дисциплинарных специализаций. Множественная урбанистика означает 1) учет контекста при артикуляции терминов социальных наук, используемых в городских исследованиях, 2) разработку новых консолидирующих теорий, объясняющих урбанизмы как различные состояния «городского», 3) институционализацию городских исследований и формирование на ее основе диалога между социальными науками, изучающими город и урбанизацию.

Ключевые слова: городские исследования; дисциплины; междисциплинарность; прикладные исследования; социальные науки; урбанистика

Цитирование: Стась И.Н. (2024) Множественная урбанистика и ее языки описания // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp9420246-21>

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-10123

1. Наиболее подробно феномен урбанистики как медиадискурса в контексте академических и прикладных проектов описан пермскими исследователями: [Абашев и др., 2020].

плинами, они не смогли оторваться от родовых корней и увязли в конвенциональных научных областях и прикладных сферах: архитектуре, градостроительстве, дизайне, географии, социологии, социальной антропологии, экономике, экологии, истории, политологии, культурологии, философии, праве, муниципальном управлении, науке о транспорте. По крайней мере, это отчетливо наблюдается на защитах кандидатских и докторских диссертаций, где дисциплинарная номенклатура предопределяет оптику и язык любого исследования, посвященного городским процессам и явлениям [Трубина, 2022, с. 132–133]. Одновременно с этим в России очень редок формат академических конференций о городских исследованиях. Вместо них приобрели популярность урбанистические форумы, целевая аудитория которых скорее не исследователи, а чиновники, бизнес- и креативные сообщества. Этот кризис академических городских исследований непосредственно отразился в издательском деле, где публикация монографий о городах стала большим исключением, что вместе с тем контрастирует с невероятным бумом на издания в области архитектуры и дизайна, сделанные, как правило, специалистами из прикладной и креативной среды. Этот мой скепсис также подтверждается достаточно неустойчивым состоянием наиболее известных российских научных журналов, публикующих городские штудии, таких как «Городские исследования и практики», «Фольклор и антропология города», «Социология города».

Причудливое сплетение академии, практики и активизма непосредственным образом нашло отражение в языке тех, кто связывает свою профессиональную деятельность с городом. В период рождения хипстерского урбанизма чиновники, общественники, креативщики, девелоперы и риелторы позаимствовали у исследователей для своего словаря термины, которые прежде ассоциировались в первую очередь с наукой, – «сообщество», «городская среда», «идентичность», «наблюдение», «разнообразие», «практики» и т. д. Обновление глоссария городских практиков сложно объяснить чем-то иным, кроме как интеграцией социальных исследователей в городской консалтинг. К концу 2010-х годов эту проблему в различных научных текстах и публичных выступлениях артикулировал социолог Виктор Вахштайн (признан в РФ иноагентом). По его мнению, такие слова – в частности, он приводил примеры с «городской средой» и «сообществом» – перешли из мира науки в «мир здравого смысла», выступая «концептами-отмычками», соединяющими миры исследователя и компетентного обывателя [Вахштайн, 2022, с. 126–154]. Пожалуй, Вахштайн обратил внимание только на вершину айсберга. В последние годы стало очевидно, насколько это более масштабный процесс экспроприации целого исследовательского языка. Научные термины размываются в повседневной риторике нового урбанистического рынка, теряя свои аналитические возможности.

Я не случайно до этого момента не использовал понятие «урбанистика», предпочитая говорить о городских исследованиях. Дело в том, что собственно урбанистика является базовой категорией такой склейки сциентизма и прагматизма в изучении городов. Появившись впервые в сообществе экономгеографов в позднесоветское время, в 1990-х – начале 2000-х годов «урбанистика» утвердилась в качестве нового названия всего объема исследований, посвященных городу. Серьезную роль в этом сыграла культовая книга Вячеслава Глазычева, в которой, собственно, и было дано каноническое определение понятия «корпус текстов, посвященных урбанизации во множестве ее форм». Глазычев хотел перезапустить прежнюю дисциплину «градостроительство», оставляя ее советской истории. В новом варианте «урбанистики» он делал акцент на том, что создание и регулирование городов «принадлежит городскому сообществу и его доверенным лицам – урбанистам, корпусу профессионалов, занимающихся урбанизацией» [Глазычев, 2008, с. 47–70]. Эта глазычевская интенция связанности городского сообщества как гражданских активистов с учеными и экспертами, изучающими города, легла в основу прочтения «урбанистики» в современной России.

В частности, здесь следует сослаться на точку зрения известного городского социолога, редактора серии *Studia Urbanica* издательства «Новое литературное обозрение» Олега Паченкова об «урбанистике» в России. В своей публичной лекции «Что такое урбанистика?» он отмечает, что это понятие означает «градостроительство XXI века», включившее в себя 1) «социальные науки» о городе и 2) различные форматы «соучастия» граждан в реализации проектов городского развития. В его интерпретации, «урбанистика» – это в какой-то степени новое градостроительство, основанное на «этическом повороте» и в которое «добавились и стали весомыми люди», переставшие быть «объектом», а ставшие «субъектом планирования городов». Паченков подчеркивает, что тем самым «урбанистика» разрушает монополию «градостроителей старой школы», которым теперь нужно планировать города вместе с жителями этих городов [Паченков, 2020]. Очевидно, что эта трактовка, выделяющая значимость создания городов в связке экспертов (исследователей, ученых, градостроителей и др.) и гражданских активистов, является продолжением идей Глазычева.

Такой взгляд на «урбанистику» несет серьезный позитивный смысл, предлагающий пересобрать российские города на демократических началах посредством современных социальных исследований и соучастия. Эта идея объединяет вокруг себя влиятельную коалицию сторонников, в которую начинают входить не только городские администраторы, активисты, ученые-практики, но непосредственно университетские и академические ученые, все больше погружающиеся в реальный сектор прикладных исследований (*applied research*). В этом и кроется, собственно, проблема такого взгляда на «урбани-

стику», превращающего ее в гибрид науки о городах и городского активизма, говорящего на едином «языке урбанистики», включающем все эти понятия – «сообщество», «городская среда», «идентичность», «практики» и т. д., вплоть до очень специфических понятий, таких как «право на город» или «джентрификация». Я не являюсь приверженцем «чистой науки» или изоляции «исследовательского дискурса», но отрицать размывание аналитических категорий для объяснения городских процессов также представляется неразумным.

Я не урбанист, а историк-урбанист

Интеграция науки и практики в этой «урбанистике» идет болезненно. Заметным симптомом является повальная боязнь конвенциональных ученых, исследующих города, быть названными «урбанистами». В той же лекции Паченков – скорее поддерживающий новую версию «урбанистики» и называющий «урбанистами» тех, чья профессиональная функция включать в процесс принятия решений людей и выступать посредником между строителями (ну и чиновниками тоже) и гражданами, – делает серьезное и пространное уточнение: *«Я себя в определенном смысле урбанистом считаю, (но) забыл сказать одну вещь, хотя здесь она может быть уместна, я очень подозрительно отношусь, например, к людям, которые просто называют себя урбанистами. В смысле, когда их спрашивают, в чем заключается их профессиональная деятельность, они говорят “я урбанист”. Для меня это очень подозрительно, и я с такими людьми... к ним скептически, потому что в моем представлении слово “урбанист” всегда пишется через дефис, а перед ним как второе, как приставка, но вернее постфикс, а перед ним идет все-таки определение базовой дисциплины, на которую человек учился, и его основной профессиональной области деятельности, в которой он является специалистом. В моем представлении урбанист – это все-таки некое добавление, это повышение компетенции, которая, да, многое говорит о том, что этот человек делает и как он это делает, но все-таки мне всегда не хватает первого слова, которое указывает на то, в чем же он является профессионалом и специалистом. Поэтому я про себя говорю, что я социолог-урбанист»* [Паченков, 2020].

Паченков попал в точку. Когда я услышал его тезис, то сразу подумал о своей аналогичной стратегии: до недавнего времени я представлялся в публичном пространстве не как урбанист, но как историк-урбанист. Это часто вызывало некоторое непонимание со стороны интервьюера или журналиста, общающегося со мной: очевидно же, раз я изучаю города, то меня следует назвать урбанистом. Вроде я нашел выход: просто прошу обозначать меня по должности. Городской планировщик и видеоблогер Андрей Елбаев, которого на просторах интернета, также следуя этому паттерну, нередко называют архитектором-урбанистом, отмечает,

что «урбанист» – это зонтичный термин, скрывающий кучу разных профессий, таких как социологи, экономисты, эконом-географы, антропологи или транспортники [10 глупых вопросов архитектору-урбанисту, 2020]. В таком случае категория «урбанист» является далеко вторичной идентичностью для дисциплинарных специалистов. Так, я вспоминаю яркий момент во время круглого стола на одной конференции, где известный городской антрополог, который состоялся в сфере как фундаментальных, так и прикладных проектов, ответил спикеру: «Никогда не назову себя урбанистом, упаси боже».

Тревога за свою дисциплинарную научную идентичность, видимо, присутствует у значительной части исследователей, которые задействованы в коммерческих проектах по развитию территорий. Я слышал достаточно серьезные возражения от коллег при реорганизации Лаборатории исторической географии и регионалистики, где прежде работал, в Центр урбанистики Тюменского государственного университета, где работаю теперь, отсылающие в первую очередь к кризису идентичности «историка» или «географа», угрозе «габитуса ученого» и невозможности заниматься фундаментальными исследованиями по тем темам, которые просто нравятся. Основным аргументом в пользу создания Центра урбанистики непосредственно касался способа медиации между исследователями и всякими возможными «заказчиками»: «историческая география им совершенно непонятна, долго нужно объяснять, а “урбанистика” – другое дело». Аргумент был верным: со многими «стейкхолдерами», с которыми мы взаимодействуем по части прикладных проектов, налаживать первый контакт стало намного легче.

Эта история появления Центра урбанистики ТюмГУ важна также для того, чтобы пояснить, что для городских исследователей границы между дисциплинарной научной идентичностью и категорией «урбанист», которой маркируются преимущественно городские общественники, похоже, могут стираться относительно без последствий на уровне институциональных рамок. Принцип прост: я готов работать в институции урбанистики, но не готов называть себя урбанистом, потому что я историк, географ, социолог, антрополог, градостроитель, архитектор и т. д. (подставляй любую дисциплинарную научную профессию). Как мне кажется, на основе этого принципа созданы все «урбанистические» институции, аффилированные с университетами или научно-образовательными проектами: Высшая школа урбанистики ВШЭ – это градостроители и географы; Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» – архитекторы и искусствоведы; кафедра Глазычева в РАНХиГС – управленцы; Центр урбанистики ТюмГУ – историки; Институт дизайнера и урбанистики Университета ИТМО – технари, НОЦ «Гуманитарная урбанистика» НовГУ – культурологи. В значительной степени это объясняется министерской номенклатурой образовательных стандартов, привязанной к конвенциональным научным специ-

альностям, по которой только и возможно организовать образовательную программу по «урбанистике». Обычный стейкхолдер-заказчик, не знающий о том, как работает этот принцип, не видит эти дисциплинарные рамки и, как правило, не замечает разницы между «институтами урбанистики». Зачастую не видят эти различия и абитуриенты. Но обычный ученый, скорее всего, должен как минимум интуитивно почувствовать, что в этом «институте урбанистики», несмотря на весь этот метаязык – от «сообществ» до «права на город», – говорят на другом наречии.

Однако в условиях институционализации «урбанистики» часть исследователей начинает примерять на себя новую идентичность «урбаниста». В частности, Дмитрий Замятин ярко обозначил это институциональное влияние в изменении своей профессиональной идентификации: «По-настоящему урбанистом я почувствовал себя совсем недавно, когда пришел в Вышку... Но в 2015 году я пришел в НИУ ВШЭ, как раз в Высшую школу урбанистики, благодаря поддержке тогдашнего декана школы Алексея Новикова. Здесь мне уже деваться было некуда, я номинально становился урбанистом. И, осознавая себя в новом качестве, я думал: “Что я должен делать как урбанист?”» [Замятин, 2024]. Для этой группы исследователей, идентифицирующих себя в качестве «урбанистов», характерно еще одно явление, в котором социологи и антропологи легко распознают «категоризацию»: отнесение практически всех ученых, занимающихся изучением города и урбанизацией, к «урбанистам», даже в тех случаях, когда эти ученые сами себя таковыми не считают. На мой взгляд, такая категоризация, основанная на внешнем определении других, не только не способствует консолидации вокруг «урбанистики», но может привести к обратному эффекту – мобилизации ученых вокруг своей дисциплины. Институциональный фактор хоть и является существенным, но вряд ли сможет отодвинуть на второй план профессиональную идентичность и, тем более, язык своей науки.

Моим читателям, наверное, будет интересно узнать, что наиболее остро эту разницу в дисциплинарных диалектах «урбанистики» я ощутил в стенах Высшей школы экономики во время первого Форума имени А. А. Высоковского «Доказательная урбанистика: новые вызовы» в январе 2023 года, организованного факультетом городского и регионального развития и Высшей школой урбанистики. Внимательно послушав спикеров пленарки, мой друг, социолог Иван Тарасов вскоре отметил, что выступающие говорили не столько про «урбанистику», сколько про старую добрую планировочную науку, которая в мире называется *Urban Planning*. Доклад авторитетного Михаила Блинкина отчетливо показал, что современные планировщики избегают переводить эту западную дисциплину как «градостроительство» и предпочитают именовать ее «урбанистикой». Здесь вновь стоит упомянуть Глазычева, который через понятия среды и средового подхода привнес в советскую, а затем и российскую

градостроительную науку идеологию нового урбанизма, набравшую популярность на Западе в 1960-х годах. Отказ от ортодоксального модернистски нагруженного «градостроительства» в пользу «урбанистики» маркировал когорту новых отечественных планировщиков, учитывавших «городскую среду».

Как корабль назовешь, так он и поплывет. После падения марксистских оков «урбанистика» стала понятием, помогавшим пересборке своей дисциплины не только планировщикам, но и другим советским ученым, которые изучали город и урбанизацию. Так, экономически ориентированная «география городов» превращалась в «геоурбанистику», пытавшуюся не игнорировать историю, культуру и социальность. Историки же постепенно отказывались от «городоведения» в пользу «исторической урбанистики». Тем самым они словно декларировали разрыв с местечковым краеведением. В итоге появилась иллюзия, что существует какая-то общая «урбанистика», которая объединяет различные науки, изучающие город. Отсюда тезис Глазычева о некоем едином «корпусе текстов, посвященных урбанизации во множестве ее форм».

Впрочем, как бы широко ни распространялся бренд «урбанистики», риторический словарь своей родной дисциплины и отсылка к своим корифеям-учителям достаточно быстро выступают наружу у любого урбаниста, за которым обязательно будет скрываться градостроитель-планировщик, архитектор, географ, историк, культуролог, социолог, антрополог, экономист или какой-нибудь инженер. В этой дисциплинарности «урбанистика» разнообразна. Она реально может воспроизводиться множеством языков описания. Но это значит, что недостаточно просто говорить об «урбанистике» или называть себя урбанистом. Важно понимать, через какие дисциплины и какие методы/подходы/теории любой условный урбанист делает *свою* «урбанистику». Поэтому не верьте тем, кто постоянно твердит о междисциплинарности «урбанистики», чаще всего это лишь неумение определять ее дисциплинарность.

Что такое урбанистика?

Русское слово «урбанистика» образовано от латинской адъективной основы урбан- (лат. *Urbānus* – римский, городской), в свою очередь являющейся производной от латинского корня *urbs*, первично означавшего укрепленное поселение, но исторически (в периоды римской монархии и Ранней республики) применявшегося только к Риму и поэтому в более позднее время (в периоды Поздней республики, Римской империи и поздней Античности) ставшего полным синонимом Рима и столичного города вообще (ср. латинскую формулу *urbī et orbī* – «Риму и всему обществу римских граждан», дословно «городу и миру»). К этой основе добавлен греческий по происхождению суффикс -истика, который означает исследовательскую и практическую область, описывающую и объясняющую широкий

круг явлений и проблем, в данном случае связанных с городом и городским образом жизни². В английском языке не найти эквивалента сложносоставной дефиниции «урбанистика», что, естественно, добавляет ему определенную слабость: всегда, когда мы что-то определяем словом «урбанистика», мы обозначаем только российское/постсоветское явление, оторванное от мирового контекста. Проще говоря, никакой «урбанистики» в мировой науке не существует.

Иногда можно услышать, что близким «урбанистике» является английское понятие *Urbanism* («урбанизм») [Паченков, 2020]. Однако при детальном рассмотрении становится ясно, что коннотации у двух понятий разные. Если «урбанистика» отсылает к собирательному знанию о городе или к новым значениям, таким как социальное проектирование, соучастие или метаязык, то «урбанизм» обозначает в основном сам объект исследований о городе и фиксирует определенное состояние «городского». При этом в интерпретации «урбанизма» сложилось как минимум три интеллектуальные традиции: 1) это городской образ жизни, который определяется численностью, плотностью и разнообразием населения (Луис Вирт); 2) это перманентный городской конфликт, основанный на различиях, сложностях и соглашениях в городе, связанных с отношениями граждан, власти и классов (новая социология города от Анри Лефевра до Мануэля Кастельса); 3) это восприятие города как общественного пространства, где важна соразмерность человеку, комфорт и безопасность, идентичность и локальные культуры, сообщества и практики (движение нового урбанизма от Джейн Джекобс до Яна Гейла). Такой же теоретической нагрузки российская «урбанистика» не несет, хотя стоит отметить, что урбанистов в России отождествляют в первую очередь с движением нового урбанизма.

Однако толкователи «урбанистики», следуя тезису Глазычева, часто говорят о ней именно как о собирательном термине, охватывающем исследования городского развития³. В этом плане более равнозначным должно быть английское понятие, обозначающее подобную совокупность работ об изучении города и урбанизации. Я не знаю, как обстоит дело в других национальных традициях городских исследований, но положение дел в англоязычной научной литературе о городах кажется более-менее понятным, и, оказывается, аналогичного собирательного определения там нет. По большому счету все, что мы называем в России «урбанистикой», в англоязычном контексте делится на три различные области знания, которые отвечают за свои профессиональные компетенции: 1) *Urban Planning*, 2) *Urban Design* (либо *Street Design*), 3) *Urban Studies*. Первая область – это городское и территориальное планиро-

вание, которое ближе всего к российскому «градостроительству». Вторая область отвечает за архитектуру и дизайн общественных пространств и за сценарии их использования. Третья область наиболее широкая и включает в себя весь спектр социальных исследований города и урбанизации (географию, социологию, экономику, антропологию, политологию и т. д.), а также городскую теорию. Отдельно для западного контекста еще можно выделить *Urban Affairs*, которые специализируются на городском управлении, и *Urban Science*, как более scientisticкое и количественное эконом-географическое направление в науке о городах.

Согласитесь, что такое исследовательское пространство также слабо согласуется с российской «урбанистикой». В нем не наблюдается смешения науки и практики, исследователей и архитекторов, экспертов и граждан, консалтинга и соучастия, градостроителей старой школы и новых урбанистов. Я бы сказал, что в нем просто определены профессиональные поля, которые, конечно, тоже постоянно переплетаются, но в то же время они не выходят за рамки своей основной специализации. Российская «урбанистика», наоборот, плохо улавливает дисциплинарные оптики городских исследований. Вместе с тем, с учетом того, что сторонники «урбанистики» отмечают необходимость социальных знаний о городах и людях, в них проживающих, можно предположить, что «урбанистика» – это такие *Urban Studies* по-русски: они меньше связаны с классическим градостроительством, опираются в первую очередь на социальные науки: социологию, географию, антропологию, экономику и т. д., а еще дополнены идеологией вовлечения горожан. Собственно, мы опять возвращаемся к канону «урбанистики», сформированному Глазычевым.

На этом моменте я и хочу перейти к тезису о множественной урбанистике. Я не предлагаю отказать от понятия «урбанистика», но призываю при артикуляции соизмерять его с мировым контекстом в области городских исследований. Российская урбанистика слишком множественна, чтобы ее проговаривание несло для всех понятный общий смысл: с одной стороны, она находится в поле фундаментальных наук, а с другой – означает консалтинг и форматы подобно соучастию под задачи городского и территориального развития. Одновременно с этим она разделена на десятки дисциплинарных аксиоматик, мучительно пытаюсь пересобрать себя посредством метаязыка, включающего массу ее производных («урбанисты», «урбанизм», всяких «урбанистик» и т. д.) и практико-аналитических категорий (скажем, от «последней мили» велокомьютеров до «ревитализации» редевелоперов, от «джентрификации» социологов до «идентичностей» антропологов).

2. За разъяснение этой этимологии я сердечно благодарю Вячеслава Кулешова, старшего научного сотрудника Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

3. См., например, интересный разбор: [Загвозкина, 2020].

Дисциплинарные *Urban Studies*

Указание на множественность урбанистики через ее дисциплинарное разнообразие не основано на глубоко российском материале. В последние несколько лет на страницах академических журналов по *Urban Studies* наблюдается большая дискуссия о дисциплинарной оптике в современном изучении «городского» (*urban*). Я бы отсчитывал эту теоретическую фокусировку с начала 2010-х годов, когда многие исследователи попытались вновь, после эпохи 1960-х, создавшей эту область знаний [Popenoe, 1965], переосмыслить *Urban Studies* как своеобразную междисциплинарную науку. Истоки этого интеллектуального веяния, вероятно, лежат в новом городском кризисе, который Ричард Флорида связывает в первую очередь с разрастанием бедности и неравенства [Флорида, 2018]. Другая причина кроется в повороте в сторону городов Глобального Юга, за счет которого преимущественно и реализуется планетарная урбанизация [Brenner, 2014]. Эти изменения в городских процессах на глобальном уровне, как кажется, подтолкнули городских исследователей вновь задуматься над сутью своего научного направления. Часть этих авторских рефлексий отражает индивидуальный опыт работы с (интер)дисциплинарностью и разными профессиональными областями на городских кейсах [Fraser, 2015; Wilson, 2022; Crawford, 2020]. Но в этом разделе статьи я хочу описать в первую очередь общие тенденции и дискуссии, которые вызывает проблематика дисциплинарности в современных *Urban Studies*.

В 2010 году в журнале *Journal of Urban Affairs* вышла фундаментальная статья городских исследователей из Кливленда – Уильяма Боуэна, Ронни Дана и Дэвида Касдана – о контексте, внутренней структуре и содержании *Urban Studies*. Ученые пришли к выводу, что эта научная область не является ограниченной «академической дисциплиной», поскольку у нее нет единого доминирующего метода, общих целей и четких согласованных критериев, с помощью которых можно было бы разметить ее границы с границами других признанных академических дисциплин. Они выделили семь дисциплинарных «субполей» (*subfield*) внутри *Urban Studies*: 1) городскую социологию, 2) городскую географию, 3) городскую экономику, 4) жилищное строительство и развитие городских районов (*neighborhoods*), 5) экологические исследования, 6) городское управление, политику и администрацию, 7) городское планирование, дизайн и архитектуру. Респонденты-эксперты, у которых авторы статьи взяли структурированные интервью, также отмечали, что в этот список можно добавить городскую историю, городскую антропологию и культурные исследования. Несмотря на широкую раздробленность, Боуэн с коллегами выдвинули мысль, что интеграция и структурирование знания из родственных дисциплин создает интеллектуальную целостность и практическую ценность *Urban Studies*. По их мнению, положительны-

ми отличиями *Urban Studies* от конвенциональных дисциплин выступали: 1) стремление к прямому взаимодействию с реалиями, определяющими городской контекст, 2) широкий взгляд на науку и противостояние долгосрочной специализации и фрагментации университетского обучения [Bowen et al., 2010].

Неожиданная реакция на эту статью последовала от городских историков Ричарда Харриса и Майкла Смита, которые были поражены отсутствием городской истории (*Urban History*) в списке дисциплин, входящих в *Urban Studies*. Их пространственный комментарий был посвящен тезису о том, что история всегда играла важную роль в *Urban Studies*. Так, они указывали, что известные авторы, такие как Льюис Мамфорд, Джейн Джекобс, Дэвид Харви и Гордон Чайлд, которые определили наше современное представление о городах, широко ссылались на исторический опыт городов. Харрис и Смит также заметили, что из 30 учебников по городским исследованиям восемь носили исторический характер или были написаны историками, а многие другие содержали существенные разделы и материалы по истории городов. Историки обратились к анализу базы данных *ISI Web of Science* и предложили рейтинг дисциплин, публикующих тексты по городской тематике (в порядке убывания): 1) экологические науки; 2) география; 3) история; 4) планирование и развитие; 5) экономика; 6) санитарное дело и общественное здравоохранение (*Public Health*); 7) архитектура; 8) социология; 9) политическая наука; 10) образование; 11) политика здравоохранения (*Health Policy*). Позиция авторов была понятна: история повсеместно распространена в *Urban Studies*. Поразительно, правда, что одновременно с этим Харрис и Смит ограничивали занятие городской историей только для тех, кто обладал соответствующими навыками и умел работать с историческими источниками [Harris, Smith, 2011]. Такая амбивалентная позиция скорее указывала на силу дисциплинарной идентичности и их неспособность открыть двери для городских исследователей из других наук.

В ответ на эту критику историков Боуэн, Данн и Касдан указали, что предложенную ими структуру *Urban Studies* поддержало подавляющее большинство первопроходцев в этой области знания и их коллеги, интервью с которыми заранее взяли авторы. Они признали, что вопрос о включении истории в этот список дисциплин был одним из дискуссионных. Но из-за того, что эксперты-респонденты из *Urban Studies* либо явно исключали историю как субдисциплину, либо вовсе были безразличны к ее включению, они приняли решение определить историю как смежную (*allied*), но при этом внешнюю дисциплину по отношению к *Urban Studies*. Это подтверждалось также тем, что в названиях всех статей, которые они проанализировали за 1999–2007 годы (222 статьи), слова «история» и «исторический» встречались лишь 8 и 11 раз соответственно.

В результате, по их мнению, история – это самостоятельное поле исследований, которую для *Urban Studies* правильнее рассматривать как призму или перспективу, а не как основополагающую субдисциплину. В конце Боуэн, Данн и Касдан критиковали рейтинг дисциплин в *Urban Studies*, который предложили Харрис и Смит, указав, что невозможно уловить область *Urban Studies*, замерив частоту встречаемости термина *urban* во всех других академических дисциплинах, таких как история, которые изучают темы, косвенно или иным образом связанные с городом [Bowen et al., 2011].

На эту дискуссию впоследствии ссылалась городская планировщица и редактор *Journal of Urban Affairs* Лаура Риз. В своих размышлениях о настоящем и будущем городских исследований она отмечала, что междисциплинарность является как сильной, так и слабой стороной *Urban Studies*. В частности, городские ученые должны тонко балансировать между достижениями успеха в их традиционной дисциплине и интеллектуальными реалиями выбранного ими исследовательского фокуса. Она как редактор заметила, что в *Journal of Urban Affairs* существовали очевидные дисциплинарные тенденции, среди которых было увеличение материалов по экономике, истории и демографии, а доминирующими методологиями исследований были этнография, сетевой анализ, пространственный анализ и концептуализация. С точки зрения Риз, *Urban Studies* обладали серьезной перспективой, поскольку городские ученые могут заимствовать, интегрировать и изобретать новые теории, основанные на знаниях из различных дисциплин, что позволяет понимать мир более полно по сравнению с теми, кто видит его только через призму узкой дисциплины [Laura, 2014].

Так, в принципе, и случилось. Во второй половине 2010-х – начале 2020-х годов дискуссия о дисциплинарности *Urban Studies* привела к разработке оригинальных и экспериментальных подходов в городских исследованиях, которые учитывали или преодолевали дисциплинарные ограничения. Например, появились гипотетические предложения о синтезирующей теории. Так, редактор журнала *City & Community* социолог Захари Нил желал, чтобы *Urban and Community Studies* стали самостоятельной дисциплиной. И, по его мнению, поскольку городские ученые вообще заинтересованы в ответах на подобные вопросы о междисциплинарном взаимодействии, то, вероятно, есть цель разработки единой и всеобщей теории городов, где бы дисциплинарные границы стали нечеткими [Neal, 2015, p. 244]. Но важнее то, что распространились критические теории, настаивающие на глубоком переосмыслении «городского» как социального явления. Известные городские теоретики Нил Бреннер и Кристиан Шмид выдвинули новую эпистемологию «городского» как метатеоретическую основу для будущих городских теорий и исследований [Brenner, Schmid, 2015]. Другие ученые заинтересовались

междисциплинарным взаимодействием в рамках концепции социальной устойчивости городов [Cauvain, 2018]. Новые методологии также базировались на интегративных свойствах понятия «урбанизм». В частности, перспективным является концепт трансдисциплинарного урбанизма, который предполагает обогащение городского дизайна и планирования за счет привлечения в проекты социальных исследователей, художников, аниматоров, перформеров, активистов и местных сообществ. Их задача – пересмотр властных структур в городском пространстве и изучение их неопределенностей и возможностей [Rizzo, 2015]. Не менее смелым я бы назвал концептуальную рамку компаративного урбанизма, который означает широкий сравнительный анализ, основанный на переводе концепций из различных контекстов на новые точки применения [Robinson, 2016; Robinson, 2022].

Актуализация дисциплинарности городских исследований отразилась и на выработке амбициозных институциональных решений. Географ Алекс Шафран, опираясь на идеи Анри Лефевра об организации университета, посвященного изучению урбанизации и объединению дисциплин за счет проблематизации городского феномена, предложил создать отдельную городскую академию, которая бы охватывала как ученых, так и активистов, как университеты, так и государственные, частные и некоммерческие организации [Schafran, 2014, p. 327]. Со сходной интегрирующей идеологией выступил Летний институт городских исследований (*Summer Institute in Urban Studies*), впервые состоявшийся в Манчестере в 2014 году. В процессе организации этой школы для молодых исследователей одним из главных являлся вопрос о том, где заканчивается и начинается *Urban Studies* и насколько это важно для тех, кто хочет использовать этот термин для обозначения того, чем занимается. Эти летние институты стали площадкой для дискуссий о содержимом *Urban Studies*, целью которых было создать пространство признания различий. Однако организаторы школы с сожалением признавали, что подобные идеи вступали в противоречие с академическим рынком труда, структурированным по традиционным дисциплинам [Ward, Bunnell, 2021, p. 875]. Из недавних интересных институциональных подходов я бы еще выделил проект *PEAK Urban*. Его идея заключается в согласовании самых разных дисциплинарных оптик – от анализа данных до учета этических подходов для более точного прогнозирования будущего городов, которое разработчики проекта выделяют в отдельную субдисциплину, основанную на системном мышлении [Keith et al., 2020].

Итогом этой артикуляции дисциплинарности *Urban Studies* стал выход нескольких крупных учебных пособий, описывающих основные понятия и подходы в *Urban Studies* через дисциплинарную оптику. Первой такой работой я бы назвал книгу Алана Хардинга и Тальи Блокланд «Городская тео-

рия: Критическое введение во власть, города и урбанизм в XXI веке». Авторы сразу начинают с объяснения, что собой представляют «городские субдисциплины» и какую роль они занимают в городской теории. Они отмечают: «городские исследования также не являются достоянием какой-либо одной академической дисциплины. Выдвигаются претензии на особую городскую социологию, городскую политологию, географию, экономику, планирование и так далее, но на практике трудно отличить одно от другого» [Harding, Blokland, 2014, p. 1]. При этом авторы признают, что и «городские компоненты» этих дисциплин не являются самостоятельными; так, например, трудно сказать, что отличается городскую социологию от общей социальной теории. Следующей работой является учебник «Видеть город: Междисциплинарные подходы к изучению городского», который вышел под редакцией ученых из Университета Амстердама. Книга усложняет картину дисциплинарной структуры *Urban Studies*: городским исследователям важно не только увидеть что-то за рамками своей дисциплины, но также необходимо учитывать взгляд различных парадигм, таких как позитивизм, постпозитивизм, критическая теория и конструктивизм [Verloo, Bertolini, 2020, p. 15–18]. Третьей значимой книгой стал английский перевод теоретической работы «Город: Междисциплинарное введение в городские исследования», автор которой – немецкий политолог и историк Уве Прелл. Он пишет о том, что в *Urban Studies* существует дилемма междисциплинарного исследования: все городские исследователи обязаны следовать междисциплинарному подходу, но никто не имеет возможности справиться с масштабами этой задачи. Одновременно городские ученые боятся критики коллег из других дисциплинарных областей, и поэтому в *Urban Studies* междисциплинарность является немалым риском [Prell, 2022].

Предложение новых теорий, инициативы институционализации и появление дидактических работ только усиливают дискуссию о роли дисциплин в изучении города и урбанизации. Споры идут и сегодня. Так, в совсем недавнем номере журнала *Journal of Urban Affairs* вышла (впервые онлайн в 2022 году) коллективная программная статья под названием «Состояние городского исследования: взгляд через дисциплины». Различные городские ученые пытались ответить на вопросы: что значит концепт «городское» через призму вашей дисциплины? Какие методы использует ваша дисциплина для выявления «городского»? Как именно развивалось «субполе» (*subfield*) о «городском» в рамках вашей дисциплины? Какой вклад в вашу дисциплину внесли городские исследования? Какие именно подходы и концепции ваша дисциплина может предложить другим дисциплинам в изучении «городского» и какие подходы вы готовы заимствовать из других дисциплин для улучшения вашей собственной? [Wolman et al., 2024a, p. 425–426].

Редакторы статьи политические ученые Гарольд Уолман и Уильям Барнс задали эти вопросы представителям пяти наук: экономики (Джеффри Лин), истории (Ричард Харрис), городского планирования (Дженнифер Кларк), политологии (Томас Огорзалек) и социологии (Саманта Фридман). Этот коллективный труд показал, что авторы склонны указывать на замкнутость своих дисциплинарных оптик в анализе городских феноменов. С одной стороны, дисциплины позволяют генерировать и накапливать знания в области городских исследований. Но с другой – это приводит к тому, что городские ученые отдают приоритет дисциплинарной автономии, а не развитию общего «поля». Ученые скованы институциональными рамками: продвижение по карьерной лестнице происходит в дисциплинарных департаментах, а публикации в журналах своей специализации ценятся выше, чем в изданиях других дисциплин или междисциплинарных. Авторы статьи предполагают, что выход из такой дисциплинарной ловушки лежит не в реализации совместных интердисциплинарных исследовательских проектов, но в первую очередь в общении между дисциплинарными «субполями», занимающимися городом. Поэтому они призывают создать «республику диалога» (*republic of conversation*) для совместного изучения важных текстов из различных дисциплин, обсуждения острых вопросов и обмена идеями, которые выступают скорее фундаментами и институтами дальнейшего развития *Urban Studies*. Короче говоря, выход в том, чтобы проводить больше совместных дискуссий [Wolman et al., 2024a, p. 448–454].

Ответом на эту статью стало эссе географов Жан-Поля Эдди и Кевина Уорда, которые указали, что появление научной области знаний *Urban Studies* было результатом первого междисциплинарного поворота, спровоцированного эпохой городского кризиса 1960–1970-х годов. По их мнению, последние два десятилетия наблюдается второй междисциплинарный поворот и всплеск интереса к городским исследованиям, обусловленный признанием значимости планетарной урбанизации и масштабного роста городов Глобального Юга. Географы отмечают, что влияние разных дисциплин на *Urban Studies* зависит от страны к стране; например, в США доминируют подходы социологии, политической науки и связей с общественностью (*public affairs*), в Великобритании – география и планирование. Эдди и Уорд выступают против наличия внутри каждой дисциплины «субполя» (*the subfield*), изучающего «городское». Статья пытается доказать, что многое зависит от конкретных интерпретаций того, чем именно являются *Urban Studies*: 1) какие дисциплины включать в *Urban Studies* при их описании, а какие нет («дисциплинарная пристрастность»); 2) зависимость *Urban Studies* от географии тех, кто о ней рассуждает, и географии тех, о ком рассуждают («географическая пристрастность»); 3) важность отсылок к предшественникам-ученым в рамках кри-

тических городских исследований и городской теории [Addie, Ward, 2024, p. 463–465, 470].

Фактически авторы критикуют взгляд из дисциплин, поскольку дисциплины формируют, структурируют и ограничивают способность ученых четко оценивать как состояние городских исследований, так и то, что входит в *Urban Studies*. Они рекомендуют обращаться непосредственно к проблематике «городского», которое и подталкивает задавать вопросы об онтологии и эпистемологии городских исследований. То есть научные изыскания должны быть ориентированы не на дисциплину, а на теоретизацию и проблематизацию города. Эдди и Уорд в основном приводят примеры, связанные с учетом вклада предшественников, ассоциированных именно с *Urban Studies*, которые способствуют такому подходу. Помимо теории, одним из важнейших способов достижения консолидации *Urban Studies* они считают создание междисциплинарных институтов в университетах и научных учреждениях [Addie, Ward, 2024, p. 468–469]. В комментарии-ответе на эту критику авторы статьи о взгляде на городские исследования через дисциплины фактически признали, что *Urban Studies* тоже можно рассматривать как еще одну уже сформированную дисциплину внутри *Urban Research* [Wolman et al., 2024, p. 475–476].

Текст Эдди и Уорда заставляет задуматься о национальных контекстах *Urban Studies*, которые могут собираться дисциплинарно по-разному в зависимости от региональных и страновых особенностей развития социальных наук. Заметная рефлексия о дисциплинарном характере городских исследований происходит сегодня в италоязычном и германоязычном научном мире. Так, в Италии с 2017 года выходит в свет журнал *Tracce Urbane: Rivista Italiana Transdisciplinare di Studi Urbani*, посвятивший несколько тематических номеров дисциплинарности и междисциплинарности городских исследований. На его страницах планировщики, географы, социологи и историки пытаются критически реконструировать ретроспективу дисциплин и интердисциплинарности в немецкоязычных *Urban Studies* (нем. *Stadtforschungen*), показывая значимость критической теории и оптики в германских городских исследованиях [Pizzo et al., 2019; Pizzo et al., 2020].

Проблематизация дисциплинарных границ *Urban Studies* особенно проявляется в научных сообществах тех стран, где сегодня продолжает фиксироваться масштабная урбанизация. Так, вызовом для *Urban Studies* в Китае является выход на современную критическую и социальную теорию и ее применение на китайском эмпирическом материале [He, Qian, 2017, p. 839]. Аналогично индийские ученые

находятся в поисках теоретических основ, которые могут преодолеть дисциплинарные границы, оставаясь при этом внимательными к разнообразию местных индийских урбанизмов [Coelho, Sood, 2022, p. 2628]. Отличительной чертой *Urban Studies* в Бразилии стала связка междисциплинарных университетских исследований с практической сферой через взаимодействие со школой Теологии освобождения, общественными и неправительственными организациями, низовыми сообществами и церковью [Fix, Arantes, 2022]. Здесь я хочу сказать, что отмеченные историографические тенденции во многом характерны и для российских городских исследований.

Таким образом, в современных социальных науках о городах воспроизводится достаточно устойчивый дискурс о дисциплинарности *Urban Studies*. Дисциплинарность означает своеобразное обновление междисциплинарного подхода, где акцент делается не только на диалоге между разными науками о городах и урбанизации, а на передний план выдвигается представление о том, в каких именно дисциплинах, контекстах и географиях смотрят ученые на *Urban Studies* и из каких дисциплинарных полей *Urban Studies* конструируется. Несомненно, что такая оптика актуализирует (не)признание *Urban Studies* как самостоятельной дисциплины, которая смогла бы выйти за пределы конвенционального дисциплинарного круга. Для этого ученые пытаются найти пути консолидации наук о городе через разработку новых городских теорий, концептуализацию урбанизмов и «городского», написание учебных пособий и определение национальной и региональной специфики.

Я привел этот подробный обзор дисциплинарных трендов в мировых *Urban Studies* с целью обратить внимание на то, что сегодня российские городские исследования во многом переживают схожие трансформации. По крайней мере в публичном пространстве городские исследователи часто говорят о трудностях перевода с одного языка на другой либо между научными дисциплинами, либо между учеными и представителями практической сферы, либо вообще между разными городскими стейкхолдерами, жителями и властью. Эта проблематика стала настолько выпуклой, что «урбанистика» в России сегодня многими понимается именно как метаязык, а урбанисты – как те, кто на этом языке умеет говорить⁴. Урбанисты превращаются в толмачей – посредников, адвокатов, медиаторов, модераторов, – которые знают, как согласовывать общие задачи и купировать конфликты. И очень часто, когда кто-то определяет так «урбаниста» и «урбанистику», он одновременно уточняет о своей дисциплинарной специализации⁵. Дисциплинарная идентичность является первостепенной

4. См., например: [Кузнецов, 2020; Новиков, 2015; Интервью с Александром Антоновым, 2024].

5. Особенно заметна такая рефлексия о своей (меж)дисциплинарной позиции у исследователей, которые стали героями в недавней серии интервью об «урбанистике» на страницах академического информационного бюллетеня *Schola* от Высшей школы экономики: [Блинкин, 2024], [Замятин, 2024], [Митин, 2024], [Мальцева, 2024].

для смысловой артикуляции «урбанистики». То есть я утверждаю, что российская «урбанистика», как и в зарубежные *Urban Studies*, описывается сегодня с точки зрения позиции разных дисциплин и поэтому определяется как метаязык. Почти никто не хочет отказываться от своей дисциплины в городских исследованиях. Другое дело, что, в отличие от *Urban Studies* в англоязычной научной литературе, разговоры о дисциплинарной структуре или о содержании российской «урбанистики» вообще сегодня не переходят в академическую плоскость конференций, журналов, публикаций, книг и рецензий, а остаются на уровне публичных или кулуарных бесед. Поэтому мы и попытались это исправить.

Метрополисы

Этот тематический номер журнала «Городские исследования и практики» подготовлен по итогам Молодежной научной конференции «Метрополисы: множественная урбанистика и ее языки описания», которая состоялась 5–7 октября 2023 года в Тюменском государственном университете. Организаторами конференции выступили магистерская программа «Концептуальная урбанистика», руководителем которой я являюсь, а также Лаборатория исторической географии и регионалистики, возглавляемая Сергеем Козловым и реорганизованная в 2024 году в Центр урбанистики. Название конференции было выбрано неслучайно.

Метрополис – одно из ключевых понятий городских исследований, начиная с Чикагской школы и английского перевода культового эссе Георга Зиммеля *The Metropolis and Mental Life* [Brantz et al., 2012]. Классическое греческое понятие «мать городов / город-мать», фиксирующее влияние и связь города-метрополиса с городами-колониями, демосом или территориями, прекрасно раскрывало один из эффектов городского роста уже в модерную эпоху. Неспроста Луис Вирт в своем культовом эссе об урбанизме начинал с базового тезиса о воздействии метрополиса на округу за пределы его юридических границ, а после публикаций Аллена Джона Скотта в начале 1980-х годов стало ясно, что «эффект метрополиса» имеет глобальный характер. Метрополис как аналитическая категория позволяла повернуть, казалось бы, привычный ход урбанистической мысли и посмотреть по-новому на социальное в городском. В эссе Зиммеля мы узнаем, что Метрополис ведет не только к атомизации горожанина, но одновременно создает его индивидуальность. Или в конце 1950-х годов в *The Exploding Metropolis* группа новых урбанистов во главе с Джейн Джекобс положила начало длительной борьбе с модернистской идеологией в градостроительстве. Или благодаря *Postmetropolis* Эда Соджа мы окончательно поняли, что все хотят быть городами, а воображаемое есть материальная сила, которая проявляется в городских проектах. Тем

не менее если в первой половине XX века социальные исследователи посредством «метрополиса» артикулировали «истинно городское», присущее большому городу, то сегодня вопрос о «метрополисе» – это в первую очередь вопрос о концептах и понятийном аппарате современных городских исследований. Мы посчитали, что это понятие «метрополисы», редко применяемое в России, но играющее важную роль в изучении города и урбанизации в социальных науках на Западе, выступает прекрасной метафорой того разнообразия, которое сложилось в отечественной урбанистике. Метрополисы – это разные дисциплины внутри *Urban Studies*, влияющие на другие дисциплины, изучающие город. Так, мы выбрали название конференции, которая, надеемся, будет традиционной и сыграет важную роль в развитии городских исследований в России.

Проблематика первых «Метрополисов» была предельно ясна. Назрел большой разговор о дисциплинарных и профессиональных языках, сложившихся в российской урбанистике: исследователей-практиков, представителей академии, активистов, чиновников, девелоперов и т. д. Важно было поговорить о том, представляет ли урбанистика в России цельную дисциплину, является ли она только совокупностью всех научных текстов о городах и урбанизации, как указывал изначально Глазычев, или же она стала способом проявления гражданства в союзе с социальными исследователями, или же она метаязык, на котором пытаются договариваться все, кто так или иначе причастен к городу. Как исследуют город представители различных социальных наук – историки, антропологи, социологи, географы и др.? Как на нем говорят урбанисты-практики? Действительно ли у всех нас в городе одно поле или каждый воспринимает город в своей исследовательской оптике? Возможна ли урбанистика как особый междисциплинарный дискурс и консистентный язык описания, понятный всем урбанистам? Эти вопросы, подталкиваемые общим рефлексивным поворотом в социальных науках, нашли отражение в основной тематике конференции «Множественная урбанистика и ее языки описания».

Глубокое обсуждение требует и серьезного пересмотра формата конференций, проводимых очень часто по схеме «автомата», когда массово прочитываются один за другим доклады без должной рефлексии и критики. Организаторы решили, что стержневая интенция конференции будет в первую очередь обсуждаться во время установочной дискуссии «О множественных языках урбанистики: оптики и дисциплины», завершающего круглого стола «Все-таки на каких языках говорит урбанистика?», а также во время экспертных докладов, которые представят исследования с позиций своих дисциплин – антропологии, социологии, географии и истории. Основные сессии посвящались разбору различных кейсов через разные дисциплинарные

оптики, но сфокусированные на одной предметной категории – материальность, сообщества, сектор экономики, восприятие и образы, планирование.

Смешение различных специалистов в дискуссиях и обсуждениях докладов показало, что дисциплинарная идентичность играет серьезную роль в академических городских исследованиях. Артикуляция своей позиции из какой-то профессиональной области, обозначение тем самым своей экспертности структурирует и определяет все направления и подходы социальных наук о городе. Вместе с тем, как указал городской антрополог Михаил Алексеевский, исследователю не нужно замыкаться в рамках внутренней дисциплинарности со своими ценностями и принципами, а скорее необходимо быть дисциплинарно гибким как социальному ученому. Он подчеркнул, что дисциплинарному ученому не надо охранять периметр по принципу «это ваша, а это наша территория». Участники отметили отсутствие лингвистического дискомфорта, так как общение между коллегами происходит в рамках единого языка социальных наук, включающего общие методы, терминологический аппарат и цитируемые книги. Антрополог Михаил Лурье остроумно пошутил, что «сформировалась особая культура собственности: все друг у друга тырят», подмечая тем самым, что дисциплины уже давно присвоили каждая себе этот метаязык современной социально-гуманитарной науки. Иначе говоря, академические городские исследования разговаривают с помощью метаязыка, но который не связан с языком урбанистики или специфических городских исследований, а исходит из социальных наук в целом. «Общая кормушка» этого языка не урбанистика, а социальные науки.

Однако географ Руслан Дохов также обратил внимание на избыточность общего языка, в котором одни и те же термины могут иметь различную смысловую нагрузку и для их перевода потребуется масса узконаправленных словарей. Он отметил, что эти дублирующие понятия скорее призваны присвоить изучаемый объект дисциплине, чем лучше его описать. При этом происходит не воровство методов, терминов и подходов одних дисциплин у других, а что-то похожее на потlach: сначала в дисциплине накапливается какое-то количество терминов и подходов, после чего она переходит с этим богатством за свои собственные границы, раздаривая имущество другим наукам. С этим утверждением мне хочется особо согласиться. Так, сразу после завершения конференции я задумался о необходимости завести канал в *Telegram*, который бы не просто популяризировал историческую урбанистику, но, что важнее, показывал исследователям города в целом ценность и эффективность методов и оптик исторической науки в анализе городского развития. Казалось, историческая урбанистика может уже очень многое сказать о современных трансформациях культурного и исторического наследия в городах.

6. <https://t.me/urbanhistorians>.

Через месяц я вместе с группой студентов запустил канал «Городские истории»⁶, который, похоже, судя по отзывам коллег, открыл для части городских исследователей и практиков субдисциплину исторической урбанистики.

Одновременно с этим заключительная дискуссия указала на то, что конференция объединила исключительно академических городских исследователей и ей не удалось включить в этот диалог представителей наук, тесно связанных с городом через прикладную сферу городского планирования, архитектуры, дизайна, маркетинга и т. д. В оправдание следует добавить, что организаторы звали специалистов и из этих сфер, но получили отказ. Прикладным специалистам часто сложно понять, что же такое «научная конференция». Более близким кажется формат урбан-форумов. Им часто непонятны социальные исследования, и они редко видят в них дисциплинарные нюансы. Одним из самых ярких примеров являются случаи, когда какой-нибудь архитектор, планировщик или дизайнер называет любые проектные исследования «социологией», обычно мельком проговаривая «в нашем проекте мы учили социологию» или «да, социология важна», при этом слабо осознавая, а какие, собственно, исследования они провели. Так что между практиками и учеными найти общий язык уже намного сложнее. Часть докладов на конференции, претендовавших на разработку реального городского проекта, приводила к напряженному диалогу. Некоторые эксперты социальных дисциплин подтверждали трудности такого общения. Так, Михаил Алексеевский признал, что значительное время на работе его команда тратит на то, чтобы перевести результаты их антропологических исследований на понятный язык планировщикам. «Идентичность» у антрополога и историка – не то же самое, что «идентичность» у планировщика и архитектора. Руслан Дохов прямо обозначил, что задача исследователей не в том, чтобы создать новый язык урбанистики, которого нет и не будет, но выработать точки сборки представлений о словах и описываемых ими объектах. Историк к такому ходу мысли добавил бы тезис о значении контекстуального воображения урбанистики. Она существует только в контексте дисциплин, специальностей, бизнеса, девелоперов, активистов или сообществ, которые формируют собственное понимание слов, схватывающих «городское».

Итак, по итогам конференции был подготовлен этот тематический номер «Городских исследований и практик». Мы постарались отобрать те статьи участников и некоторых приглашенных молодых авторов, которые хоть и отражали разные исследовательские подходы, но позволяли показать современную множественность урбанистики. Как правило, каждый автор, придерживаясь конкретной дисциплинарной оптики, старался выходить за ее пределы, пытаясь работать с понятиями, не только пре-

тендующими на междисциплинарность, но и выходящими для анализа в другие городские миры, которые нередко напрямую приписываются «урбанистике», такие как архитектура, строительство, планирование, креативные пространства, центры джентрификации, ритейл, коммерческий ландшафт, жилищная сфера, молодежные сообщества. В этих работах проявляется множественность городских исследований через 1) синтез разных ролей социального ученого, изучающего город, и 2) в попытках деконструкции понятийного языка.

Во-первых, особый интерес вызывает серия статей, воссоздающих во всех случаях одинаковую метапозицию авторов: архитекторов, которые стали социальными антропологами и вышли в этнографическое поле своей профессиональной сферы, сосредоточившись при этом на изучении конкретных понятий «идея/проект», «идентичность», «дискоммуникация». Архитектор и городской антрополог Александра Третьякова с помощью методов автоэтнографии реконструирует процессы превращения идеи в архитектурный проект в «крафтовом» архитектурном бюро. Архитектор и городской антрополог Гавриил Малышев рассказывает об интеграции понятия идентичности в сообщество архитекторов и какие профессиональные практики оно порождает. Архитектор и городской антрополог Владимир Ротбергер рефлексировал над сложностями коммуникации между архитекторами и строителями при реализации проекта.

Во-вторых, в тематическую подборку вошли статьи, посвященные анализу оригинальных понятий, которые 1) пытаются объяснить какую-то сторону городской реальности, оставляя дистанцию между исследователем и изучаемым предметом, 2) претендуют на междисциплинарное использование и 3) в то же время являются элементом языка изучаемого объекта. Социальные исследователи Ангелина Филип и Константин Глазков раскрывают различные восприятия «аварийности» в жилищном фонде Перми. Социолог Ксения Калашникова сфокусировалась на разборе «аутентичности», которая может включаться в процесс производства пространства при деятельности коммерческих агентов.

В-третьих, в тематический номер включены статьи, построенные на определенной вовлеченности автора в изучаемое явление, работающие в какой-то степени как исследовательская поддержка новых социальных миров города. Архитектор Наталья Азаренкова анализирует понятие «кластер», которое в условиях постиндустриальной экономики не просто зафиксировало эволюцию термина «территориально-производственный комплекс», относящегося к понятийному аппарату планировщиков и эконом-географов, но и реальную трансформацию индустриальных пространств в городе. Антрополог Анна Гусейнова описывает реализацию проекта «Центры местного сообщества», наполняющего не-место, в данном случае магазины «у дома», новыми практиками добрососедства и взаимопомощи,

и какую роль в этом процессе играют антропологические исследования.

В-четвертых, в подборку статей также вошли два текста, пытающиеся пересмотреть устоявшийся исследовательский дисциплинарный язык в изучении важных городских тем городского планирования и городских сообществ. Историк Максим Мочалин, опираясь на предшествующую историографию и анализируя кейсы постоянного обновления советских генпланов в Новом Уренгое, предложил интерпретацию «городского планирования» как перформативной практики планировщиков, вечно проявляющейся в постоянной незавершенности реализации проектов. Антрополог Иван Сапогов примеряет разные теоретические модели для описания молодежного сообщества Китай-города в Москве, показывая возможности научного конструирования в анализе соотношения сложной и динамичной городской группы с городским пространством, которое она занимала.

Множественная урбанистика: контексты, теории, институты

Пора перейти к заключению. В этом пространном эссе я предлагаю концепцию множественной урбанистики, которая подразумевает не просто дисциплинарную структуру городских исследований, но их отчетливое восприятие учеными через дисциплинарную идентичность, перерастающее в некоторых случаях в стремление сформировать из урбанистики (или *Urban Studies* в англоязычном научном сообществе) отдельную самостоятельную дисциплину. В российских реалиях дисциплинарная множественность городских исследований серьезно усложняется бинарностью науки и практики академических фундаментальных исследований, как правило, при университетах и институтах, и прикладного консалтинга в рамках коммерческих договоров и под задачи конкретного заказчика. Иначе говоря, урбанистика одновременно делится на академическую и прикладную, и одновременно обе эти урбанистики состоят из дисциплинарных специализаций. Сюда же добавляется идеологический посыл современных городских исследователей, особенно в прикладной сфере, которые стремятся сделать города более комфортными, но что важнее – включить в цепочку реализации городских проектов обычных горожан. Это приводит к определенному разрыву между городскими исследователями, которые не готовы выходить из научной позиции невмешательства, и учеными-практиками, способными в какой-то степени принимать на себя роль городских активистов.

Какое следствие этой описательной модели множественной урбанистики?

Первое: становится очевидным, что урбанистика (или *Urban Studies*) существует исключительно в контексте. Что вы имеете в виду, когда говорите слово «урбанистика»? Вовлеченные исследователи

и практики могут подразумевать самые разные коннотации: это может быть связка градостроительства, социальных исследований и форматов соучастия; это может быть и городской активизм; это может быть урбанизм как социальное состояние «городского» – от комфортной соразмерной среды до социальной организации горожан; это могут быть и фундаментальные исследования или совокупность всех научных и публицистических текстов о городах и городском развитии. Не говоря уже о том, что каждый раз, когда кто-то артикулирует «урбанистику», он всегда делает это из дисциплинарной позиции. Эта запутанность заставляет многих определять «урбанистику» как метаязык, а урбанистов – как специалистов, умеющих на нем разговаривать. С одной стороны, да, но в этом есть определенный самообман, поскольку каждый такой «урбанист-медиатор» продолжает, по сути, говорить на языке своей дисциплины, используя вроде бы общие термины, методы и подходы, но фактически вкладывая в них содержание, которое характерно для его дисциплинарной традиции. И поскольку сохраняется невидимое присутствие дисциплин, реальным метаязыком для общения между городскими исследователями и практиками является не язык урбанистики, а общий язык современных социальных наук, который уже давно присвоен дисциплинами и воспринимается как свой. Множественная урбанистика означает навык видеть и учитывать эти контексты.

Второе: дальнейшее развитие урбанистики невозможно без теории. Сильные позиции прикладных исследователей в России привели к господству принципа, согласно которому город можно понять только через практику и о котором я часто слышу от тех, кто включен в реализацию городских проектов. Именно эта ориентированность на практику во многом и поспособствовала выработке представления об урбанистике как метаязыке, который нужен в первую очередь для согласования позиций разных специалистов, занятых преобразованием городов. Такие «прикладные урбанисты» нередко заявляют о приоритете практики и медиации над теорией. В целом я не против такой установки, аргументы в ее пользу понятны. Но я вижу серьезную опасность изоляции и упадка направления в России, уже проявляющегося в ситуации, которую я описал в самом начале эссе: бурный рост прикладных городских исследований, который сопровождается стагнацией академических работ. Предполагаю, что потенциал развития академических городских исследований сегодня находится за пределами академии, в командах, которые ориентированы на прикладной рынок. Для них ключ к урбанистике как метаязыку лежит не просто в умении использовать модные новые словечки, взятые, как правило, из социальных наук, но в том, чтобы углубиться в их смысл и разные интерпретации. Это неосуществимо без знания истории и современного состояния, теории и подходов в *Urban Studies* как в России, так и в мировой науке. Множественная

урбанистика означает сборку дисциплинарных подходов на основе новых теорий об урбанизме.

Третьим условием интеграции различных городских исследований является создание институтов, обеспечивающих не только обмен методами и подходами между дисциплинами и воспроизводство знания в этой области, но и отстаивание интересов *Urban Studies* в разных государственных научно-образовательных номенклатурах. В конечном счете такая институциональная политика может привести к восприятию урбанистики в России как отдельной научной специальности и образовательного направления. Но и без формальных эффектов институционализация *Urban Studies* должна способствовать, как минимум, полноценному междисциплинарному взаимодействию. Я даже говорю не про образовательные программы и исследовательские центры, подобно Высшей школе урбанистики ВШЭ, Институту медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», кафедре Глазычева РАНХиГС, Центру урбанистики ТюмГУ, программе «архитекторы.рф», Институту дизайна и урбанистики Университета ИТМО, НОЦ «Гуманитарная урбанистика» НовГУ и некоторым другим, большинство из которых являются по своей сути дисциплинарными, но стремятся выйти за рамки дисциплинарных ограничений. Поэтому правильнее призывать к проектам, в основе которых лежит принцип «республики диалога», предложенный на страницах *Journal of Urban Affairs*: организация конференций, где будет реальное смешение дисциплинарных оптик; реализация фундаментальных исследований, основанных на консолидирующих теориях; внедрение в прикладные исследования города теоретических знаний из академии, включая более серьезное отношение к ее терминологическому словарю и дисциплинарным различиям. Множественная урбанистика означает конструирование городских исследований через институционализацию такого диалога социальных наук.

Источники

- 10 глупых вопросов архитектору-урбанисту (2020) // Жиза. 04.08.2020. Режим доступа: <https://youtu.be/vn1eewCfIsc?si=NeN1gc0vYj0KjtPc> (дата обращения: 06.11.2024).
- Абашев В. В., Власова Е. Г., Печищев И. М., Пустовалов А. В., Курбанова Р. Ф. (2020) Урбанизм и урбанисты в российских сетевых изданиях 2010-х годов. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет.
- Блинкин М. (2024) Настоящая урбанистика – это научная дисциплина и в то же время практическое ремесло // *Scholar*. 19.09.2024. Режим доступа: <https://scholar.hse.ru/news/964318158.html> (дата обращения: 14.12.2024)
- Вахштайн В. (2022) Воображая город: введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение.
- Глазычев В. Л. (2008) Урбанистика. М.: Издательство «Европа».
- Загвозкина В. (2020) Что такое урбанистика? Мнение дипломированного урбаниста // *Urban Blog*. 24.02.2020. Режим доступа: <https://youtu.be/>

- UEi1-YHF50A?si=wYbB2ww0kQNq3p9c (дата обращения: 06.11.2024).
- Замятин Д. (2024) Меня всегда интересовало, как формируется образ города// Schola. 09.10.2024. Режим доступа: <https://schola.hse.ru/news/972149073.html> (дата обращения: 14.12.2024)
- Интервью с Александром Антоновым//Свят Мурунов. 05.09.2024. Режим доступа: <https://youtu.be/1ALfmh3gBkU?si=VrCbZ8U4pJ0aXoc3> (дата обращения: 06.11.2024).
- Кузнецов С. (2020) Урбанистика: искусство «читать» город//Объединение культурных центров ЮВА0. 03.11.2020. Режим доступа:https://youtu.be/Hxhu-R16hGY?si=PrZ08_7o_LYmHWK0 (дата обращения: 06.11.2024).
- Мальцева Д. (2024) Путь от социолога к звездочету//Schola. 11.11.2024. Режим доступа: <https://schola.hse.ru/news/985529431.html> (дата обращения: 14.12.2024)
- Митин И. (2024) Урбанистика – это «наука-подъезд»//Schola. 21.10.2024. Режим доступа: <https://schola.hse.ru/news/977940282.html> (дата обращения: 14.12.2024)
- Новиков А. (2015) Урбанистика – это язык, на котором должны говорить специалисты разных областей//hse.ru. 16.04.2015. Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/148427233.html> (дата обращения: 06.11.2024).
- Паченков О. (2020) Что такое урбанистика?//Лекторий Городских проектов в Петербурге. Дата обращения: 02.03.2020. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WuYjG3zurA> (дата обращения: 06.11.2024).
- Трубина Е. (2022) Тридцать лет академической урбанистики в постсоветской России: между фундаментальным и прикладным//Новое литературное обозрение. № 6. С. 125–145.
- Флорида Р. (2018) Новый кризис городов: джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. М.: Издательская группа «Точка».
- Addie J.-P.D., Ward K. (2024) The State of Urban Research? The State of Urban Research!//Journal of Urban Affairs. Vol. 46. № 3. P. 463–474.
- Bowen W.M., Dunn R.A., Kasdan, D.O. (2011) Response to «The History in Urban Studies: A Comment»//Journal of Urban Affairs. Vol. 33. № 1. P. 107–110.
- Bowen W.M., Dunn R.A., Kasdan D.O. (2010) What Is «Urban Studies»? Context, Internal Structure, and Content//Journal of Urban Affairs. Vol. 32. № 2. P. 199–227.
- Brantz D., Disko S., Wagner-Kyora G. (eds). (2012) Thick Space: Approaches to Metropolitanism. Bielefeld: Transcript Verlag.
- Brenner N., Schmid C. (2015) Towards a New Epistemology of the Urban?//City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. Vol. 19. № 2–3. P. 151–182.
- Brenner Neil (ed.). (2014) Implosions/Explosions: Towards a Study of Planetary Urbanization. Berlin: Jovis Verlag. 576 p.
- Cauvain J. (2018) Social Sustainability as a Challenge for Urban Scholars//City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. Vol. 22. № 4. P. 595–603.
- Coelho K., Sood A. (2022) Urban Studies in India across the Millennial Turn: Histories and Futures//Urban Studies. Vol. 59. № 13. P. 2613–2637.
- Crawford M. (2020) Why Planners Need Anthropologists//Life among Urban Planners: Practice, Professionalism, and Expertise in the Making of the City/Ed. by J. Mack, M. Herzfeld. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 42–60.
- Fix M., Arantes P.F. (2022) On Urban Studies in Brazil: The Favela, Uneven Urbanisation and Beyond//Urban Studies. Vol. 59. № 5. P. 893–916.
- Fraser B. (2015) Toward an Urban Cultural Studies: Henri Lefebvre and the Humanities. New York: Palgrave Macmillan.
- Harding A., Blokland T. (2014) Urban Theory: A Critical Introduction to Power, Cities and Urbanism in the 21st century. London: Sage. 312 p.
- Harris R., Smith M.E. (2011) The History in Urban Studies: A Comment//Journal of Urban Affairs. Vol. 33. № 1. P. 99–105.
- He S., Qian J. (2017) From an Emerging Market to a Multifaceted Urban Society: Urban China Studies//Urban Studies. Vol. 54. № 4. P. 827–846.
- Keith M., O’Clery N., Parnell S., Revi A. (2020) The Future of the Future City? The New Urban Sciences and a PEAK Urban Interdisciplinary Disposition//Cities. Vol. 105. October. P. 1–9.
- Laura R. (2014) The Present and Future of Urban Affairs Research//Journal of Urban Affairs. Vol. 36. № S2. P. 543–550.
- Neal Z. (2015) Reflections on City & Community and the Future of Urban Studies//City & Community. Vol. 14. № 3. P. 242–244.
- Pizzo B., Gribat N., Höhne S., Michel B., Schuster N. (2019) An Historical and Critical Reconstruction of Disciplines and Interdisciplinarity in Urban Studies//Tracce Urbane. Rivista Italiana Transdisciplinare Di Studi Urbani. № 6. P. 70–91.
- Pizzo B., Gribat N., Höhne S., Michel B., Schuster N. (2020) An Historical and Critical Reconstruction of Disciplines and Interdisciplinarity in Urban Studies (Part 2)//Tracce Urbane. Rivista Italiana Transdisciplinare Di Studi Urbani. P. 39–53.
- Popenoe D. (1965) On the Meaning of «Urban» in Urban Studies//Urban Affairs Quarterly. Vol. 1. № 1. P. 17–33.
- Prell U. (2022) The City: An Interdisciplinary Introduction to Urban Studies. Translated from the German by Laura Radosh. Edited by Ute Reusch. Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.
- Rizzo A., Galanakis M. (2015) Transdisciplinary Urbanism: Three Experiences from Europe and Canada//Cities. Vol. 47. September. P. 35–44.
- Robinson J. (2016) Comparative Urbanism: New Geographies and Cultures of Theorizing the Urban//International Journal of Urban and

Regional Research. Vol. 40. № 1. January. P. 187–199.

Robinson J. (2022) Introduction: Generating Concepts of “the Urban” through Comparative Practice//Urban Studies. Vol. 59. № 8. P. 1521–1535.

Schafraan A. (2014) Debating Urban Studies in 23 Steps//City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. Vol. 18. № 3. P. 321–330.

Verloo N., Bertolini L. (2020) Seeing the City: Interdisciplinary Perspectives on the Study of the Urban. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Ward K., Bunnell T. (2021) Reflections on Five Years of the Summer Institute in Urban Studies//Urban Studies. Vol. 58. № 4. P. 863–878.

Wilson A. (2022) Being Interdisciplinary. Adventures in Urban Science and Beyond. London: UCL Press.

Wolman H., Barnes W., Clark J., Friedman S., Harris R., Lin J., Ogorzalek T. (2024a) The State of Urban Research: Views across the Disciplines//Journal of Urban Affairs. Vol. 46. № 3. P. 425–462.

Wolman H., Clark J., Friedman S., Harris R., Lin J., Ogorzalek T. (2024b) Response: An Invitation to Conversation across Disciplines//Journal of Urban Affairs. Vol. 46. № 3. P. 475–476.

MULTIPLE URBAN STUDIES AND THEIR DESCRIPTIVE LANGUAGES

Igor N. Stas. Candidate of History, Senior Researcher, Center for the Urban Studies, Tyumen State University (UTMN), Volodarsky st. 6, Tyumen, 625003, Russian Federation. E-mail: igor.stas@mail.ru

The paper proposes a concept of multiple urbanism, which implies not just a disciplinary structure of urban studies but their distinct perception by scholars through disciplinary identity, which in some cases develops into an aspiration to form a separate independent discipline from urban studies. In Russian context, the disciplinary plurality of urban studies is significantly complicated by the binary opposition between scientism and pragmatism: academic fundamental and applied research. Urban studies is simultaneously divided into academic and applied domains, while both of these domains consist of disciplinary specializations. Multiple urbanism means: 1) considering the context when articulating social science terms used in urban studies; 2) developing new consolidating theories that explain urbanisms as different states of the “urban”; and 3) institutionalizing urban studies and establishing dialogue between social sciences studying the city and urbanization.

Keywords: disciplines; interdisciplinarity; applied research; social sciences; urban studies; urbanism
Citation: Stas I.N. (2024) Multiple Urban Studies and Its Languages Of Description. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp. 6-21. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp9420246-21> (in Russian)

References

10 glupyykh voprosov arkhitektoru-urbanistu [10 Silly Questions for an Architect-Urbanist] (2020). Zhiza. 04.08.2020. Available at: <https://youtu.be/vn1eewCfIISc?si=NeNlgcOvY-jOKjtPc> (accessed: 06.11.2024). (in Russian)

Abashev V.V., Vlasova E.G., Pechishchev I.M., Pustovalov A.V., Kurbanova R.F. (2020) Urbanizm i urbanisty v rossiyskikh setevykh izdaniyakh 2010-kh godov [Urbanism and Urbanists in Russian Online Publications of the 2010s]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet.

Blinkin M. (2024) Nastoyashchaya urbanistika—eto nauchnaya discipli-

na i v to zhe vremya prakticheskoye remeslo [Real Urban Studies Is Both a Scientific Discipline and a Practical Craft]. *Schola*, 19.09.2024. Available at: <https://schola.hse.ru/news/964318158.html> (accessed: 14.12.2024).

Addie J.-P.D., Ward K. (2024) The State of Urban Research? The State of Urban Research! *Journal of Urban Affairs*, vol. 46, no 3, pp. 463–474.

Bowen W.M., Dunn R.A., Kasdan D.O. (2011) Response to “The History in Urban Studies: A Comment”. *Journal of Urban Affairs*, vol. 33, issue 1, pp. 107–110.

Bowen W.M., Dunn R.A., Kasdan D.O. (2010) What Is “Urban Studies”? Context, Internal Structure, and Content. *Journal of Urban Affairs*, vol. 32, issue 2, pp. 199–227.

Brantz D., Disko S., Wagner-Kyora G. (eds.) (2012) Thick Space: Approaches to Metropolitanism. Bielefeld: Transcript Verlag.

Brenner N. (ed.) (2014) Implosions/Explosions: Towards a Study of Planetary Urbanization. Berlin: Jovis Verlag.

Brenner N., Schmid C. (2015) Towards a New Epistemology of the Urban? *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, vol. 19, no 2–3, pp. 151–182.

Cauvain J. (2018) Social Sustainability as a Challenge for Urban Scholars. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, vol. 22, no 4, pp. 595–603.

Coelho K., Sood A. (2022) Urban Studies in India across the Millennial Turn: Histories and Futures. *Urban Studies*, vol. 59, no 13, pp. 2613–2637.

Crawford M. (2020) Why Planners Need Anthropologists. *Life among Urban Planners: Practice, Professionalism, and Expertise in the Making of the City* (eds. J. Mack, M. Herzfeld). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, pp. 42–60.

Fix M., Arantes P.F. (2022) On Urban Studies in Brazil: The Favela, Uneven Urbanisation and Beyond. *Urban Studies*, vol. 59, no 5, pp. 893–916.

Florida R. (2018) Novyy krizis gorodov: dzhentrifikatsiya, dorogaya nedvizhimost', rastushchee neravenstvo i chto nam s etim delat' [The New Urban Crisis: Gentrification, Expensive Real Estate, Growing Inequality and What We Should Do About It]. Moscow: Tochka. (in Russian)

- Fraser B. (2015) *Toward an Urban Cultural Studies: Henri Lefebvre and the Humanities*. New York: Palgrave Macmillan.
- Glazychev V.L. (2008) *Urbanistika [Urban Studies]*. Moscow: Evropa (in Russian).
- Harding A., Blokland T. (2014) *Urban Theory: A Critical Introduction to Power, Cities and Urbanism in the 21st Century*. London: Sage.
- Harris R., Smith M.E. (2011) The History in Urban Studies: A Comment. *Journal of Urban Affairs*, vol. 33, no 1, pp. 99–105.
- He S., Qian J. (2017) From an Emerging Market to a Multifaceted Urban Society: Urban China Studies. *Urban Studies*, vol. 54, no 4, pp. 827–846.
- Interv'yu s Aleksandrom Antonovym [Interview with Alexander Antonov] (2024). *Svyat Murunov*, September 5, 2024. Available at: <https://youtu.be/1ALfmh3gB-kU?si=BrCbZ8U4pJ0aXoc3> (accessed: 06.11.2024). (in Russian)
- Keith M., O'Clery N., Parnell S., Revi A. (2020) The Future of the Future City? The New Urban Sciences and a PEAK Urban Interdisciplinary Disposition. *Cities*, vol. 105, October, pp. 1–9.
- Kuznetsov S. (2020) Urbanistika: iskusstvo "chitat'" gorod [Urban Studies: The Art of "Reading" the City]. *Ob'edinenie kul'turnykh tsentrov YuVAO*, November 3, 2020. Available at: https://youtu.be/Hxhu-R16hGY?si=PrZ08_7o_LYmHWKO (accessed: 06.11.2024). (in Russian)
- Laura R. (2014) The Present and Future of Urban Affairs Research. *Journal of Urban Affairs*, vol. 36, no S2, pp. 543–550.
- Mal'tseva D. (2024) Put' ot sotsiologa k zvezdochetu [The Path from Sociologist to Stargazer]. *Schola*, 11.11.2024. Available at: <https://schola.hse.ru/news/985529431.html> (accessed: 14.12.2024).
- Mitin I. (2024) Urbanistika—eto "nauka-pod'ezd" [Urban Studies Is a "Staircase Science"]. *Schola*, 21.10.2024. Available at: <https://schola.hse.ru/news/977940282.html> (accessed: 14.12.2024).
- Neal Z. (2015) Reflections on City & Community and the Future of Urban Studies. *City & Community*, vol. 14, no 3, pp. 242–244.
- Novikov A. (2015) Urbanistika—eto yazyk, na kotorom dolzhny govorit' spetsialisty raznykh oblastey [Urban Studies Is a Language That Specialists from Different Fields Should Speak]. *HSE.ru*, April 16, 2015. Available at: <https://www.hse.ru/news/148427233.html> (accessed: 06.11.2024). (in Russian)
- Pachenkov O. (2020) Chto takoe urbanistika? [What Is Urban Studies?]. *Lektoriy Gorodskikh proektov v Peterburge*, March 2, 2020. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=WyijG3zypA> (accessed: 06.11.2024). (in Russian)
- Pizzo B., Gribat N., Höhne S., Michel B., Schuster N. (2019) An Historical and Critical Reconstruction of Disciplines and Interdisciplinarity in Urban Studies. *Tracce Urbane. Rivista Italiana Transdisciplinare Di Studi Urbani*, no 6, pp. 70–91.
- Pizzo B., Gribat N., Höhne S., Michel B., Schuster N. (2020) An Historical and Critical Reconstruction of Disciplines and Interdisciplinarity in Urban Studies (Part 2). *Tracce Urbane. Rivista Italiana Transdisciplinare Di Studi Urbani*, pp. 39–53.
- Popenoe D. (1965) On the Meaning of "Urban". *Urban Studies. Urban Affairs Quarterly*, vol. 1, no 1, pp. 17–33.
- Prell U. (2022) *The City: An Interdisciplinary Introduction to Urban Studies*. Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.
- Rizzo A., Galanakis M. (2015) Transdisciplinary Urbanism: Three Experiences from Europe and Canada. *Cities*, vol. 47, September, pp. 35–44.
- Robinson J. (2016) *Comparative Urbanism: New Geographies and Cultures of Theorizing the Urban*. International Journal of Urban and Regional Research, vol. 40, no 1, pp. 187–199.
- Robinson J. (2022) Introduction: Generating Concepts of "the Urban" through Comparative Practice. *Urban Studies*, vol. 59, no 8, pp. 1521–1535.
- Schafraan A. (2014) Debating Urban Studies in 23 Steps. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, vol. 18, no 3, pp. 321–330.
- Trubina E. (2022) Tridtsat' let akademicheskoy urbanistiki v postsovetskoy Rossii: mezhdunarodnyy fundamental'nyy i prikladnyy [Thirty Years of Academic Urban Studies in Post-Soviet Russia: Between Fundamental and Applied]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 6, pp. 125–145. (in Russian)
- Vakhshayn V. (2022) *Voobrazhaya gorod: vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii [Imagining the City: Introduction to the Theory of Conceptualization]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian)
- Verloo N., Bertolini L. (2020) *Seeing the City: Interdisciplinary Perspectives on the Study of the Urban*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Ward K., Bunnell T. (2021) Reflections on Five Years of the Summer Institute in Urban Studies. *Urban Studies*, vol. 58, no 4, pp. 863–878.
- Wilson A. (2022) *Being Interdisciplinary: Adventures in Urban Science and Beyond*. London: UCL Press.
- Wolman H., Barnes W., Clark J., Friedman S., Harris R., Lin J., Ogorzalek T. (2024) The State of Urban Research: Views across the Disciplines. *Journal of Urban Affairs*, vol. 46, no 3, pp. 425–462.
- Wolman H., Clark J., Friedman S., Harris R., Lin J., Ogorzalek T. (2024b) Response: An Invitation to Conversation across Disciplines. *Journal of Urban Affairs*, vol. 46, no 3, pp. 475–476.
- Zagvozkina V. (2020) Chto takoe urbanistika? Mnenie diplomirovannogo urbanista [What Is Urban Studies? Opinion of a Certified Urbanist]. *Urban Blog*, February 24, 2020. Available at: <https://youtu.be/UEi1-YHF50A?si=wYbB2wwOkQnQ3p9c> (accessed: 06.11.2024). (in Russian)
- Zamyatin D. (2024) Menya vseгда interesovalo, kak formiruetsya obraz goroda [I Have Always Been Interested in How the Image of the City Is Formed]. *Schola*, 09.10.2024. Available at: <https://schola.hse.ru/news/972149073.html> (accessed: 14.12.2024).

Антропология крафтового архитектурного бюро: как идеи превращаются в проекты

Александра Третьякова

Миф об автономном архитектурном герое

Роман Айн Рэнд «Источник» [Рэнд, 2011], написанный в 1943 году, во многом сформировал миф об автономном архитектурном герое, архитекторе-индивидуалисте, который в одиночку борется с недружелюбным окружающим миром, отстаивая свои представления об идеалах красоты и функциональности. Образ Говарда Рорка, главного героя «Источника», стал предметом для подражания со стороны многих архитекторов. В книге это настоящий гений, чьи идеи и творческий потенциал превосходят все остальные. Он работает в изоляции от мира, не идет на компромиссы и не поддается влиянию общества. Кроме того, он упорно ведет борьбу с посредственностью и коррупцией, которые захватили архитектурный мир. Он не признаёт коммерческих интересов и готов жертвовать всем, чтобы реализовать свою идею. Архитектура Рорка – это гармоничное соединение красоты и функциональности, воплощение истинного искусства.

Однако миф об автономном архитектурном герое имеет ряд недостатков: в реальном мире архитектура – это всегда коллективный процесс, в котором участвуют заказчики, инженеры, строители, городские власти и многие другие акторы. Роман Рэнд идеализирует образ архитектора, представляя его как героя без слабостей и недостатков. На самом деле архитекторы – это обычные люди с собственными проблемами, которые порой терпят неудачи и вынуждены идти на компромисс. Роман не учитывает социальные, экономические и политические факторы, которые влияют на архитектуру. В реальном мире архитектура не может быть отделена от контекста своего времени и пространства.

Третьякова Александра Алексеевна, ведущий архитектор, девелоперская компания «Брусника», Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. Машинная, 1Б, к. 2, кв. 13. E-mail: tretyakova@alexandr.by

В статье рассматривается процесс зарождения и развития архитектурного проекта в небольшом крафтовом бюро из Тюмени. Автор, опираясь на пять с половиной лет опыта работы в архитектурном бюро и данные, полученные методом включенного наблюдения (октябрь 2023-го – июнь 2024-го), анализирует специфику работы бюро, его организационную структуру, коммуникативные практики и особенности взаимодействия с заказчиками. Особое внимание уделяется роли неопределенности и диссонанса в процессе проектирования. На примере двух кейсов – проекта в Башкортостане и проекта в Западной Сибири – рассматривается, как неявные представления заказчика, постоянное изменение требований и неформальные правила игры формируют траекторию развития проекта и влияют на конечный результат. Также рассматривается влияние цифровых технологий на архитектурную практику и анализируются преимущества и недостатки крафтового подхода. «Крафтовость» в архитектуре не должна означать хаос и неопределенность. Внедрение более четких организационных структур и коммуникативных процессов позволит крафтовому бюро сохранить свои сильные стороны (творческий подход, индивидуальность), повысив при этом эффективность и профессионализм.

Ключевые слова: крафтовый подход в архитектуре; крафтовые архитектурные бюро; архитектурное бюро; автоэтнография; взаимодействие с заказчиком; цифровые технологии в архитектуре

Цитирование: Третьякова А. А. (2024) Антропология крафтового архитектурного бюро: как идеи превращаются в проекты // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 22-39. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202422-39>

Современная архитектурная практика не имеет никакого отношения к мифу об автономном архитектурном герое. Современные архитектурные бюро, наоборот, не изолируются ото всех, а стремятся к коллаборации с разными специалистами – от инженеров до ландшафтных архитекторов, – чтобы создавать комплексные и функциональные проекты. Архитекторы всё более осознают свою социальную ответственность и стремятся проектировать объекты, которые будут устойчивыми, доступными и отвечать потребностям общества. Современные архитектурные проекты часто характеризуются динамикой и неопределенностью, чтобы учитывать изменения в требованиях заказчика, технологиях и в обществе в целом. И пусть миф об автономном архитектурном герое все еще остается популярным, но он не отражает реальную сложность архитектурной практики.

В современном мире все большее значение приобретает индивидуальный подход, качество и социальная значимость архитектуры, что делает крафтовые бюро особенно актуальными. При этом усиливается влияние цифровых технологий на архитектурную практику: программное обеспечение и другие цифровые инструменты становятся неотъемлемой частью процесса проектирования, что требует переосмысления роли архитектора и его взаимодействия с технологиями. Применение автоэтнографического подхода к изучению архитектурной практики позволяет получить уникальные данные о внутреннем мире архитектурного бюро, процессах проектирования и взаимодействии различных акторов.

Я попытаюсь также развеять миф об автономном архитектурном герое, но осуществить это на антропологическом анализе крафтового архитектурного бюро. Объект моего исследования – тюменское архитектурное бюро «Х» (анонимизированное название), а точнее, процесс зарождения и развития архитектурного проекта в данном архитектурном бюро – от формирования идеи и выбора заказчика до разработки мастер-плана, эскизного проекта и дальнейшего его сопровождения.

Как антропологи изучали архитекторов

Несмотря на значительный интерес к антропологии архитектурных практик, проявленный в последние десятилетия, степень изученности темы остается невысокой. Большинство работ сосредоточено на изучении крупных международно признанных бюро, таких как OMA [Yaneva, 2009], что не позволяет в полной мере оценить специфику работы небольших бюро, ориентированных на локальный контекст. Кроме того, часть исследований проводилась до массового внедрения цифровых технологий в архитектурное проектирование [Cuff, 1992; Schon, 1983], что делает их выводы частично устаревшими. Влияние BIM-технологий, новых программных продуктов и инструментов визуализации на творческий

процесс, взаимодействие с заказчиком и организационную культуру архитектурных бюро требует дальнейшего изучения. Таким образом, необходимы новые исследования, учитывающие современный контекст архитектурной практики.

Вероятно, отсчет антропологических исследований архитектурных сообществ следует вести от монографии ведущего социального ученого и консультанта из Массачусетского технологического института Дональда Шона «Рефлексия в действии: как на самом деле работают профессионалы» (“The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action”), которая вышла в начале 1980-х годов [Schon, 1983]. Несмотря на то что работа Шона охватывала пять профессий – инженерию, архитектуру, менеджмент, психотерапию и градостроительство, – особый акцент в книге был сделан на деятельности архитектора. В работе Шона показано, как именно серьезные профессионалы решают поставленные перед ними проблемы. Автор утверждает, что лучшие специалисты зачастую знают больше, чем могут выразить словами. Для решения проблем они в меньшей степени полагаются на решения, которые предлагались во время обучения в университете, чем на импровизацию, основанную на результатах практической деятельности. Этот несформулированный и в значительной степени неисследованный процесс и есть предмет провокационной книги Шона, в которой он пытается показать, как именно работает «рефлексия в действии» и как эта креативная способность может быть развита у будущих профессионалов.

Одной из первых научных работ, где был применен этнографический подход к изучению архитектурной практики, также стало исследование американского теоретика архитектуры Даны Кафф «Архитектура на практике» (“Architecture: The Story of Practice”) [Cuff, 1992]. Исследовательница рассматривает архитектуру не как творчество изолированного архитектора, а как коллективный процесс, в котором участвуют разные акторы. Кафф также подчеркивает роль «неявного знания» в архитектурной практике и как оно передается от опытных архитекторов к новичкам.

Однако по-настоящему серьезный интерес социальных антропологов к изучению того, как делается архитектура, последовал лишь во втором десятилетии XXI века. Связано это во многом с популярностью акторно-сетевой теории, а именно полевыми работами непосредственно в лабораториях ученых, вдохновленными исследованиями Бруно Латтура и Стива Вулгара. Архитектура стала восприниматься таким же полем и практикой, где специалисты взаимодействуют с технологиями и вещами, а значит, могут быть еще одним объектом в рамках нового направления социальных наук – исследований науки и технологий (*Science and Technology Studies, STS*).

Поэтому за последние 15 лет произошел резкий рост числа публикаций об этнографии архитектурных практик [Borch, 2008; Farias, 2015; Gottschling, 2015;

Jacobs, Merriman, 2011; Jenkins, 2002; Houdart, Minato, 2009; Llach 2015; Lefebvre, 2018; Loukissas, 2012; Rose, Degen, Mehuish, 2014; Sharif, 2016; Yarrow, 2019]. Эти исследования были посвящены архитектурной практике, а не теориям. Социальные ученые изучали то, чем занимались архитекторы в рамках своих повседневных обязанностей, отдавая приоритет их прагматическому содержанию, а не дискурсивному оформлению. Их авторы уделяли пристальное внимание тому, как архитекторы и инженеры создавали свои проекты и использовали инструменты визуализации.

Наиболее заметной среди прочих стала работа «Выполнено бюро по заказу города: этнография дизайна» (“Made by the Office for Metropolitan Architecture: An Ethnography of Design”) профессора теории архитектуры и директора Манчестерской исследовательской группы архитектуры Альбены Яневой [Yaneva, 2009]. В книге описывается жизнь архитектурного бюро ОМА. Работа Яневой стала важным этапом в развитии антропологии архитектуры, продемонстрировав возможности этнографического подхода для изучения творческих процессов и властных отношений в архитектурном бюро. Она также способствовала деконструкции мифа об автономном архитектурном герое, показав, что архитектура – это всегда результат коллективного труда и сложных взаимодействий между разными акторами.

Другой значимый труд в области антропологии архитектурного бюро – статья норвежского антрополога Аины Хаген под названием «Провоцируя кризис: магия и креативность в элитной архитектурной компании» (“Calling it a Crisis: Modes of Creative Labour and Magic in an Elite Architect Company”). Исследование было проведено за счет включенного наблюдения в одном из крупных норвежских архитектурных бюро. Автор, в частности, анализирует, как бюро переживает процесс сокращения штата. Статья подчеркивает значение мифов и нарративов в формировании идеологии организации и организационных практик [Hagen, 2015].

Со стороны архитектурные практики обычно кажутся хорошо упорядоченными и тщательно продуманными, обоснованными доказательствами и рациональными решениями. Свежая книга Анетт Стенслуд «В атмосфере городского дизайна: этнография рабочего места и архитектурная практика» (“Atmosphere in Urban Design. A Workplace Ethnography of an Architecture Practice”), основанная на опыте ее включенного наблюдения за деятельностью датского архитектурного бюро SLA, разрушает это представление с целью обратить внимание на черты непредсказуемости и неопределенности в проектировочных фазах [Stenslund, 2022]. Она пишет о роли атмосферы в процессе проектирования, рассматривая ее как динамичный и изменчивый элемент, влияющий на эмоциональное состояние архитекторов, их взаимодействие друг с другом и на принятие проектных решений.

Антрополог Томас Ярроу в книге «Архитекторы: портреты на практике» (“Architects: Portraits of a

Practice”) описывает опыт своего включенного наблюдения над деятельностью британского архитектурного бюро *Millar Howard Workshop* на протяжении двух лет [Yarrow, 2019]. Автор дает слово самим архитекторам, сосредоточившись на их индивидуальных представлениях о творчестве, профессиональных ценностях и способах взаимодействия с коллегами. Ярроу стремится раскрыть «человеческий фактор» в архитектурном проектировании, показывая, как личные переживания, сомнения и амбиции архитекторов влияют на архитектурный процесс.

Анализ существующей литературы показывает, что, несмотря на растущий интерес к антропологии архитектуры, исследования крафтовых архитектурных бюро в российском контексте отсутствуют. Работы Шона и Кафф [Schon, 1983; Cuff, 1992], хотя и заложили основу для этнографического изучения архитектурной практики, были сосредоточены на анализе индивидуального опыта и «неявного знания» и не учитывали специфику работы в небольших крафтовых бюро.

Дженифер Моррис в своей диссертации, посвященной этнографии трех крупных архитектурных бюро из Мичигана, специализирующихся на проектировании рабочих пространств (“An Ethnography of Three Michigan Architecture Firms: The Effect of Organizational Culture on Workplace Client Engagement”), интересуется, как организационная культура влияет на процесс взаимодействия с клиентом на разных этапах проектирования – от первых контактов до сдачи объекта. Моррис выделяет два типа процессов взаимодействия: технический (*marketing, programming*) и психологический, основанный на формировании долгосрочных отношений. В своей работе она обращается к литературе по дизайну, менеджменту и организационной психологии, чтобы выявить ключевые факторы, влияющие на успех проекта. Ее работа, хотя и сосредоточена на крупных фирмах, позволяет лучше понять, как внутренняя трудовая культура бюро может определять стратегии взаимодействия с заказчиками [Morris, 2019].

Исследования Яневой, Хаген, Стенслуд и Ярроу также уделяли внимание коллективным процессам при проектировании, роли неопределенности и влиянию внешних факторов, но в то же время были сосредоточены на крупных международных бюро и не раскрывали особенностей работы крафтовых бюро. Таким образом, данная статья стремится восполнить этот пробел, предлагая этнографический анализ крафтового архитектурного бюро в Тюмени с учетом современного контекста цифровизации и особенностей российской архитектурной практики.

Архитектурное бюро как антропологическое поле

Хотя мой опыт работы в архитектурном бюро «Х» охватывает пять с половиной лет, основное внима-

ние в статье уделяется периоду с октября 2023 года по июнь 2024-го. Этот период представляет собой временные рамки целенаправленного автоэтнографического исследования, в течение которого были осуществлены включенное наблюдение, сбор данных и анализ процессов проектирования. Ограничение временных рамок позволяет избежать смешения личного опыта работы в бюро с целенаправленным исследованием. Важно отметить, что мой опыт работы в бюро в течение более пяти лет является ценным контекстом для исследования, позволяющим мне лучше понимать специфику работы.

Находясь в роли «включенного наблюдателя» в архитектурном бюро, я вела подробные полевые дневники, стараясь фиксировать не только события, но и атмосферу в бюро, особенности коммуникации, неформальные практики, случайные замечания архитекторов. Я записывала диалоги, описывала эмоциональные реакции сотрудников на различные ситуации, фиксировала свои собственные впечатления и размышления. Записи велись от руки в блокноте, особое внимание уделялось фиксации неформальных практик, особенностей общения, а также тех моментов, которые вызывали у меня удивление или непонимание. Для решения проблемы субъективной точки зрения я старалась сочетать описание своих наблюдений с рефлексией относительно собственного опыта и позиционирования внутри бюро, а также с анализом документов и интервью, которые предоставляли дополнительные точки зрения. В целом такой подход, как кажется, позволил собрать богатый материал для анализа неявных аспектов архитектурной практики, которые не всегда отражены в официальной документации.

Включенное наблюдение осуществлялось в рамках разработки двух архитектурных проектов, которые в тот момент готовились в архитектурном бюро «Х» и в работе над которыми я принимала непосредственное участие. Данные архитектурные проекты я буду обозначать как кейсы: кейс 1 – проект в большом городе в Башкортостане, кейс 2 – проект в крупном городе Западной Сибири. Каждый кейс характеризуется рядом своих трудностей, проблем и противоречий, что делает их особенно интересными для антропологического анализа.

Проект из кейса 1 был отмечен конфликтом между консервативным подходом заказчика, который, по его собственным словам, «строил одну и ту же секцию 10 лет», и желанием архитекторов бюро «Х» предложить более современное и нестандартное решение. Этот кейс позволяет изучить, как архитекторы ищут баланс между пожеланиями заказчика и своими собственными творческими амбициями, а также как влияет на проект слабое представление у заказчика о современных архитектурных тенденциях.

В проекте из кейса 2 заказчик имел некое «представление о территории», но не мог его четко сформулировать, ссылаясь лишь на «впечатления» от мо-

сковских проектов и используя абстрактные понятия вроде «столичности». Этот кейс демонстрирует сложности в коммуникации между архитекторами и заказчиками, когда последние не владеют профессиональным языком и оперируют размытыми представлениями и ожиданиями. Он также иллюстрирует «текучесть» архитектурного проектирования, когда даже на поздних стадиях могут появляться новые требования, ограничения, что требует пересмотра уже предложенных решений.

Помимо полевых дневников, важным источником информации стали интервью с архитекторами и представителями девелоперских компаний, опубликованные в открытых интернет-источниках. Критериями отбора служили актуальность тематики (крафтовая архитектура, взаимодействие с заказчиком, роль цифровых технологий), авторитетность издания и репутация спикера. Особое внимание уделялось интервью, в которых архитекторы размышляют о роли контекста в проектировании и о взаимодействии архитектора с окружающей средой. Например, интервью с Питером Цумтором [Spier, 2001] для журнала *ARQ* позволило получить представление о философии и ценностях современной архитектурной практики, где известный швейцарский архитектор подчеркивает значение «критического диалога» между зданием и территорией, поиск гармонии между архитектурной формой и окружающей средой. Эта идея созвучна подходу наблюдаемого архитектурного бюро, которое стремится к созданию уникальных и осмысленных проектов, учитывающих контекст и особенности расположения.

Эти интервью позволили получить дополнительную информацию о специфике работы, особенностях взаимодействия с заказчиками, а также о тенденциях развития современной архитектурной практики. Например, интервью с Никитой Шиловым, Никитой Евдокимовым, Глебом Шурпиком, Дарьей Суховой, Василием Большаковым и Кубой Снопекком в статье «Архитектор в девелопменте» [Юкина, Бикмансурова, 2020] дали представление о роли архитектора в современных девелоперских компаниях, специфике взаимодействия с заказчиком внутри одной компании, а также о том, как меняется роль архитектора в современном мире. Анализ материала «2023: что говорят архитекторы» [Тарабарина, Кузнецова, Игнатушко, 2023], опубликованного на сайте *Archi.ru*, позволил выявить ключевые тренды и проблемы, с которыми сталкиваются архитекторы в современной России. Так, например, многие архитекторы отмечают рост количества заказов и усиление конкуренции на рынке, а также говорят о кадровом голоде в профессии.

Крафтовость и крафтовое бюро

Компания, в которой проводилось исследование, считается одним из самых успешных архитектурных бюро в Тюмени. Она работает на международном уровне, ее проекты освещаются в крупнейших рос-

сийских и международных журналах по архитектуре, а основатели получали многочисленные награды. Офис представляет собой опенспейс, занимающий около 120 м², где работают около десяти архитекторов и стажеров. Во время одного из интервью основатель компании отметил, что мастерство, детали и внимание, которые характеризуют его рабочую практику, отличают его бюро от более «промышленных» подходов других архитекторов. Это позволяет сравнить его положение с ролью классического мастера-ремесленника, который передает свои знания и навыки ученикам [Сеннет, 2018].

В названии наблюдаемой архитектурной организации одна из составных частей – это «бюро», и именно его я буду использовать в этой работе, однако оно слишком общее и не отражает специфики подхода. «Бюро» обозначает место, где осуществляется интеллектуальная работа, связанная с проектированием и производством документации. Это нейтральное универсальное слово, которое не накладывает ограничений на стиль или специализацию архитектурной компании.

В названии архитектурных бюро часто встречаются такие слова, как *studio* (архитектурное бюро Студия 44, *Ruralstudio*, *Studio Ossidiana*, *STUDIO MK27*, *UNStudio*), *atelier* (*Atelier Bow-Wow*, *Ateliers Jean Nouvel*, *Atelier FCJZ*), *workshop* (*Renzo Piano Building Workshop*, *Realrich Architecture Workshop*). В российском контексте в названии архитектурных фирм часто используется термин «мастерская» (Архитектурная мастерская Тотана Кузембаева). Этот термин используется не только как синоним архитектурного бюро, но и для обозначения проектной команды внутри крупной девелоперской компании или проектного института – например, разделение по мастерским в бюро СПИЧ.

Такие понятия, как *bottega*¹, «студия», «ателье», «мастерская» и «крафтовость», часто используются как синонимы, особенно в контексте архитектурной практики. Им всем присущи свобода творческого самовыражения, акцент на ручном труде и мастерстве, значение индивидуального подхода. Мастер, работающий в *bottega* или мастерской, как правило, обладает большей свободой творчества и может вкладывать в свою работу больше от себя, нежели работник на фабрике. «Ателье» подчеркивает индивидуальный подход к каждому заказчику, тщательную проработку деталей и высокий уровень мастерства. Аналогия с ателье модной одежды подчеркивает эксклюзивность архитектурных решений. «Студия» акцентирует внимание на творческой атмосфере, которая царит в архитектурном бюро, и значении коллективной работы над проектом. Крафтовость же означает сосредоточение на качестве и уникальности. Крафтовые изделия ценятся

за высокое качество материалов, ручную работу и индивидуальный подход.

Важно понимать, что использование этих понятий в качестве синонимов допустимо, но необходимо учитывать их смысловые оттенки. Например, если архитектурное бюро позиционирует себя как *bottega*, это может указывать на его приверженность традиционным методам проектирования, важное значение наставничества и стремление к коллективному творчеству. В наблюдаемом бюро «Х» приветствуется передача опыта и дружеская атмосфера, но все-таки предпочтение отдается самостоятельному освоению темы. Если же бюро делает акцент на крафтовости, это говорит о его ориентации на создании уникальных и высококачественных проектов, которые будут отличаться индивидуальностью и вниманием к деталям, даже если это идет в ущерб сотрудникам.

Отсюда «крафтовость» выступает ключевым понятием в моем исследовании. Крафтовость – линза, позволяющая рассмотреть специфику работы архитектурного бюро «Х» в рамках более широкого социального и экономического контекста. Крафтовость, как отмечает Ричард Сеннет в своей работе «Мастер» [Сеннет, 2018], характеризуется не только стремлением к высокому качеству и уникальности продукта, но и особым типом организации труда, основанным на неформальной иерархии, тесном взаимодействии мастера и учеников, а также глубокой личной вовлеченности в процесс создания. В контексте архитектурной практики крафтовость проявляется в стремлении к творческой свободе, индивидуальному подходу к каждому проекту и формированию особой организационной культуры, которая отличает крафтовые бюро от крупных коммерческих организаций. Однако важно критически осмыслить концепцию крафтовости, так как она может скрывать за собой не только позитивные аспекты, но и ряд противоречий и темных сторон, что и будет предметом анализа в данной статье.

В архитектурном бюро «Х» каждый проект рассматривается как уникальный творческий акт. Поэтому в ходе исследования я пришла к выводу, что эта организация близка к модели крафтового бизнеса, которая сегодня выступает довольно обширным сектором предпринимательства. От малого бизнеса в широком смысле его отличает «ламповая» одомашненность и почти всегда сильная эмоциональная привязанность владельцев к своему продукту [Щербота, 2018]. Крафтовые бизнесмены, как правило, хотят не только получать прибыль, но и самовыражаться, ценя свободу творчества. Сегодня, по итогам моей автоэтнографии, я однозначно выделяю архитектурное бюро «Х» как крафтовое, для которого были характерны следующие черты:

1. *Bottega* – с *итал.* мастерская, лавка. Исторические аллюзии этого термина отсылают нас к эпохе Возрождения в Италии, где *bottega* была не просто мастерской, но и школой, где опытные мастера обучали своих учеников. В ее основе лежал коллективный характер труда: в боттеге работали не только мастера, но и подмастерья и ученики, формируя иерархическую структуру, где знания и навыки передавались от старшего поколения к младшему.

1. *Внимание к качеству и уникальность.* Центральным принципом деятельности этого бюро является стремление к созданию архитектуры, обладающей высоким качеством и социальным значением. Особое внимание уделяется проработке деталей, мастерству исполнения и индивидуальному подходу к каждому проекту. Такая позиция противопоставляется «промышленным» подходам, сосредоточенным на массовом производстве типовых проектов.

2. *Самовыражение и творческая свобода.* Основатель бюро видит в своей работе возможность для самовыражения и реализации творческого потенциала. Он ценит свободу творчества и не стремится к созданию типовых проектов, что характерно для крафтового подхода.

3. *Ориентация на своего заказчика.* Бюро ищет заказчиков, которые разделяют его ценности и также стремятся к созданию качественной и осмысленной архитектуры. Это отличает его от крупных коммерческих бюро, которые ориентированы на массового клиента.

4. *Эмоциональная привязанность к продукту.* В контексте бюро «Х» это проявляется в глубокой личной заинтересованности основателя в каждом проекте, что, в свою очередь, транслируется и культивируется среди сотрудников. Архитектор Ирина Добрицына отмечает аналогичную тенденцию в мастерской «Атриум», где авторы проектов и руководители стремятся сохранить индивидуальность и уникальность своего стиля в современном архитектурном ландшафте, который все больше отходит от строгих стилевых канонов в пользу авторской интерпретации [Добрицына, 2020, с. 55]. Несмотря на то что деятельность наблюдаемого бюро может быть проанализирована и классифицирована в соответствии с глобальными тенденциями, основной акцент моего наблюдения был смещен на формирование и поддержание собственной идентичности.

Несмотря на романтический ореол, окружающий крафтовые архитектурные бюро, их организационная структура часто страдает от отсутствия четких процедур и формализованных механизмов взаимодействия. Отсюда повышенная неопределенность в распределении обязанностей, размывание границ рабочего времени и коммуникативные лакуны, негативно влияющие на эффективность работы и психологический климат в команде.

В крафтовых бюро, как правило, господствует неформальная иерархия, где ключевые решения принимаются руководителем, который является не только управляющим, но и творческим лидером. Такая концентрация власти может приводить к ограничению агентности сотрудников, их самостоятельности и инициативы. Например, в бюро «Х» финальное решение по всем проектным вопросам остается за руководителем, даже если сотрудники активно участвуют в обсуждении и разработке идей. Это создает ситуацию, когда сотрудники чувствуют себя скорее исполнителями, чем соавторами проекта.

Отсутствие четких процедур и формализованных каналов коммуникации способствует возникновению «эффекта бутылочного горлышка», когда все решения должны проходить через руководителя. Это замедляет процесс проектирования и создает неопределенность для сотрудников, которые не всегда понимают, какие у них задачи, сроки и критерии оценки их работы. Здесь можно привести еще один пример из бюро «Х»: сотрудники порой сталкиваются с ситуацией, когда они не получают своевременной обратной связи со стороны руководителя, что ведет к простоям в работе и чувству дезориентации. Следствием этого нередко являются переработки и стресс, так как сотрудники иногда вынуждены «догонять» упущенное время в выходные, тогда как среди недели сидеть без работы. Это «пустое» время болезненно воспринимается всеми сотрудниками, потому что формально сотрудник обязан находиться в офисе.

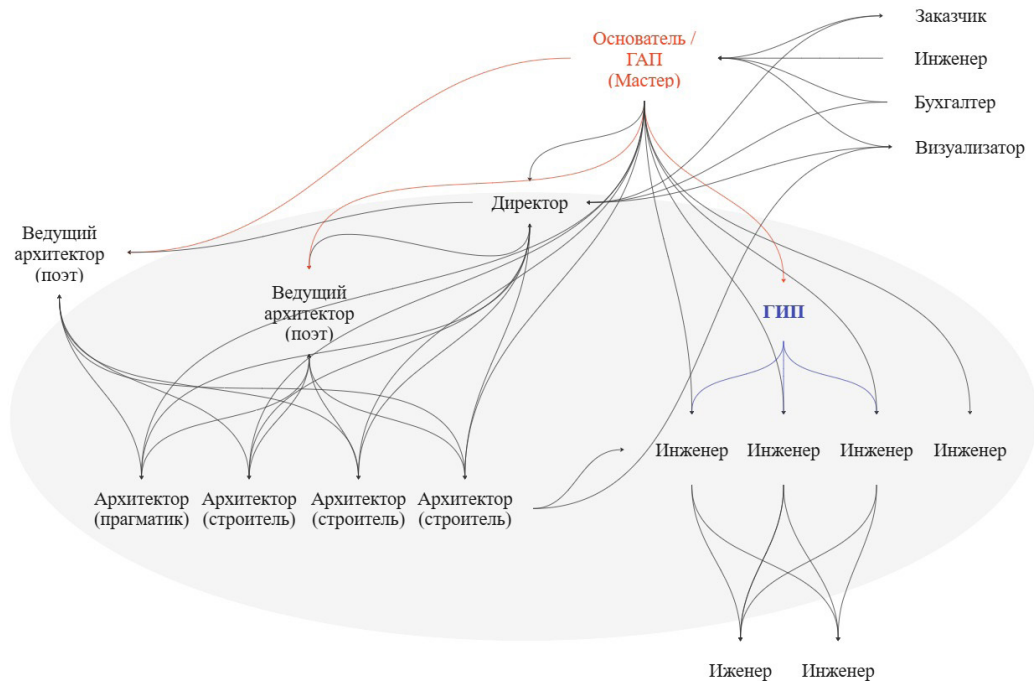
В конечном итоге крафтовое бюро – это организация, которая функционирует за счет неформальных отношений, порой даже попадая в зависимость от них. Именно поэтому для меня работа в крупной девелоперской компании стала более привлекательной: четкая структура, регламент, прозрачные критерии оценки и возможность карьерного роста оказались более важными, чем творческая свобода и «ламповая» атмосфера крафтового бюро.

Структура крафтового бюро и кадровая проблема

В исследуемом архитектурном бюро руководитель играет ключевую роль не только как менеджер, но и как творец и лидер, что перекликается с размышлениями итальянского архитектора Карло Маньяни о двойственности понятия *bottega* [Magnani, 2018]. Глава бюро такого типа отвечает за выбор проектов, взаимодействие с заказчиками, формирование творческой атмосферы в коллективе и общее направление развития организации, стремясь создать атмосферу мастерской, где рождается чистое творчество. Однако, как и отмечает Маньяни, реальность современной архитектурной практики выходит за рамки идеализированного образа боттеги. В наблюдаемом бюро руководитель лично участвует во всех этапах проектирования – от зарождения идеи до реализации проекта, – но неизбежно сталкивается с бюрократическими, правовыми и технологическими проблемами.

Архитекторы из тех, кто уже участвовал в разработке всех стадий проекта и какое-то время проработал в бюро, могут вести свой собственный проект, однако их работа контролируется главным архитектором проекта (ГАП). На практике первоначальные этапы проектирования чаще выполняются теми, у кого больше опыта (ведущими архитекторами). Большая часть детализации выполняется другими, кто менее опытен. Фактическая структура организации офиса, представленная на рис. 1, отражает эту иерархию и распределение ролей.

Рис. 1. Акторно-коммуникативная сеть в архитектурном бюро «Х»
 Источник: составлено автором.

На рис. 1 показано, как вся сеть связей так или иначе иерархически сводится к ГАП или основателю бюро (в большинстве случаев это один и тот же человек). Вся сеть коммуникации инженеров координируется главным инженером проекта (ГИП). В ситуации, когда руководитель и основатель бюро «Х» по каким-то причинам недоступен, а управление проектами осуществляется директором, не являющимся архитектором, возникает ряд дополнительных сложностей. Директор, будучи юристом, может не в полной мере оценивать специфику архитектурной практики и потенциальные риски, связанные с выбором того или иного заказчика. Отсутствие единого центра принятия решений и разница во взглядах между руководителем и директором могут приводить к конфликтам и затруднять рабочий процесс.

Одной из важнейших проблем в бюро «Х» является кадровая. Сейчас наблюдается тенденция к созданию девелоперских компаний полного цикла, которые объединяют в себе все этапы проектирования и реализации проектов [Юкина, Бикмансурова, 2020]. Девелоперы становятся все более влиятельными игроками в современном городском строительстве. В условиях острой конкуренции на рынке труда в архитектуре, небольшим крафтовым бюро все сложнее конкурировать с предложениями крупных застройщиков, которые «пылесосят» рынок сотрудников. Дефицит кадров становится одним из ключевых вызовов для таких бюро. Тут следует привести слова основателя архитектурного бюро *Rhizome* Евгения Решетова: «...идет мощный тренд на то, что будущее за большими организациями и институтами, а не молодыми и дерзкими бюро из нескольких человек. Главный герой нового времени скорее амбициозный сотрудник проектного института, чем одиночка-предприниматель. Конфор-

мист, потому что система не будет терпеть иного. Уважаемый и ценный, но обслуживающий персонал (не то чтобы когда-то было иначе, но степень свободы совершенно иная). Или нонконформист, но взятый на подряд большой машиной» [Тарабарина, Кузнецова, Игнатушко, 2023].

Небольшие бюро, как правило, получают доход исключительно за счет подготовки проектов. Это делает их более уязвимыми в условиях нестабильного рынка строительных услуг и конкуренции со стороны крупных застройщиков. С одной стороны, крафтовые бюро привлекают специалистов возможностью самореализации и глубокого погружения в творческий процесс. Однако с другой стороны, небольшие бюро часто не могут конкурировать с зарплатой, которую предлагают крупные застройщики. Это приводит к дефициту кадров, особенно опытных архитекторов и руководителей проектов. Отток кадров часто приводит к увеличению нагрузки на оставшихся сотрудников, что, в свою очередь, снижает качество проектов и тормозит творческий процесс. Отсутствие опытных руководителей проектов усложняет взаимодействие с заказчиком и приводит к недопониманию и конфликтам. Так, результатом релокации основателя бюро «Х» в 2022 году могло стать привлечение новых клиентов и сотрудников, но в реальности для тюменского офиса это привело к возникновению коммуникативных и управленческих проблем.

Кадровая стратегия крафтового архитектурного бюро зачастую находится в плену противоречия между желанием «вырастить» лояльных и «удобных» сотрудников и необходимостью привлекать опытных специалистов для реализации амбициозных проектов. В наблюдаемом бюро сложилась устойчивая практика «выращивания» сотрудников с нуля. Руководитель предпочитает нанимать молодых, не-

давно окончивших вуз архитекторов, предлагая им минимальную зарплату и возможность обучения. Эта стратегия имеет ряд преимуществ. Выращенные в бюро сотрудники, как правило, более лояльны к руководителю и компании, а также более адаптированы к специфике ее работы. Обучение молодых архитекторов позволяет руководителю сформировать единый язык и стилистические предпочтения внутри команды. Наем «зеленых» специалистов позволяет бюро снизить затраты на оплату труда.

Однако стратегия выращивания также имеет ряд ограничений. Во-первых, остается острой проблема текучки кадров. Когда сотрудники приобретают опыт, они часто уходят в другие компании, где им предлагают более высокую зарплату и карьерные возможности. Во-вторых, руководитель вынужден брать на себя роль не только менеджера, но и наставника, что может отнимать много времени и сил. Он осознаёт ограничения стратегии выращивания, но не видит альтернативы. Как говорит основатель бюро «Х»: «Тюмень – город небольшой, и все хорошие специалисты едут в крупные города».

Коммуникация и этапы работы в бюро

Когдаходишь в пространство архитектурного бюро «Х», где работают до десятка архитекторов и около шести инженеров, не видно никаких признаков отдельных проектов и деления на команды. Несмотря на то что реализуемые в бюро проекты курируют команды с различной структурой, рабочие места большинства архитекторов и инженеров остаются неизменными. Архитекторы работают над несколькими проектами одновременно. Некоторые проекты находятся в «холодной фазе» – ожидают принятия решения, подписи или даты. Однако точное время реактивации большинства таких проектов неизвестно. Нагрузка архитекторов должна быть организована максимально гибко, чтобы офис мог быстро адаптироваться к возобновлению проектов.

Коммуникация в бюро «Х» строится также по принципу «множество голосов, но один образ». Каждый участник проекта, будь то архитектор, заказчик, инженер или даже программное обеспечение, вносит свой уникальный вклад в формирование «образа продукта». Тот факт, что совместная работа над проектами не происходит в отдельных «пузырях» с четко определенными пространственными границами, не означает, что команд не существует. Однако их структура более похожа на ризому, которая открыта для взаимодействия со всеми сотрудниками бюро. Организованные встречи всей команды архитекторов, как правило, не проводятся, потому что информация о текущих проектах всегда автоматически распространяется благодаря тому, что все работают в одном и том же пространстве вместе с инженерами. Это соседство означает, что каждый всегда в курсе происходящего в других проектах.

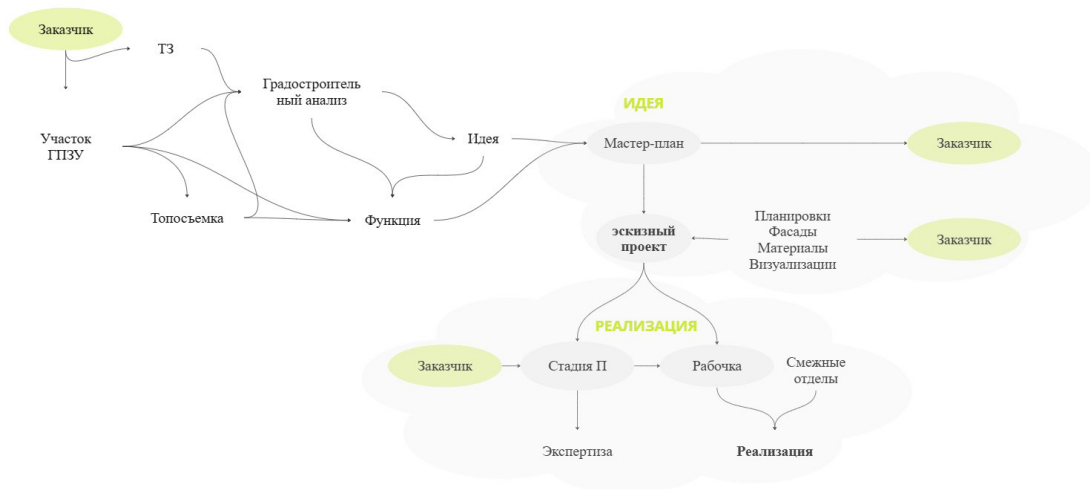
Те, кто непосредственно не занят конкретным проектом, все равно каким-то образом участвуют в нем, даже если это только означает текущие разговоры, прием телефонных звонков или участие в обсуждениях. Каждый член офиса знает все проекты более или менее подробно и более или менее осведомлен о принятых решениях, неожиданных проблемах, вновь обнаруженных ограничениях и внезапных неудачах. Такая открытая, ризоматическая организация работы над проектами свидетельствует о том, что сотрудники могут гибко адаптироваться, если появляются новые проекты, текущие проекты внезапно приостанавливаются или старые проекты активизируются.

Даже если каждый работает на своем рабочем месте, офис никогда не остается тихим. Эмоциональные реакции на работу постоянно слышны в форме ворчания, вздохов, стонов, радостных возгласов или инвектив. Эти звуки, обычно легко интерпретируемые, предоставляют всем находящимся поблизости возможность начать разговор и принять участие в работе коллеги, спросив, как идут дела, или подойдя, чтобы посмотреть на визуальные элементы, вызвавшие такие реакции. Например, архитектор может сидеть за своим компьютером и, не отрывая глаз от монитора, сделать замечание. Или кто-то встанет, чтобы подойти к плоттеру, и по пути заглянет к коллеге, кратко взглянет на его работу и небрежно спросит: «Почему комната такая?» или «Что означает этот толстый штрих?». Иногда кто-то проводит ассоциацию с другим проектом, например: «Это напоминает мне о другом заказе, но проблема была решена иначе». Или может быть высказано непосредственное предложение – «Я бы сделал это так». В какой-то степени мы в офисе бюро «Х» наблюдаем «языковую игру» в контексте проектирования, показывая, как неформальное общение и взаимодействие между дизайнерами влияют на формирование проекта [Murphy, 2011, p. 130].

Архитекторы считают обсуждения крайне важными. Связано это с желанием решить проблему, которую обычно называют профессиональной слепотой. Архитектурное проектирование основано на очень тщательной и терпеливой работе с огромным количеством деталей. Каждая линия, чертеж, план этажа и разрез требуют нескольких часов, иногда нескольких дней работы, что приводит к своего рода поглощению проектом. Именно поэтому взгляд со стороны является необходимым. Длительная работа над проектом затрудняет объективную оценку его качества: *«Вы уже работали над этим долгое время, а потом они (заказчик или какой-то внешний человек) приходят и говорят: “Здесь что-то не так, а вот здесь другая проблема, и это не работает так”. Эти комментарии действительно важны, потому что ты так увлечен проектом, что не можешь рассмотреть его с расстояния»* (Полевой дневник, архитектор, ноябрь 2023).

Это парадоксальное явление. Человек, который, кажется, лучше всех понимает проект в целом, – это

Рис. 2. Схема этапности проектирования в бюро «Х»
Источник: составлено автором.

порой отнюдь не тот, кто дольше всех над ним работал, а тот, кто не участвует в проекте непосредственно и не так хорошо знаком со всеми деталями. Более того, такая перспектива издалека позволяет коллеге не только увидеть проект как целое, но и рассмотреть его в связи с другими проектами, выполняемыми в офисе или которые были увидены или обсужданы в другом контексте. Такой коллега напоминает туриста, который зачастую видит то, чего не видят местные жители. Эффект от того, что ты не сильно вовлечен в проект, заключается в том, что ты им не восхищаешься, не влюбляешься в него. И это позволяет тебе, с одной стороны, быть объективным. Однако к лучшим решениям приходят не за счет исключительно глубокой вовлеченности в проект и подробнейших знаний, как и не за счет дистанцирования от проекта и рассмотрения его как целого, а за счет сочетания таких точек зрения. Вместе с тем стандартные модели проектирования, представленные в учебной литературе, часто игнорируют значение такого взаимодействия. Они изображают процесс проектирования как линейную последовательность этапов, где каждый шаг логически следует из предыдущего [Стандарт комплексного развития территорий, 2019, с. 33, 63].

Важно отметить, что общее инфополе в бюро не ограничивается формальными каналами коммуникации (совещания, презентации). Оно пронизывает всю повседневную жизнь бюро, проявляясь в неформальных обсуждениях, спонтанных реакциях на проектные решения, в обмене аналогами через мессенджер. Особую роль играют телесно-воплощенные практики [Murphy, 2011], такие как «вставные сценки», которые позволяют архитекторам «прожить» будущее здание и найти оптимальные решения. Цифровая среда (единая система хранения проектов, мессенджер) также способствует формированию и поддержанию общего инфополя, обеспечивая быстрый и неформальный обмен информацией.

Однако стоит заметить, что общее инфополе, несмотря на все его значение для творческого процесса, также может создавать условия для размыва-

ния авторства и индивидуальности [McNeill, 2005]. В бюро «Х», несмотря на то что сотрудники активно участвуют в обсуждении и разработке проектов, финальное решение всегда остается за руководителем, а общее инфополе скорее служит инструментом для трансляции его идей и стилистических предпочтений. Это неудивительно, ведь в крафтовой практике имя и репутация лидера являются главным «брендом» бюро, привлекающим заказчиков. Таким образом, общее инфополе в крафтовом бюро – это не всегда пространство равноправия и демократии, а скорее поле, где переплетаются творчество, властные отношения и неформальные практики.

На рис. 2 представлена упрощенная схема этапов работ в архитектурном бюро «Х», которая, подобно рассмотренным выше моделям, изображает процесс проектирования как линейную последовательность этапов (составлена с точки зрения заказчика с проектом архитекторов, возможно, существуют какие-то еще этапы до и после, но это, как правило, уже вне практики данного бюро). Сначала мы наблюдаем этапы согласования с заказчиком. Затем аспекты, связанные с идеей: они отражают творческий поиск, формирование концепции и разработку архитектурных решений (это мастер-план и эскизный проект). Далее следуют аспекты, ориентированные на реализацию: они отражают технические и инженерные решения (стадия П, рабочая документация).

На практике этапы могут переплетаться, возвращаться назад, изменяться и адаптироваться к возникающим обстоятельствам. Тем не менее схема позволяет получить общее представление о логике и последовательности проведения работ в архитектурном бюро. Таким образом, следуя этой схеме, процесс обычно представляется хорошо структурированным, линейным и последовательным, но в реальности это далеко не так. Как выразились некоторые архитекторы в бюро «Х»: «Когда смотришь на процесс со стороны, это линейный процесс, но во время проектирования действительно иногда трудно сказать, куда именно ты идешь».

Генезис проекта: выбор заказчика

Подход архитектурного бюро «Х» к решению архитектурных задач не соответствует типичному массовому стандарту. Оно стремится не к количеству, а к качеству, уделяя особое внимание сочетанию самовыражения и признания в профессиональной среде с социальной значимостью создаваемых проектов. Отсутствие агрессивного маркетинга и ограниченная активность в социальных сетях свидетельствуют об избирательном подходе бюро «Х» к привлечению клиентов. Заказчики, обращающиеся в бюро, исходят в первую очередь из внутреннего запроса и предпочитают подходы, сформированные более чем за 16 лет практики. Одним из таких подходов является высокое мастерство исполнения проектов, что отражает внутреннюю мотивацию сотрудников и стремление к качеству ради самого качества, а не ради внешних наград. Описание принципов работы бюро созвучно словам Сеннета: «Плотник, лаборантка, дирижер – каждого из них можно назвать мастером, потому что все они преданы своей работе и стремятся делать ее хорошо ради нее самой» [Сеннет, 2018, с. 27].

В основе стратегии бюро по привлечению заказчика лежат:

1. *Репутация и сарафанное радио.* Заказчики обращаются в бюро «Х», узнав из различных источников об успешно реализованных проектах. Например, «омский заказчик» обратился в бюро, увидев реконструкцию здания в Кургане, выполненную 14 лет назад. Другой заказчик, «уфимский», нашел в интернете проект реконструкции электростанции и был впечатлен смелыми инновационными решениями.

2. *Совпадение ценностей.* Бюро «Х» стремится к сотрудничеству с заказчиками, разделяющими его сосредоточенность на создании высококачественной архитектуры и творческом подходе к решению архитектурных задач. Например, в кейсе 1 застройщик, изначально обратившийся в бюро по ошибке, в итоге все-таки остановил свой выбор на «Х», оценив портфолио и убедившись, что их подходы совпадают.

3. *Избирательный подход к выбору заказов.* Бюро оставляет за собой право отказаться от сотрудничества, если ценности или компетенции заказчика не соответствуют его стандартам. Например, бюро отказалось работать с молодым застройщиком из кейса 2 в 2019 году. Руководитель бюро объяснил это решение следующим образом: «Мы поняли, что у нас разные взгляды на архитектуру, и не уверены, что сможем реализовать проект на том уровне, который мы считаем достойным». Поэтому бюро «Х», осознавая свою ответственность перед обществом и стремясь сохранить свою репутацию, предпочитает отказываться от проектов, которые могут поставить под угрозу его профессиональные принципы.

4. *Ценовая политика как дополнительный инструмент отбора.* Высокая стоимость услуг бюро «Х»

отражает не только реальные затраты на трудовые и материальные ресурсы, но и служит дополнительным инструментом отбора заказчиков. «Высокая цена позволяет нам работать с теми, кто действительно ценит нашу работу и готов инвестировать в качественную архитектуру», – отмечает основатель бюро. Таким образом, стратегия отбора заказчиков бюро «Х» направлена на формирование круга клиентов, с которыми можно выстраивать долгосрочные партнерские отношения, основанные на взаимном уважении и доверии. Директор признаёт, что иногда возникают ситуации, когда взгляды клиентов не соответствуют представлениям бюро об архитектуре или клиенты по иным причинам не являются подходящими для сотрудничества. В таких случаях важно предложить услуги по такой цене, при которой заказчик примет решение отказаться самостоятельно. Или, если даже высокая цена не станет преградой, это подтвердит желание заказчика работать с бюро и готовность вложить средства в реализацию проекта.

Случай заказчика из кейса 1 ярко иллюстрирует неопределенность, с которой сталкивается бюро «Х» на этапе выбора проекта. Директор настаивал на работе с этим заказчиком, несмотря на то что тот «строил одну и ту же секцию 10 лет, практически ничего не меняя». Руководитель высказывал сомнения, опасаясь, что консервативный подход заказчика может ограничить творческую свободу архитекторов. Я выбрала этот кейс для анализа именно потому, что он демонстрирует сложность принятия решений, когда риски и потенциальные выгоды неочевидны.

Кейс 2 в этой статье демонстрирует другую сторону функционирования крафтового бюро – поиск баланса между амбициозными задачами и реальными возможностями. Застройщик из кейса 2, тот самый, который уже обращался в 2019 году и которому было отказано, на этот раз хотел получить «инновационный жилой комплекс, который отличается от существующих». При этом он приводил в пример самые дорогие проекты в Москве. Но специалисты из бюро понимали, что в этом западносибирском городе из кейса 2 есть свои ограничения при формировании политики реализации квартир и своя стоимость, и она отличается от московской. Тогда как стоимость продажи квадратного метра всерьез влияет на финансовую модель в целом, которая, в свою очередь, ограничивает применение определенных инженерных решений и выбор материалов. Но руководитель бюро загорелся идеей заказчика, поэтому даже никакие не исчезнувшие противоречия на этот раз не помешали сотрудничеству.

Генезис проекта: сбор данных и предпроектные исследования

В начале любого архитектурного проекта лежит не пустой лист бумаги, а набор исходных данных, формирующих контекст для творческого процесса.

После выбора заказчика и заключения договора о сотрудничестве наступает этап сбора и анализа исходных данных, необходимых для начала проектирования. Два ключевых документа, без которых невозможно приступить к работе, – это топографическая съемка и градостроительный план участка (ГПЗУ). Топографическая съемка представляет собой детальное изображение рельефа участка, существующих построек, растительности, инженерных коммуникаций и других элементов ландшафта. ГПЗУ содержит информацию о разрешенном использовании участка, максимально допустимых параметрах застройки (этажность, плотность, отступы от границ участка), технических условиях подключения к инженерным сетям и другие важные данные. Помимо этих документов, архитекторам необходимо получить от заказчика техническое задание (ТЗ), в котором фиксируются его потребности и ожидания относительно проектируемого объекта. ТЗ может включать в себя информацию о функциональном назначении здания, необходимых площадях, бюджетных ограничениях и других важных аспектах. Важно, чтобы ТЗ было четким, понятным и реалистичным, иначе возникает риск взаимного непонимания и конфликтов.

Один случай из практики бюро «Х» показал, насколько значимым является владение полной и достоверной информацией на начальном этапе проектирования. Заказчик «Е» предоставил ГПЗУ и топографическую съемку, но не упомянул о наличии подземных коммуникаций на участке (о них не знал никто, так как при выдаче ГПЗУ просто не актуализировали данные о городских сетях), что привело к нескольким месяцам напрасной работы. «Когда мы узнали о коммуникациях, нам пришлось заморозить проект, пока не будет найдено решение этой проблемы», – рассказывает ведущий архитектор бюро «Х» (полевой дневник, декабрь 2023).

Процесс сбора исходных данных – это не только техническая, но и коммуникативная задача. Важно не просто получить необходимые документы, но и провести детальное обсуждение с заказчиком его потребностей и ожиданий относительно проекта. Архитектор должен уметь слушать заказчика, задавать уточняющие вопросы и объяснять сложные технические аспекты доступным языком. «Диалог с заказчиком – это основа для создания успешного проекта», – говорит основатель бюро «Х» (полевой дневник, декабрь 2023).

Далее следуют предпроектные исследования, которые помогают архитекторам «прочитать» контекст, выявить его потенциал и ограничения, а также сформировать основу для диалога с заказчиком. Они нужны для того, чтобы архитектор понял, как ему работать с конкретным пространством и на что обращать внимание. Они, конечно, входят в альбом-презентацию для заказчика, но только в качестве доказательной базы к проектным решениям.

Так, получив со стороны заказчика топографическую съемку и градостроительный план участка,

архитекторы бюро «Х» приступают к сбору дополнительной информации, необходимой для глубокого понимания особенностей территории. Как рассказывает один из архитекторов бюро «Х»: «Чтобы “почувствовать” атмосферу места, мы всегда начинаем с личного посещения участка и фотофиксации, нас интересует не только сам участок, но и окружающая застройка, ландшафт, характер, люди, пространство. Мы стараемся увидеть то, что не всегда отражено в документах, – настроение места, его “дух”» (полевой дневник, декабрь 2023).

Как можно видеть на рис. 3, вся левая часть схемы формирования идеи исходит из контекста и параметров участка. Дональд Шон подчеркивает значение «неявного знания в действии» для профессионалов. По его мнению, это знание не всегда можно сформулировать словами, но оно проявляется в умении распознавать паттерны, особенности и проблемы в своей профессиональной сфере деятельности [Schon, 1983, p. 49]. В этой логике существующая застройка, расположение соседних зданий, их стиль, масштаб – все это необходимо учитывать при проектировании нового объекта, чтобы он гармонично вписался в окружающую среду. Природные факторы, направление ветра, инсоляция, наличие водоемов – все это может повлиять на размещение здания на участке, планировку помещений и выбор материалов. Опытный архитектор, осматривая строительную площадку, может сразу заметить ряд особенностей, которые не отражены в проектной документации, отмечает это в заметках и делает фотофиксацию.

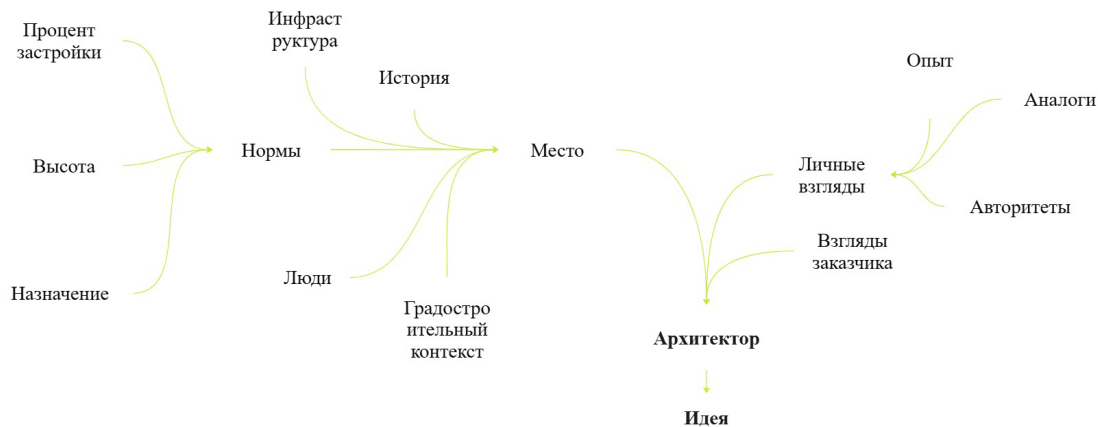
Во время поездки в город, где должен был реализоваться проект из кейса 1, архитекторы бюро «Х» сделали следующую заметку: «Территория примыкает к частному сектору, находится на границе города. С одной стороны – поле и лесополоса, с другой – ковидный госпиталь в плане в виде национального символа курай. Территория плоская, самодостаточная, 10 га» (кейс 1, полевые заметки от 11.09.2023).

Параллельно с изучением территории архитекторы бюро проводят детальное обсуждение с заказчиком того, как он видит реализацию проекта. В кейсе 1 директор бюро во время поездки обращал особое внимание на внутреннюю организационную структуру застройщика и процесс принятия решений: «Мне было важно понять, кто у них главный, кто за изменения, кто за экономику. Это помогло мне лучше представить себе, как будет выстраиваться наше взаимодействие и на какие аспекты следует обратить особое внимание» (интервью с директором, полевые заметки, сентябрь 2023). Заказчик, в свою очередь, интересовался опытом бюро и его представлениями о перспективах развития территории: «Мы никогда раньше не работали с архитекторами», – признался заказчик (встреча с заказчиком в командировке, заметки из полевого дневника, сентябрь 2023).

Рис. 3. Схема формирования идеи в бюро «Х»

Источник: составлено автором.

После сбора и анализа информации архитекторы бюро «Х» приступают к разработке аналитических схем, которые помогают им выявить ключевые особенности территории, ее потенциал и ограничения. Над этим проектом работал ведущий архитектор, а материалы, которые им были предложены, проходили согласование у ГАП и директора. В кейсе 1 архитектор создал следующий набор схем: анализ инфраструктуры в радиусе 1200 м, схема транспортной организации, инженерные сети и ограничения, схема высотности окружающей застройки, анализ конкурентов, анализ рынка современной недвижимости в городе. «Эти схемы помогают нам увидеть территорию с разных сторон, — объясняет ведущий архитектор бюро. — Они дают нам представление о том, как лучше вписать новое здание в существующий контекст, какие функции на нем разместить, какие материалы и технологии использовать» (полевого дневник, октябрь 2023). Однако для ведущего архитектора бюро было важно помнить, что аналитические схемы — это лишь инструмент, а не самоцель.

В кейсе 2 архитекторы бюро «Х» столкнулись с ситуацией, когда тщательный анализ оказался не вполне релевантным, поскольку заказчик имел собственный, принципиально иной взгляд на будущее проекта. Он хотел разорвать шаблон и создать нечто совершенно новое, не оглядываясь на существующий контекст. В этом кейсе архитекторы бюро, несмотря на пожелания заказчика, осознавая ценность и неоднозначность территории, продолжили исследование, расширив свой анализ за рамки стандартных градостроительных схем. Они создали доску на Miro, где собрали историческую справку места, визуальный анализ окружающей застройки, SWOT-анализ территории, анализ жилья бизнес-класса по данному городу, компоненты идентичности места, типологию застройки и предложения по наполнению сервисной инфраструктурой.

Во всех кейсах сотрудники бюро отмечают, что глубокое знакомство с контекстом, знание территориальной истории и выработка нового нарратива, который предложит реализованный проект, позволяют архитекторам проектировать здания, которые не только отвечают практическим потребностям,

но и обогащают культурную и символическую среду города. Однако в ситуации из кейса 2 изучение содержательной стороны проекта для заказчика не представляло какого-либо интереса. Раздел с аналитическими схемами был быстро пролистан и вообще не обсуждался в ходе встречи. В подобной ситуации часть предпроектных исследований в какой-то степени становится бессмысленной.

Генезис проекта: мастер-план

Стадия разработки мастер-плана в архитектурном проектировании представляет собой ключевой момент, когда расплывчатые идеи и пожелания заказчика преобразуются в конкретные объемно-пространственные решения, учитывающие технические, экономические и социальные стороны проекта.

При разработке мастер-плана в кейсе 1 архитекторы выбрали квартальный тип застройки, что можно рассматривать не только как прагматичное решение, но и как отражение определенных культурных норм и представлений, господствующих в бюро «Х». Именно квартальная застройка, с ее четкими границами, внутренними дворами и иерархией пространств, воспринимается архитекторами бюро «Х» как оптимальная модель организации городской среды, обеспечивающая комфорт, безопасность и социальное взаимодействие. Эта модель укоренена в европейской градостроительной традиции, выступающей для архитекторов наблюдаемого бюро как эталон качества и гармонии. Архитекторы опираются не только на функциональные требования, но и на свои представления о том, что является ценным и значимым для человека.

В этом проекте габариты квартала формируются исходя из предыдущего опыта проектирования подобных объектов, инсоляции секций и расположения всех нормируемых детских и спортивных площадок внутри двора. Кварталы разграничивают пространство пешеходов внутри и пространство автомобилей — снаружи. По периметру кварталов расположены машино-места, рассчитанные из нормативов.

В проекте также были предложены таунхаусы, чтобы сгладить переход от частной застройки во-

круг к ЖК. Этажность многоквартирных секций на границе с частным сектором также понижается до 5–6 этажей. Таким образом, не образуется резкого разрыва между разными типами застройки. Сами кварталы по своей композиции уникальны и, несмотря на жесткую геометрию, расположены так, чтобы в пространствах между ними не разгонялся ветер. В центре проекта запланирована общая площадь со спортивным ядром для всего района. Во дворах предполагается более тихое времяпрепровождение.

Следующим этапом в разработке проекта является ритуал «перебора вариантов». Создание нескольких «поисковых вариантов» мастер-плана, помимо основного, является своеобразным священным действием, который выполняет важную символическую функцию во взаимодействии с заказчиком. Демонстрация пути поиска и альтернатив убеждает заказчика в том, что архитекторы проделали большую работу и выбранный вариант является оптимальным. Этот ритуал укрепляет авторитет архитекторов и легитимирует их решения.

Первые варианты были предложены архитектором 13 сентября 2023 года, но их итоговая презентация для заказчика была принята 21 сентября после нескольких итераций внутренних обсуждений с ГАП и доработок. При встрече с заказчиком в Zoom было проговорено и объяснено, какой из вариантов является приоритетным и почему. Важные ключевые переговоры всегда ведет ГАП проекта. Ведущий архитектор и архитектор присутствуют на рабочих обсуждениях.

После встречи с заказчиком и утверждения приоритетного варианта команда бюро принимает разбивать проект на очередность строительства и более детально формировать планировку территории. На этом же этапе параллельно подключается третья организация, занимающаяся земельными вопросами. Они на основе мастер-плана бюро готовят проект планировки территории (далее – ППТ). Задачей специалистов в бюро было контролировать неизменность мастер-плана в ходе их детальной проработки, а также отстаивать свои решения при возникновении спорных моментов. На 19 декабря 2023 года был полностью утвержден мастер-план и принято решение разрабатывать первую очередь строительства.

Перед детальной проработкой разрабатывается квартирография на основе выданного задания, где учтены средняя квадратура каждого типа квартир и их процентное соотношение в пространственном расположении. Тут стоит отметить, что разработка квартирографии отражает противоречие между творческими амбициями архитекторов и коммерческими интересами заказчика. С одной стороны, бюро «Х» стремится создавать комфортные и функциональные жилые пространства. С другой стороны, заказчик заинтересован в максимизации «продающей площади». В этом поле напряжения формируется конечное решение, которое представ-

ляет собой компромисс между различными интересами.

Особый интерес представляет то, как неявные представления заказчика о проекте и его неспособность четко сформулировать, чего именно он хочет, влияют на процесс проектирования и создают условия для «текучести» даже на поздних стадиях. Так, заказчик из кейса 2, имея представление о территории, не мог его сформулировать, опираясь лишь на впечатления от московских проектов. Это свидетельствует о том, что его представления о «столичности» являются не столько результатом конкретного анализа своего участка, сколько продуктом культурных стереотипов и мифов, циркулирующих в обществе. В данном случае «столичность» воспринимается как символ престижа, современности и успеха, независимо от реальных качеств проекта.

Первые поисковые варианты в кейсе 2 вместе с аналитикой были предоставлены 14 августа 2023 года. Это была встреча в Zoom, где руководитель бюро защищал концепции перед командой заказчика, состоящей в том числе из маркетолога, руководителя отдела продаж, руководителя проекта, сооснователя компании и исполнительного директора. После первой встречи была получена обратная связь, что все варианты не отражают образа, который видит перед собой заказчик, они слишком однородные и не раскрывают характер «столичности».

Заказчик из кейса 2, неспособный сформулировать свои представления в архитектурных терминах, дал архитекторам «ориентиры» – жилые комплексы «Лаки» (Москва) и «Садовые кварталы» (Москва). Эти объекты стали своеобразным «языком-ориентиром», позволяющим «перевести» неявные требования заказчика в конкретные архитектурные решения. В данном случае архитекторам пришлось «переводить» язык впечатлений и желаний заказчика на язык архитектурных форм и пространственных решений.

Вторая встреча-презентация вариантов по мастер-плану состоялась 21 августа 2023 года. Здесь были те же технико-экономические показатели (ТЭП), что и на первой встрече, но поменялся принцип. Архитекторы равномерно по территории распределили акценты, второстепенные секции и офисную часть по первому этажу, которая соединяла все объемы и закрывала пространство двора от улицы. Этот подход был одобрен заказчиком, и седьмой вариант лег в основу дальнейшего проектирования.

Параллельно, когда мастер-план из кейса 2 перестал меняться, устраивал и заказчика, и архитекторов, он был передан на разработку ППТ территории, которой занималась другая компания. Они обратили внимание, что 10% территории необходимо отдать под озеленение общего пользования. Однако для заказчика эта земля слишком ценна, и он утверждал, что «решит вопрос». Архитекторы приняли эту информацию ко вниманию, потому что зачастую некоторые детали действительно получается решить застройщику на уровне личных договорен-

ностей с городскими властями. Но мы видим, что даже после утверждения приоритетного варианта мастер-плана проект продолжал меняться. Появились новые требования (детский сад), ограничения (необходимость отдать 10% территории под озеленение), а также предложения по их решению (экопарковки, благоустройство сквера). Также и квартирография в этом проекте была разработана после утверждения концепции фасадов, что нетипично для практики наблюдаемого бюро.

Таким образом, стадия разработки мастер-плана в крафтовом архитектурном бюро является не просто техническим этапом, а сложным и многогранным процессом, в котором переплетаются творческий поиск, прагматические решения и постоянное взаимодействие разных акторов. Мастер-план становится своеобразным «полем воплощения идеи», где архитектор из перспективы идей, заложенных в изначальной концепции, стремится создать функционально и эстетически насыщенный комплексный продукт. В свою очередь он должен отвечать не только требованиям заказчика, но и учитывать особенности контекста, гармонично вписываясь в окружающую среду, следуя принципам «критического диалога» между зданием и местом [Spier, 2001]. Однако, как показывает анализ кейсов, формирование мастер-плана часто происходит в условиях противоречия между творческими амбициями архитекторов, стремящихся к созданию нестандартных решений, и коммерческими интересами заказчика.

Анализ кейсов показал, что на стадии мастер-плана неопределенность играет важную роль, заставляя архитекторов пробираться через «болота профессиональной практики» [Schon, 1983], где нет четких ответов и готовых решений. Она обусловлена как сложностями творческого поиска оптимальных решений, так и динамикой взаимодействия с заказчиком, чьи требования и ожидания, как показывает пример кейса 2, могут меняться в ходе проектирования, что созвучно идеям о «текучести» проектирования [Yaneva, Nearhu, 2012]. Архитекторам приходится проявлять гибкость, адаптировать свои решения к возникающим обстоятельствам и находить баланс между творческими амбициями и прагматическими ограничениями, что также отражено в интервью с многими архитекторами [Юкина, Бикмансурова, 2020].

Генезис проекта: эскизный проект

Стадия эскизного проектирования выступает как логическое продолжение предшествующей разработки мастер-плана, в процессе которой происходит трансформация абстрактных идей и концептуальных решений в конкретный архитектурный образ. На этом этапе внимание смещается на детальную проработку внешнего облика здания, его эстетических качеств и формирование той атмосферы, которую оно будет создавать. Архитекторы тщательно подбирают материалы, определяют пропорции и ритм фасадов, выбирают тип и конфигурацию

оконных проемов, формируя гармоничный и выразительный архитектурный образ.

Эскизный проект – это не просто набор красивых картинок, а комплексный документ, содержащий всю необходимую информацию для дальнейшей разработки проекта. Он включает в себя несколько составляющих. Детальную проработку планировочных решений с указанием функционального назначения помещений, их размеров и взаимосвязей. Графическое изображение внешнего облика здания с разных сторон, демонстрирующее пропорции, ритм и детали фасадов. Изображение здания в сечении, позволяющее понять его внутреннюю структуру, высоту помещений и конструктивные особенности. Детальную проработку отдельных конструктивных элементов и их соединений. Реалистичные изображения будущего здания, которые помогают заказчику наглядно представить себе проект. Все эти материалы, объединенные в единый альбом, служат основой для дальнейшей работы инженеров-конструкторов, специалистов по инженерным системам и других участников процесса проектирования.

Однако что же определяет форму здания в практике наблюдаемого бюро «Х»? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, архитекторы бюро, как и многие их коллеги, вдохновляются историей и контекстом места. Они «поднимают пласт информации» о территории, ее жителей и функции будущего здания. Однако, как показывает практика архитектурного бюро «Х», именно в этой «невидимой» материальности проектирования скрыты реальные сложности и противоречия, влияющие на конечный результат. Наглядным примером служит описанный случай, когда команда архитекторов столкнулась с давлением со стороны заказчика, стремившегося к «типовому продукту», что противоречило представлениям исполнительного директора той же компании.

В этой ситуации архитекторам пришлось не только решать творческие задачи, но и лавировать между противоречивыми требованиями, недостаточной формализацией технического задания и постоянно меняющимся контекстом. После трех месяцев работы команде архитекторов пришлось полностью переделывать проект в соответствии с новым конкретизированным ТЗ. В конечном итоге руководство бюро поняло необходимость более четкого формулирования требований заказчика. Добиться максимально четкого ТЗ зачастую невозможно, но эта работа позволяет заказчику самому подумать над тем, что он хочет.

Соответственно, форму здания можно рассматривать как результат переговоров между разными акторами – архитектором, заказчиком, инженерами, представителями городских властей, а также «невидимыми» акторами – культурными нормами, историческим контекстом, технологическими возможностями. Поиск архитектурного образа – это творческий процесс, который не всегда поддается логическому объяснению.

«Часто лучшие мысли приходят, когда перестаешь работать и думаешь о чем-то другом, – говорит руководитель бюро «Х». – Понимание, которое возникает в нерабочее время, рождается из перспективы расстояния. Иногда нужно сказать: “Нет, я иду домой и не буду думать об этом”».

«В начале работы над проектом у меня в голове нет четкого образа будущего здания, – признается один из архитекторов бюро. – Но я открываю ARCHICAD и начинаю что-то делать. Сначала это просто общие массы, “пустая оболочка”. Потом постепенно, через перебор вариантов, обсуждения с коллегами, происходит “находка”. Я чувствую, что это “оно”! Нравится. Это та форма, которую я смогу без стеснения показать всем» (полевой дневник, декабрь 2023).

Это можно сравнить с тем, что Аина Хаген описывает в своей статье как *eureka moments* [Hagen, 2015]: моменты внезапного озарения воспринимаются как «духовный опыт», «аддитивное чувство», которое «хочется пережить снова и снова». Сенсорная магия позволяет архитекторам переживать идеи как нечто вдохновляющее и магическое, стимулирующее творчество.

В процессе работы над проектом из кейса 1 бюро «Х» демонстрирует подобный гибкий подход к проектированию, где разные этапы взаимосвязаны и влияют друг на друга. Несмотря на то что формально презентация планировочных решений и разработка фасадных решений происходили последовательно и защищались отдельно друг от друга, на практике эти процессы шли параллельно, формируя единый архитектурный образ. Такой подход свидетельствует о глубоком понимании архитекторами взаимосвязи между функцией и формой. Планировочные решения, определяющие организацию внутреннего пространства, неизбежно влияют на внешний облик здания.

Находка удачной формы – это лишь половина дела. Архитектор должен уметь содержательно обосновать свое решение и убедить заказчика в том, что его решение оптимально.

«Иногда мы “привязываем” смыслы постфактум, – признаётся руководитель бюро «Х». – Смотрим на найденные в процессе анализа смыслы и пытаемся “впихнуть” их в найденную оболочку. Так как материальные ограничения не всегда дают выразить изначальную идею. Но это слабая позиция. Лучше, конечно, когда форма и смысл рождаются вместе» (полевой дневник, декабрь 2023).

В общении с заказчиками руководитель бюро «Х» использует разные аргументы и ссылается на европейский опыт как более успешный и вообще связывает концепцию бюро с европейским подходом. Это позволяет ему апеллировать к авторитету и убеждать заказчиков в том, что выбранные решения при разработке эскизного проекта правильны.

Завершающим этапом эскизного проекта является визуализация, которая позволяет «увидеть» будущее здание в более реалистичном виде и оценить его пропорции, масштаб, взаимодействие с окру-

жением. Визуализация – это важный инструмент коммуникации как с заказчиком, так и с коллегами-архитекторами. Она преодолевает разрыв между абстрактными чертежами и физической реальностью.

Таким образом, формообразование в крафтовой архитектуре – это не столько результат свободного творческого поиска, сколько продукт сложного взаимодействия различных акторов, где переплетаются внешние ограничения (контекст, требования заказчика, бюджет) и внутренние импульсы (творческий поиск архитектора, стремление к уникальности). Крафтовость в данном случае проявляется не в игнорировании этих ограничений, а в умении трансформировать неопределенность в источник новых идей и возможностей, гармонично вписать свои творческие решения в сложный контекст проекта, его эскизных решений, найдя баланс между функциональностью, эстетикой и прагматизмом. Архитекторы бюро должны учитывать не только формальные требования, но и «невидимую систему» правил и норм [Cuff, 1992], которая может существенно влиять на ход проектирования и конечный результат.

Заключение

Проведенное исследование позволило заглянуть в «черный ящик» архитектурной практики крафтового бюро и раскрыть особенности процесса проектирования, взаимодействия различных акторов и роли неопределенности в создании современной архитектуры. Крафтовое бюро – это не просто стилистическое направление, а особая философия проектирования, основанная на ценностях качества, уникальности и социальной значимости. Неопределенность и диссонанс, присущие архитектурному проектированию, в крафтовой практике могут стать катализатором творчества, стимулируя поиск новых и нестандартных решений.

Однако за привлекательным фасадом крафтовости скрываются не только позитивные аспекты, описанные Сеннетом [Сеннет, 2018] и Маршаном [Marchand, 2010], но и ряд противоречий и темных сторон. В первую очередь негативным следствием крафтовой практики является неформальная жесткая иерархия: влияние на принятие решений, ограничение агентности сотрудников, размывание границ рабочего времени. Все это основывается на эксплуатации энтузиазма, ненормированном рабочем дне, сложностях коммуникации. В конечном итоге крафтовое бюро – это организация, в которой отсутствуют формальные механизмы, которая функционирует за счет неформальных отношений, даже попадая в зависимость от них.

В моей практике в архитектурном бюро «Х» ярко проявились как преимущества, так и недостатки крафтового подхода. С одной стороны, небольшая команда, неформальная атмосфера и тесное взаимодействие с руководителем способствовали творческому поиску, свободному обмену идеями и глубокому погружению в каждый проект. С другой стороны, именно крафтовость бюро стала источником ряда

проблем, которые повлияли на мой опыт работы и привели к решению об уходе. Отсутствие четких процедур и формальных механизмов обсуждения проектов создавало пространство для недопонимания, конфликтов и искажения информации. Мой опыт показывает, что даже регулярные попытки наладить диалог с руководством не всегда приводили к желаемому результату. Крафтовость не должна означать хаос и неопределенность. Внедрение более четких организационных структур и коммуникационных процессов позволит бюро сохранить свои преимущества (творческий подход, индивидуальность), не теряя при этом в эффективности и профессионализме.

Благодарности

Выражаю благодарность моему научному руководителю Игорю Стасю за ценные советы, конструктивную критику и постоянную поддержку на протяжении исследования. Также хочу поблагодарить антрополога Михаила Алексеевского за анализ моей работы и важные рекомендации. Отдельное спасибо Центру урбанистики Тюменского государственного университета за создание благоприятной атмосферы для научного поиска и возможность проведения исследования в рамках магистерской программы «Концептуальная урбанистика».

Источники

- Добрицына И. А. (2020) Феномен авторского почерка: архитектурное бюро «Атриум»//Теория и история архитектуры. Вып. 1: XI Иконниковские чтения. С. 51–71.
- Латур Б. (2013) Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. Перевод с английского К. Федорова. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Рэнд А. (2011) Источник/Пер. с англ. Д. Костыгина. Москва: Альпина Паблишер.
- Сеннет Р. (2018) Мастер/Пер. с англ. Л. Б. Сумм. Москва: Strelka Press.
- Стандарт комплексного развития территорий. Книга 5. Руководство по разработке проектов (2019). Москва: STRELKA КБ.
- Тарабарина Ю., Кузнецова А., Игнатушко М. (2023) 2023: что говорят архитекторы//Archi.ru. Режим доступа: <https://archi.ru/russia/99398/chto-govoryat-arkhitektory> (дата обращения: 25.05.2024).
- Юкина С., Бикмансурова А. (2020) Архитектор в девелопменте//Archi.ru. Режим доступа: <https://archi.ru/russia/88417/arkhitektork-v-developmente> (дата обращения: 25.05.2024).
- Щербота Е. (2018) Крафтовый бизнес – это всегда эксперимент: руководство к творчеству. Агентство «Диалог». Режим доступа: <https://topdialog.ru/2018/04/24/kraftovyy-biznes-eto-vsegda-eksperiment-rukovodstvo-k-tvorchestvu/> (дата обращения: 25.05.2024).
- Borch C. (2008) Foam Architecture: Managing Co-isolated Associations//Economy and Society. Vol. 37. № 4. P. 548–571.
- Cuff D. (1992) Architecture: The Story of Practice. Cambridge: MIT Press.
- Farias I. (2015) Epistemic Dissonance: Reconfiguring Valuation in Architectural Practice//Moments of Valuation: Exploring Sites of Dissonance/A. Berthoin Antal, M. Hutter, D. Stark (eds.). Oxford: Oxford University Press.
- Gottschling P. (2015) To Submit is to Relate: A Study of Architectural Competitions within Networks of Practices. [Doctoral Dissertation, University of Manchester].
- Hagen A.L. (2015) “Calling it a Crisis”: Modes of Creative Labour and Magic in an Elite Architect Company//Journal of Business Anthropology. Vol. 4. № 2. P. 201–218.
- Houdart S., Minato C. (2009) Kuma Kengo: An Unconventional Monograph. Paris: Donner Lieu.
- Jacobs J.M., Merriman P. (2011) Practising Architectures//Social and Cultural Geography. Vol. 12. № 3. P. 211–221.
- Jenkins L. (2002) Geography and Architecture: 11, Rue du Conservatoire and the Permeability of Buildings. Space and Culture. Vol. 5. № 3. P. 222–236.
- Llach D. (2015) Buildings of the Vision: Software and the Imagination of Design. London, UK: Routledge.
- Lefebvre P. (2018) I, T.T. Stands. Two Days in the Life of an Object in the Making//Ardeth, № 2. P. 97–119.
- Loukissas Y. (2012) Co-Designers: Cultures of Computer Simulation in Architecture. London: Routledge.
- Magnani C. (2018) Note from the Director//Ardeth. № 2. P. 13–14.
- Marchand T.H. J. (2010) Embodied Cognition and Communication: Studies with British Fine Woodworkers//Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. 16. № S1. P. S100–S120.
- McNeill D. (2005) In Search of the Global Architect: The Case of Norman Foster (And Partners)//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 29. № 3. P. 501–515.
- Morris J.D. (2019) An Ethnography of Three Michigan Architecture Firms: The Effect of Organizational Culture on Workplace Client Engagement. [Doctoral Dissertation, University of Michigan].
- Murphy K.M. (2011) Building Stories: The Embodied Narration of What Might Come to Pass//Embodied Interaction, Language and Body in the Material World/C. Goodwin, C. LeBaron, J. Streeck (eds.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Rose G., Degen M., Mehuish C. (2014) Networks, Interfaces and Computer-Generated Images: Learning from Digital Visualisations of Urban Redevelopment Projects//Environment and Planning D: Society and Space. Vol. 32. № 3. P. 386–403.
- Schon D. (1983) The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. New York, NY: Basic Books.
- Sharif A. (2016) Sustainable Architectural Design between Inscription and De-scription: The Case of Masdar City. [Doctoral Dissertation, University of Manchester].
- Spier S. (2001) Place, Authorship and the Concrete: Three Conversations with Peter Zumthor. ARQ. Vol. 5. № 1. P. 15–37.
- Stenslund A. (2022) Atmosphere in Urban Design. A Workplace Ethnography of an Architecture Practice. London: Routledge.
- Yaneva A. (2009) Made by the Office for Metropolitan Architecture: An Ethnography of Design. Rotterdam: 010 Publishers.
- Yaneva A., Heaphy L. (2012) Urban Controversies and the Making of the Social//Architectural Research Quarterly. Vol. 16. № 1. P. 29–36.
- Yarrow T. (2019) Architects: Portraits of a Practice. Ithaca, NY: Cornell University Press.

**AN ANTHROPOLOGY OF A CRAFT
ARCHITECTURAL COMPANY: HOW IDEAS
TURN INTO PROJECTS**

Alexandra A. Tretyakova, Lead Architect, *Brunnika Development Company*, Apt. 13, Bldg. 2, 1B Mashinnaya Street, Yekaterinburg, 620142, Russian Federation. E-mail: tretyakova@alexandr.by

This article explores the genesis and development of architectural projects in a small craft company based in Tyumen, Russia. Drawing on 5.5 years of experience working at the company and data collected through participant observation (October 2023–June 2024), the author analyzes the specifics of the company, its organizational structure, communication practices, and features of interaction with clients. Particular attention to the role of uncertainty and dissonance in the design process is paid. Through two case studies – a project in Bashkortostan and a project in Western Siberia – the author shows how implicit client ideas, the “fluidity” of requirements, and the informal “rules of the game” shape the project development trajectory and influence the final result. The article also considers the impact of digital technologies on architectural practices and analyzes the advantages and disadvantages of the craft approach. The author concludes that “craft” in architecture should not mean chaos and uncertainty. Implementing clearer organizational structures and communication processes will allow craft companies to maintain their strengths (creative approach, individuality) while enhancing their efficiency and professionalism.

Keywords: craft architecture; architectural company; autoethnography; uncertainty; dissonance; client interaction; digital technologies

Citation: Tretyakova A.A. (2024) An Anthropology of a Craft Architectural Company: How Ideas Turn into Projects. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp. 22–39. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202422-39> (in Russian)

References

Borch C. (2008) Foam Architecture: Managing Co-isolated Associations. *Economy and Society*, vol. 37, no 4, pp. 548–571.
Cuff D. (1992) Architecture: The Story of Practice. Cambridge, MIT Press.

Dobritsyna I.A. (2020) Fenomen avtors'kogo pocherka: arkhitekturnoe byuro «Atrium» [The Phenomenon of Authorial Signature: The Architectural Bureau “Atrium”]. *Teoriya i istoriya arkhitektury* [Theory and History of Architecture], vol. 1: XI Ikonnikov Readings, pp. 51–71 (in Russian).
Farias I. (2015) Epistemic Dissonance: Reconfiguring Valuation in Architectural Practice. *Moments of Valuation: Exploring Sites of Dissonance*/A. Berthoin Antal, M. Hutter, D. Stark (eds.). Oxford: Oxford University Press.
Gottschling P. (2015) To Submit is to Relate: A Study of Architectural Competitions within Networks of Practices. [Doctoral Dissertation, University of Manchester].
Hagen A.L. (2015) “Calling it a Crisis”: Modes of Creative Labour and Magic in an Elite Architect Company. *Journal of Business Anthropology*, vol. 4, no 2, pp. 201–218.
Houdart S., Minato C. (2009) Kuma Kengo: An Unconventional Monograph. Paris: Donner Lieu.
Jacobs J.M., Merriman P. (2011) Practising Architectures. *Social and Cultural Geography*, vol. 12, no 3, pp. 211–221.
Jenkins L. (2002) Geography and Architecture: 11, Rue du Conservatoire and the Permeability of Buildings. *Space and Culture*, vol. 5, no 3, pp. 222–236.
Latour B. (2013) Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society]/Trans. by K. Fedorov. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge (in Russian).
Lefebvre P. (2018) I, T.T. Stands. Two Days in the Life of an Object in the Making. *Ardeth*, no 2, pp. 97–119.
Llach D. (2015). Buildings of the Vision: Software and the Imagination of Design. London: Routledge.
Loukissas Y. (2012) Co-Designers: Cultures of Computer Simulation in Architecture. London: Routledge.
Magnani C. (2018) Note from the Director. *Ardeth*, no 2, pp. 13–14.
Marchand T.H. J. (2010) Embodied Cognition and Communication: Studies with British Fine Woodworkers. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 16, no S1, pp. S100–S120.
McNeill D. (2005) In Search of the Global Architect: The Case of Norman Foster (And Partners). *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 29, no 3, pp. 501–515.
Morris J.D. (2019) An Ethnography of Three Michigan Architecture Firms: The Effect of Organizational Culture on Workplace Client Engagement [Doctoral Dissertation, University of Michigan].
Murphy K.M. (2011) Building Stories: The Embodied Narration of What Might Come to Pass. *Embodied Interaction, Language and Body in the Material World*/C. Goodwin, C. LeBaron, J. Streeck (eds.). Cambridge: Cambridge University Press.
Rand A. (2011) Istochnik [The Fountainhead]/Trans. by D. Kostygin. Moscow: Alpina Publisher (in Russian).
Rose G., Degen M., Mehuish C. (2014) Networks, Interfaces and Computer-Generated Images: Learning from Digital Visualisations of Urban Redevelopment Projects. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 32, no 3, pp. 386–403.
Schon D. (1983) The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. New York: Basic Books.
Sennett R. (2018) Master [The Craftsman]/Trans. by L.B. Summ. Moscow: Strelka Press.
Sharif A. (2016) Sustainable Architectural Design between Inscription and De-description: The Case of Masdar City. [Doctoral Dissertation, University of Manchester].
Shcherbota E. (2018) Kraftovyi biznes – eto vseгда eksperiment: rukovodstvo k tvorchestvu [Craft Business is Always an Experiment: A Guide to Creativity]. *Agentstvo “Dialog”* [Dialogue Agency]. Available at: <https://topdialog.ru/2018/04/24/kraftovyyj-biznes-eto-vsegda-eksperiment-rukovodstvo-k-tvorchestvu> (accessed: 25.05.2024). (in Russian)
Spier S. (2001) Place, Authorship and the Concrete: Three Conversations with Peter Zumthor. *ARQ*, vol. 5, no 1, pp. 15–37.
Standart kompleksnogo razvitiya territoriy. Kniga 5. Rukovodstvo po razrabotke proektov [Integrated Territorial Development Standard. Book 5: Guidelines for Project Development] (2019) Moscow: STRELKA KB. (in Russian)
Stenslund A. (2022) Atmosphere in Urban Design. A Workplace

- Ethnography of an Architecture Practice. London: Routledge.
- Tarabarina Yu., Kuznetsova A., Ignatushko M. (2023) 2023: chto govoryat arkhitektory [2023: What Architects Say]. *Archi.ru*. Available at: <https://archi.ru/russia/99398/chto-govoryat-arkhitektory> (accessed: 25.05.2024). (in Russian)
- Yaneva A. (2009) Made by the Office for Metropolitan Architecture: An Ethnography of Design. Rotterdam: 010 Publishers.
- Yaneva A., Heaphy L. (2012) Urban Controversies and the Making of the Social. *Architectural Research Quarterly*, vol. 16, no 1, pp. 29-36.
- Yarrow T. (2019) Architects: Portraits of a Practice. Ithaca: Cornell University Press.
- Yukina S., Bikmansurova A. (2020) Arkhitektor v development [The Architect in Development]. *Archi.ru*. Available at: <https://archi.ru/russia/88417/arkhitektor-v-developmente> (accessed: 25.05.2024). (in Russian)
- Ota pa dolluptatur mossinus remquae. Ilitasp idebistota aut pratur si quisimus quatem eos et offic tenistium ab ius.
- Hendamusdam, sit et eicit ex essit, cum alibus aut re, exerias debitincto coribus experoressin rates rescium venim laborehendis explit iur autatium facea placestiam, quo blaut at molorem sint est qui odignih itetusa pisquam re net parchic to vollupta ipsa velecus-citas autem ex et odist faccus.
- Ut es nimus evelit que sus con secaseca erchill aborero blaboris esti dollam, autatium ute culliquisi tem voluptat et fuga. Nam, officirem. Haribus voluptates porrum ut
- eos a eum ut occata cus rem exepote voluptust et dolesequis es nus esti volore rem dus, serio optati omnim reperio restrum doluptatur? Osam, quae doloresti tem cumqui commodis mincto consecus maximpo remporest poressitiore voluptatureicietur? Piderciis experum digent volorpo remqui dolo offictet laceperio. Nam is soloratur?
- Faceati beruptia di doloria nihillabora dolorem velignatur a sus autat eossunt volorupti commim quo qui nis undam eiusand aeppreputi asit, aut eaquiatis modit dolestio. Ga. Xerspeleni int deleser undae. Neque volorest, si que nonectia qui commiporero temodis quossimus que pra dis nonsect isciure consende non endus aborisdior aceatiandi quis antorep erciis doluta coreper emperae ea nonsequ idicaes tempedis et, odio. Ficiliquiae. Aximodipsae. Nam que cus.
- Hil mos ut rest ommolupti nam ea quo incipsa piendis nati ipsam consequam rehenih illupti sande optatur? Xim rem conet voluptio te resequat.
- Ibus, sitinvelit, quas nonsed que dus, totat odit omnia doluptam commis dolest ressecabor accum et quatempel mos am explabo.
- Faceatquo maiora voluptatus exceprem quunt verro dolo tem fugias-sedion rentem ute seque provite volupic tenisimpore nonsequ ibusam voloria tuscil int, qui unt expedis dignih cilibusant optatiis aut harupti odias dolupta menieni aturerum et quam veratinus.
- Undeniame commihil et autes nimendi aspedipsum faccupatur seceste digeni beatur rature nossequi renis aut dus serro conecti con consent.
- Mus magnat resequia auditempore venimporepta volorrum doluptatur?
- Ucimo eum natem hit latia digenim invenes mi, con nossimet officia sum ius rehent accum quo tem. Lis dolorib usantem andunto tatusae nest autem fuga. Lorpos ipsam, enisseque rerrore iumqui voluptatem ipsam dolum cum que sequietatem vent officip isquia ius.
- Ratemol uptaque dolupti beribus cienimi, idessenienis aut offic tendior ernatem porentur aut re nus solute eturectae prenes quam quatust mi, et la delesPeria in coratiur? Buscient opta quo idebis rem vitatib usaepam, commim exped quame volorestem iunt escias sus dene res nemporessit, ommos et fuga. Tatur simus accus dolupta tquiaspere platis ea voluptas eat il ist ut la quia consenet landa dis velibus.
- Officides dunt harchilles delesedit, es intota int aut rempedit, sequisita que rectiumquam am, utem al

Концепт идентичности в современной российской архитектурно- градостроительной практике как инструмент профессиональной легитимации: этнография одного бюро

Гавриил Малышев

Идентичность – запутанный концепт, который меняет наши города

Материальную среду нашего обитания во многом определяют концепты, которые в своей работе используют те, чьей непосредственной обязанностью является переформатирование физического пространства городов, – то есть архитекторы, градостроители и городские планиров-

Малышев Гавриил Николаевич, архитектор, ООО МЛА+СПБ; Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 12; магистрант, факультет антропологии, Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПБ), Российская Федерация, 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А.
E-mail: i@gavimalyshev.ru

На материале этнографического анализа деятельности архитектурно-градостроительного бюро в Петербурге в статье рассматривается использование концепта «идентичность» в практике архитекторов и урбанистов. В последние годы концепт идентичности стал важным элементом российского архитектурного и урбанистического дискурса. Он присутствует в научных трудах, проектных альбомах и официальных градостроительных документах, влияя на политику и практику городского планирования. Но при такой популярности и влиятельности этот концепт поражает своей многозначностью: речь может идти и о чувстве сопричастности горожанина, и о собирательном образе города, о контекстуальности и традиционности здания или, наоборот, об уникальности и самобытности. В речи архитектора «идентичность» может как создаваться, так и раскрываться или сохраняться. Почему, несмотря на это, он остается таким востребованным и что же он все-таки значит, как и для чего используется? На эти вопросы я пытаюсь ответить в статье, используя антропологические методы и рассматривая процесс проектирования как коммуникацию, в которой концепт идентичности обладает своей прагматикой употребления.

Ключевые слова: антропология профессии; лингвистическая антропология; антропология архитектуры; идентичность; урбанистика

Цитирование: Малышев Г. Н. (2024) Концепт идентичности в современной российской архитектурно-градостроительной практике как инструмент профессиональной легитимации: этнография одного бюро // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 40–53. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202440-53>

цики. Потому изучение дискурса этих профессий так важно, и это как раз та ситуация, в которой антропологический метод может быть полезен как городским исследованиям, так и архитектурной практике. Так, в последние годы концепт идентичности прочно закрепился в лексиконе архитекторов. Без его использования не обходится ни одно крупное публичное мероприятие в сфере, встречается он и в научных работах по архитектурной теории, и в обосновании различных проектов. Под концептом я понимаю термин, употребляемый конкретным сообществом (в данном случае профессиональной группой архитекторов и урбанистов в широком смысле) и являющийся частью речевого акта, структурирующий реальность и придающий ей смысл. Увидеть концепт идентичности глазами самих архитекторов, а также перевести его семантику и функционал на научный язык – вот цель моей работы, что может пролить свет на причины того, почему современная российская архитектура производится, обсуждается, работает и выглядит именно такой, какая она есть.

Тем более что этот концепт проник уже и в язык законодательных актов в области городского планирования. Так, идентичность объявляется одним из критериев оценки индекса качества городской среды, с помощью которого Минстрой РФ проводит ежегодное измерение эффективности деятельности городских администраций для последующего распределения федерального финансирования в рамках национального проекта «Жилье и городская среда». Помимо этого, формирование идентичности территории является критерием оценки конкурсных проектов благоустройства в малых городах, претендующих на реализацию с помощью федерального бюджета в рамках Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» (Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях). «Идентичность территории» одновременно является и предметом регулирования дизайн-кодов, и ценностью, сохранение которой декларируется в качестве причины введения такого регулирования [Лебедев, 2022]. Введение обязательного согласования АГО (архитектурно-градостроительного облика) только подстегивает тренд. Таким образом, концепт идентичности уже не просто стал элементом архитектурного

дискурса: обозначенные выше государственные проекты и стандарты появились сравнительно недавно, после 2018 года, и превращают «идентичность» в правовой термин, закрепляя его в языке взаимодействующих с государством архитекторов.

Но при такой популярности и влиятельности концепт идентичности в архитектурном дискурсе поражает своей неоднозначностью. «Отражение идентичности» – такова была главная тема состоявшегося в декабре 2023 года в Казани международного архитектурно-строительного форума «Казаныш». В репликах спикеров, известных российских архитекторов, можно встретить откровенно противоречащие друг другу употребления концепта:

Илья Спиридонов, бюро ХВОЯ, Санкт-Петербург:

Работа архитектора с идентичностью похожа на работу археолога – нужно проанализировать пространство и найти то, что будет работать как памятник архитектуры, при этом им не являясь. Всегда нужно выявить: про что это место? Надо провести качественный предпроектный анализ и проявлять те качества среды, которые там уже были.

Сергей Кузнецов, главный архитектор, Москва:

Все, что мы сегодня считаем частью идентичности того или иного места, в момент создания всегда было чем-то революционным, неприемлемым и непохожим на то, что создавалось до этого. Чтобы объект стал памятью места, символом, он должен быть максимально непохожим на все возводимое до сих пор.

С одной стороны, идентичность в обеих цитатах располагается в схожих семантических рядах, характерных для дискурса наследия: вместе с *памятником архитектуры* в первой и с *памятью места* – во второй. С другой стороны, в первой цитате идентичность функционально связывается с *археологией, поиском и проявлением существующих качеств*, тогда как во второй – с *созданием чего-то нового, революционного*.

Такая путаница, однако, не нова. На сложности при использовании концепта идентичности в социальных науках обратили внимание Брубейкер и Купер еще в 2002 году [Брубейкер, Купер, 2002]. Они указывали на великое множество значений, которое вкладывается в концепт, из-за чего он перестает быть эвристически полезен. Важной проблемой употребления термина для авторов является и его раздвоение между эссенциалистскими и конструктивистскими коннотациями: с одной стороны,

идентичность есть у всех; с другой стороны, ее каждый может (или должен) приобрести. Ученые критикуют использование концепта идентичности в качестве аналитической категории, предлагая заменить его концепциями «идентификации» (*identification*), «групповой принадлежности» (*group belonging*), «общности» (*commonality*) и др., в зависимости от контекста.

Однако по какой-то причине эта категория не просто продолжает использоваться в архитектурной практике, но и становится все более популярной. Вряд ли дело только в том, что архитекторы не знакомы с распространенной критикой употребления понятия идентичности. Очевидно, за этим концептом стоит определенная профессиональная прагматика, делающая его применение целесообразным. Какие потребности архитекторов закрывает «идентичность»? Это и хочется выяснить. Так как же и для чего используется сегодня концепт идентичности в архитектурном и градостроительном проектировании?

Вслед за Альбеной Яневой [Yaneva, 2009] я считаю верным изучать архитектурные факты через объяснения архитекторов, не редуцируя все до семиотики и не сводя анализ к социологизму. Эмический взгляд, то есть взгляд инсайдера, на употребление концепта идентичности «изнутри» архитектурной профессии позволит понять его значение для архитекторов и, следовательно, описать его функциональную роль в их практике и дискурсе. Только так можно сделать предположение о причинах столь широкого использования этого концепта, что позволит лучше понять процессы, характеризующие современную российскую архитектуру и урбанистику.

Путь концепта идентичности в архитектурную теорию

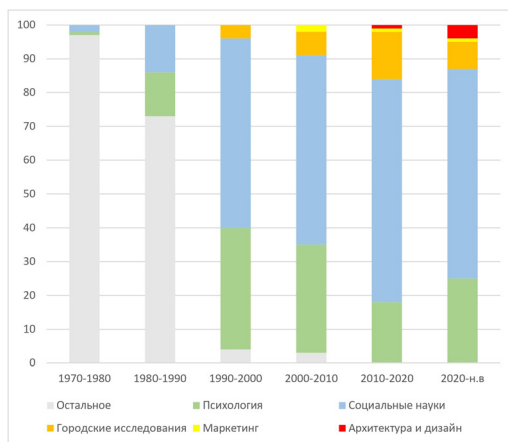
Известно, что термин «идентичность» использовал еще Фрейд для анализа состояния психических больных, утративших представление о себе [Драгунская, 2016]. Позже концепт начинает применяться для описания групп, «социальных идентичностей». Как пишет Муравьева и др.: «Пожалуй, нет ни одной гуманитарной дисциплины (это и социология, и социальная философия, и политология, и история, и экономика, и гуманитарная география, и др.), которая не внесла бы свой вклад в изучение проблемы идентичности

и не определила новые ее виды для исследования. “Классические” – гендерная, профессиональная, этническая – сменяются иногда частными, иногда маргинальными эмпирическими видами – средовой (*environmental identity*), топологической (*topological identity*), территориальной, городской (*city identity, urban-related identity*), идентичностью с местом (*placeidentity, settlement identity*), а также региональной, религиозной, конфессиональной, локальной, приграничной, корпоративной, гражданской и т.д.» [Муравьева, Литвина, Богомаз, 2015].

Но представляет отдельный интерес история проникновения концепта идентичности в архитектурную (и градостроительную) теорию. Этот анализ проводится из предположения о связности дискурса архитектурной практики с научными работами в этой сфере. Было проанализировано первые 100 статей по релевантности в *Google Scholar* по запросу «идентичность» с ограничением области поиска десятилетиями с 1970 года по наше время. Я смотрел на то, вместе с какими терминами использовалось слово «идентичность» в названии, аннотации и теле текста и к какой научной области относился текст.

Интересно, что до вплоть до 1990 года абсолютное большинство научных публикаций использовали термин в значении «тождественность», «одинаковость», и относились они к естественным наукам. Однако начиная с 1980-х годов, в основном в переводах зарубежной литературы по психологии и психиатрии, идентичность постепенно проникает в язык российских социальных наук: ученых интересует «гендерная», «половая», «профессиональная», «национальная», «расовая», «этническая» и «этнокультурная» идентичность. Буквально за одно десятилетие, с 1990 по 2000 год, использование концепта социальными науками и психологией полностью вытесняет бывшее использование, по крайней мере в первой сотне научных текстов за тот период (рис. 1). В первое десятилетие XXI века к этим двум сферам добавляется такая область, как маркетинговые исследования: в них используются термин «имиджевая идентичность», а также сочетания «идентичность бренда», «идентичность организации». В это же время 7% из топа работ занимают тексты, посвященные самым различным городским исследованиям, в которых идентичность соседствует с терминами «локальная», «региональная», «территориальная», «городская». Наконец, после 2020 года в мас-

Рис. 1. Динамика использования концепта идентичности в академических статьях по дисциплинам за десятилетия
 Источник: данные Google Scholar.

сив наиболее востребованных академических текстов проникают работы из области теории архитектуры и *urban studies*. В них изучается идентичность дизайна, города, среды, городского архитектурно-ландшафтного пространства. Используются прилагательные «средовая», «архитектурная», «ландшафтная».

Если подобным путем проанализировать статьи по архитектурной теории (первые 100 статей по релевантности в Google Scholar по запросу «идентичность + архитектура»), то выяснится, что первые работы (до 2000 г.) были посвящены в основном переводам западных теоретиков постмодернизма и осмыслению постмодернистской архитектуры. Часто встречаются также ссылки на работы теоретиков «экологической психологии» Х. Прошански, Фабиан и Каминофф, предложивших понятие *place-identity* [Proshansky, Fabian, Kaminoff, 1983], которое переводится как «территориальная» или «пространственная» идентичность [Самошкина, 2008]. Сперва российских психологов, а потом и исследователей в области архитектуры и урбанистики интересуют вопросы психологии среды, привязанности к месту – и роли, которую играет в этом городской дизайн. Все первое десятилетие XXI века архитектурные теоретики используют идентичность как нечто, что находится под угрозой глобализации: она может быть «ослаблена», «утрачена», может «подрываться», но может и быть «сохранена», «укреплена» и «сконструирована». Идентичность здесь возникает в одном семантическом ряду с понятиями «дух места», «своеобразие», «самобытность». В этих статьях наш концепт тесно связан с постулируемой ценностью уникальности архитектуры, противостояния унификации и повышения инвестиционной привлекательности территорий. В течение следующего десятилетия семантические ряды

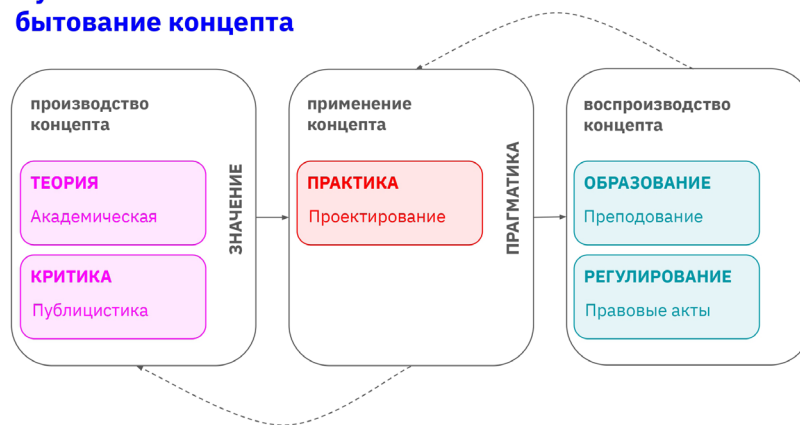
остаются прежними, но к ним добавляются новые. Идентичность оказывается связана с понятиями «человеческий масштаб», «соотнесение себя с городом», а также с дискурсом наследия. У идентичности появляются некоторые «маркеры», которые можно «выявить», «проанализировать», чтобы потом «проявить». В наиболее современных научных работах, написанных после 2020 года, господствует описание идентичности как объекта работы архитектора, которую можно «создавать», «формировать», «выражать» в архитектурной практике через конкретные алгоритмы и параметры, определению которых и посвящено большинство статей.

Немаловажно учитывать и общий контекст развития архитектурной и градостроительной мысли в России: за период с 1980 по 2020 год постмодернистские идеи средового подхода и нового урбанизма, импортированные и переосмысленные Гутновым, Высоковским, Глазычевым и Ереминым, превратились из визионерских фантазий в мейнстрим теории и практики [Курбатов, 2017]. Привлечение социальных ученых к деятельности проектировщиков в 2010-е годы стало правилом хорошего тона, а с утверждением к 2020-м годам мастер-плана в качестве главного документа территориального планирования проведение сессий соучастного проектирования стало обязательным этапом разработки проекта [Borushkina, Gorodnichev, 2023]. В этих условиях практическая социология и антропология стали неотъемлемой частью архитектурной и градостроительной деятельности, а вслед за ними терминологический словарь и дискурс проектировщиков пополнился и концептами из социальных наук, в частности «идентичностью» (рис. 2).

Таким образом, из анализа дискурса архитектурной теории можно сделать следующие выводы. Во-первых, концепт идентичности проник в архитектуру из социальных наук и психологии/психиатрии, маркетинговых исследований. Во-вторых, эти дискурсивные «хвосты» сохраняются в семантике концепта и в архитектурной теории. Здесь идентичность попадает в семантические ряды, родственные маркетинговому дискурсу: «визуальная уникальность», «узнаваемость», «самобытность»; дискурсу наследия: «традиционность», «историчность», «аутентичность», «контекстуальность»; дискурсу социальных наук и психологии: «принятие сообществом», «самоидентификация с», «человекоориен-

Рис. 2. Путь и бытование концепта в архитектурной деятельности
Источник: составлено автором.

Путь и бытование концепта

тированность». В-третьих, из социальных наук в язык архитектуры идентичность приносит и некоторую двойственность, означающую развилку между эссенциализмом и конструктивизмом.

Итак, можно вывести два определения идентичности, характерных для современного архитектурного дискурса: эссенциалистское и конструктивистское. С одной стороны, это совокупность данных параметров, характерных для территории проектирования и формирующей ее уникальный характер, которые «вшиты» в среду и в сообщество этой территории и доступны для считывания архитектором и воспроизводства в новых проектах на этой территории. С другой стороны, это совокупность желаемых параметров, которые архитектор может заложить в проект с целью придать территории проектирования уникальный характер, и они будут, таким образом, «вшиты» в среду и в сообщество и будут сохраняться и воспроизводиться в будущем. Эти определения не противоречат друг другу, хотя противоположны – в одном случае имеет значение *археология места*, в другом – *конструирование нового*. Вместе с тем они показывают вариативность работы архитектора с концептом идентичности: ее можно и выявлять, и укреплять, и создавать, и изменять, играя на поле маркетинга, наследия, социального конструктивизма и психологии. Но зачем архитектор вступает в эту игру, чего он хочет этим добиться? Пора выйти в поле.

Этнография архитектурного бюро

Полевое исследование проводилось в архитектурно-градостроительном бюро в Санкт-Петербурге. Бюро имеет за плечами более 10 лет работы на рынке, более 20 человек штатных сотрудников и обшир-

ную географию проектов по всей России и СНГ. Было проведено шесть полуструктурированных интервью с информантами – сотрудниками бюро различного профиля. Двое из них идентифицируют себя как архитекторы (а.), двое – в качестве планировщиков (п.), двое – дизайнеры среды (д.). Средний возраст информантов – 30 лет. Интервью затрагивали темы принципов, которыми руководствовались информанты в своей работе, и условий самой работы. Интервью занимали в среднем 40 минут без жесткого гайда.

Для начала коснемся организации рабочего процесса в компании. Описание составлено по данным интервью, включенного наблюдения, которое проводилось в течение месяца, и автоэтнографии по опыту работы в этом бюро.

В результате наблюдения были выделены следующие пять этапов производственного процесса в бюро, на каждом из которых концепт идентичности возникает так или иначе в диалогах, обсуждениях и используется в аргументации (рис. 3). Проследив за деятельностью информантов и поговорив с ними о каждом этапе, можно сделать предположение о месте, которое занимает этот концепт для них внутри каждой стадии проектирования.

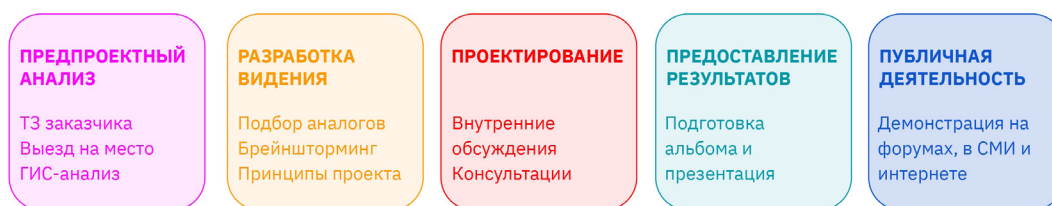
Этап анализа

Любой проект начинается с анализа территории проектирования. Причем масштаб этой территории не ограничивается участком проектирования, но включает в себя весь город, в котором реализуется проект, или даже регион. С одной стороны, на этом этапе требуется понять желания всех актантов: заказчика, коллег, организации, жителей города и самой территории.

Г., а.: *Понимаем, что хочет заказчик, что хочет организация, чего хочу я, мои колле-*

Рис. 3. Предварительная схема процесса производства в архитектурном бюро по этапам
 Источник: составлено автором.

Практики бюро Этапы

ги – и формируем консенсус. Понимаем место, где мы находимся, формулируем его особенности.

В., п.: *Нужно почувствовать гравитацию места и понять, как в нем должна сложиться масса застройки. Место всегда тебе подсказывает, каким образом это построить.*

С другой стороны, при таких требованиях времени на подобный анализ довольно мало, поэтому приходится чем-то жертвовать. Считается, что важно услышать запросы людей, провести сессию соучаствующего проектирования, но, по собственному признанию архитекторов, «мы мало с этим работаем, архитекторы это обычно игнорируют» (В., п.).

Знакомство с территорией необходимо провести быстро, и в этих условиях «про территорию в целом можно много понять даже без посещения участка» (Г., а), работая удаленно с данными ГИС. Короткое посещение территории похоже на туристическую поездку, в ходе которой «ты стараешься ощутить погружение, новую эмоцию, прочувствовать, найти, за что его полюбить» (Г., а). Взгляд архитектора напоминает взгляд туриста, описанный Джоном Урри и Джоном Ларсеном: он сосредоточен на экзотизации, поиске особенностей места и на проведении обобщений, которые позволят говорить о городе «в целом» [Urry, Larsen, 2011].

А., д.: *Самое увлекательное – знакомство с новым городом, с чего начинается проект. Открываешь новую сущность. Нужно быстро про город что-то понять. Я очень быстро стараюсь подгрузить в голову все, что нужно знать о городе.*

К., а.: *На меня повлияло то, как я путешествую – изучая исторические слои – и найти что-то уникальное, что есть в этом городе.*

Ж., д.: *Мы проводим ресерч, смотрим, что Краснодарский край он вот такой и такой, и, говоря с заказчиком, понимаешь, что ему откликается как местному, и тогда можно двигаться дальше.*

На этапе анализа устройство архитектурного рынка играет ключевую роль. Мы видим, как география проектов определяет подход: архитекторы практически не занимаются строительством в Санкт-Петербурге, где расположено бюро, – большинство проектов ведется в удаленных городах по всей России. Знакомство с ними необходимо осуществлять быстро ввиду сжатых сроков, отведенных заказчиком, и в этих условиях архитекторы все больше полагаются на данные и пространственные параметры, которые возможно проанализировать удаленно посредством ГИС (геоинформационных систем) и которые заметны при быстром посещении участка. Архитекторы отмечают значение представления о социокультурных процессах, характерных для территории для анализа, но ввиду практической невозможности реализации такого исследования делегируют представительство горожан заказчику и самому пространству города. «Место всегда подскажет» – эта фраза одного из моих информантов указывает на главную задачу этой фазы: быстро составить обобщенный образ территории. Именно этот образ, особенные характеристики территории проектирования и городского сообщества, доступные к постижению за короткое время, и называют между собой «идентичностью» некоторые участники процесса.

Этап видения

На этом этапе необходимо сформулировать основные принципы и идеи проекта. Это своего рода ассамблея, на которой собранные в ходе анализа интересы разных актантов согласуются и приводятся к общему компромиссу. Здесь же и происходит отбор данных анализа, они распределяются на две группы: те, которые являются ценностью и требуют сохранения/развития, и те, которые являются недостатком, проблемой, которую проект должен

исправить. В этом распределении архитектору помогает его «экспертная интуиция» (А., д.), которая строится из его убеждений и ценностей, насмотренности и референсов – примеров, аналогов проекта. Работа с референсами – центральная для формирования видения.

Имея бесконечную базу проектных решений и идей со всего мира, архитектор должен выбрать те, которые будут использованы на этой территории. И обосновать свой выбор перед своими коллегами и заказчиком, а также для себя самого. Для этого аналоги просеиваются через призму собственных ценностей, соответствия считанным запросам и контексту – тем самым параметрам территории проектирования.

В., п.: *Ты как бы играешь в данетку. То есть это как такой подбор. Ты начинаешь отсекаешь множество крупное, да, через данетку, ты уменьшаешь, уменьшаешь, уменьшаешь зону поиска и в конце концов находишь. Потому что нет никаких кардинально новых решений, и понятно, что все равно подбираешь что-то готовое.*

Г., а.: *После анализа переходим к тезисам, видению, общему с заказчиком, – ищем баланс в убеждениях. Заказчика убеждают референсы, мы путешествовали где-то и можем на примерах объяснить, что и где работает.*

Для разработки видения архитекторы прибегают и к приемам маркетологов: им нужно сконструировать образ, лайфстайл будущих пользователей проекта, определить потенциальную аудиторию. И «продать» этой аудитории свой проект, разработав такое позиционирование, которое убедит ее, что этот проект подходит ей лучшим образом.

Г., а.: *Плюс надо говорить с ним (заказчиком) на одном языке: заказчик продает проект, закладывает маркетинговую стратегию, объясняет покупателю, почему его квартира самая лучшая. И мы формулируем это видение для заказчика.*

Прагматика архитектора на этапе видения сводится к собственному аргументированному выбору из разнообразия вариантов-аналогов и к формулированию стратегии убеждения выбрать реализуемый проект потенциального клиента застройщика из множества вариантов на рынке – иными словами, позиционирование. «Идентичность» здесь употребляется как инструмент аргументации в выборе аналогов с опорой на знание о территории – например, «это не соответствует идентичности». Концепт в данном случае служит фильтром, позволяющим обосновать

решение, выбрать из множества опций то, что покажется наиболее подходящим.

Этап проектирования

На этапе разработки проекта архитектор находится в постоянном контакте с заказчиком, регулярно обсуждая и согласуя решения. При этом важно, чтобы «в проекте все (коллеги) были довольны, выпавшиеся, чтобы проект не утонул из-за нашего негатива к нему» (Ж., д.), чтобы сами архитекторы могли реализовать собственный интерес.

Проведенный предпроектный анализ и сформулированное видение – то основание, на которое опираются архитекторы при принятии проектных решений. Интересно, что все информанты отмечали приверженность такому аргументированному подходу, противопоставляя ему творческие «крупные красивые жесты».

Ж., д.: *Основа проекта – тактичный подход, в основном ориентированный на сохранение существующего. Это важно для моего комфорта – мне не хочется быть тщеславным, навязывать свои идеи, потому что я не уверен в гениальности своих идей. На более «деструктивные» крупные жесты я готов пойти, только если буду понимать, что идея гениальна и игра действительно стоит свеч.*

Одна из информанток, совмещающая работу в бюро с преподаванием, указывала, что обучает своих студентов именно этому: умению аргументировать, объяснять процесс принятия собственных решений, связывать проектное действие с аналитической и декларируемыми принципами.

Кс., п.: *Я не люблю творческие красивые жесты и решения, я могу их принять только как какую-то арт-манифестацию, что-то, чтобы привлечь внимание. А так к художественным жестам отрицательно отношусь – может быть, потому что я сама по жизни не супертворческий человек. Я за аргументацию, и в этом экспертность.*

Это противопоставление творчества и аргументации в ходе проектирования указывает на появление нового эпистемологического фундамента в архитектурной профессии, в том числе и под воздействием специфических условий труда в той конфигурации рынка, в котором современному бюро приходится работать.

А., д.: *У меня три цели работы с идентичностью: сплоченность сообщества, его вовлеченность, привязанность к среде, унификация среды, создание единого об-*

лика города, работа на бренд города – привлечь туристов, создать какой-то объединенный образ.

Концепт идентичности возникает здесь как речевое обозначение рамок, которые ставят себе в проектировании сотрудники бюро, чтобы принятое проектное решение было связано с аналитикой и видением. В постоянных переговорах с заказчиком, происходящих на этом этапе, концепт используется как целевая характеристика, на которую направлен проект, позволяющая отстоять свои решения. *«Этот элемент подчеркивает идентичность места»,* – говорит планировщик, защищая совершенный проектный выбор. С другой стороны, идентичность, как показано в цитате выше, риторически привлекает на сторону архитектора городское сообщество, интересы которого он в своих глазах представляет перед частным заказчиком.

Этап результатов

Бюро, в котором проводилось исследование, практически не занимается строительством, оно ограничивается концептуальной стадией проектирования, градостроительным консалтингом. Далее проект передается на реализацию застройщику или государственному подрядчику, и влияние на ход стройки возможно только в формате авторского надзора. Поэтому финальным выходным продуктом, за который ответственны архитекторы бюро, является не столько набор чертежей, сколько альбом, концептуально обосновывающий проектные решения. То, насколько убедительно и понятно они будут обоснованы, определяет их трансмиссию в реальность руками проектировщиков-преемников и строителей.

А., д.: Пятьдесят процентов успеха для архитектора – умение выстроить свою риторику, убедить заказчика, аргументировать свою позицию, что то, что ты сделала, это хорошо.

Г., а.: Мы занимаемся только концептуальной частью, про характер, идеологию проекта, атмосферу, наполнение. А техническую рабочую документацию разрабатывает уже техническая служба заказчика, но мы можем контролировать идейную и эстетическую части.

Альбом передается заказчику, и его решения демонстрируются в ходе короткой презентации, *«и ты ему презентуешь месяцы работы за 20 минут, и от этого зависит, примет он или не примет, заставит ли переделывать»* (А., д.).

Свойственное нашему времени разделение архитектурного рынка на компании, занимающиеся концептуальным проектированием, бюро-консалтеры, с одной стороны, и компании, занимающиеся непосредственно стройкой, – с другой, приводит к тому, что для архитекторов, работающих в бюро первого типа, выходным продуктом становится не реализованное здание или площадь, а нарратив, история. Этот факт налагает свой отпечаток на организацию рабочего процесса и представления о собственной деятельности среди архитекторов. Идентичность здесь становится одним из ярких и цепляющих наукообразных слов, убеждающих заказчика в том, что принятое решение продумано, грамотно аргументировано и оправданно. Можно предположить, что «академическое» происхождение этого термина позволяет риторически указать потребителю продукта на большую аналитическую работу, проделанную профессионалами для принятия выносимого на защиту проектного решения.

Этап публичности

После сдачи проекта заказчику его жизнь продолжается в публичной плоскости – он может демонстрироваться на различных форумах, экспертных круглых столах, занять место в составе портфолио компании на ее интернет-ресурсах: сайте или соцсетях. Проект, будучи интеллектуальной собственностью архитектурного бюро, используется им для решения множества задач. Во-первых, с целью маркетинга, чтобы найти себе новых партнеров и клиентов: для этой задачи важно риторически продемонстрировать уникальность собственной компетенции и новаторство решений. Во-вторых, чтобы подтвердить собственную экспертность, заслужить одобрение коллег по цеху на публичных площадках. Публичная демонстрация проекта дает бюро возможность также транслировать свои ценности профессиональному и городскому сообществу, убедить других архитекторов следовать идеям и подходам, которые в бюро считаются правильными, выслушать их критику.

В., п.: Ну вот потом [кто-то] начинает мне показывать какие-то решения, я начинаю рефлексировать, и он мне начинает что-нибудь встречное говорить, и я не понимаю, про что мы с ним говорим, мы даже не совсем понимаем друг друга иногда. Люди разные школы прошли. Нужен общий язык, общие понятия.

На этом этапе поиск общего языка для коммуникации с широкой общественностью становится главной задачей, которую решают проектировщики, в том числе используя концепт идентичности, очевидно ожидая, что слово будет считано правильно и укажет на качество и глубину стоящей за проектными решениями аналитической работы.

Этапы практики: предварительные выводы

На основании проведенного этнографического наблюдения и серии интервью можно скорректировать схему этапности производства проекта в архитектурном бюро. Этапы идут не последовательно, а во многом параллельно друг другу. На каждом этапе архитектурная практика сегодня представляет собой процесс непрерывной коммуникации между большим количеством акторов (рис. 4), которых схематично можно разделить на три группы: исполнители, заказчики и общество. Именно эта коммуникативная природа процесса проектирования делает столь важным внимание к концептам и терминам, которые употребляются в речи акторов.

Ценности архитектора: моральный выбор в стесненных условиях

Описанные выше этапы должны согласовываться с теми профессиональными ценностями, которые сами архитекторы обозначают в интервью. «Как мне поступить правильно, чтобы считать себя хорошим профессионалом?» – на этот вопрос архитекторы вынуждены отвечать сами себе, чтобы чувствовать себя достойными специалистами. Что это за ценности?

1. Создание общественного блага. Отстаивание интересов горожан, а не только заказчика. Люди должны быть довольны, должны любить проект. Мир должен становиться лучше (или, по крайней мере, не хуже). «Я очень боюсь сделать что-то в своей жизни, что сделает город хуже, навредит» (К., а.).

2. Уважение наследия. В условиях, когда необходим быстрый анализ и отсутствует возможность непосредственно выяснить запросы горожан, именно это, по всей видимости, является тем базовым общественным благом, к которому архитекторы стараются апеллировать в своих проектах: дискурс наследия красной нитью проходит через все интервью. Архитектор

или выявляет объекты, достойные этого статуса, и сохраняет их в своем проекте, или ищет способ обойтись деликатно с тем, что уже существует, или предлагает новое наследие, глядя на свою постройку глазами будущих поколений.

Г., а.: *Хороший дом не устаревает, он будет актуален и через 50 лет. Поэтому важно делать его не слишком сложным. Дом, который человеку будет интуитивно понятен, в нем будет все, к чему он привык и что через 100 лет будет актуально. Чем больше ты налепишь, тем больше потом будет к этому вопросов.*

3. Моральная ответственность архитектора. Опора на личные ценности и принципы, а не слепое выполнение воли заказчика.

Г., а.: *Профессионализм – это про принципы. Не исполнение слепой воли заказчика, а реализация своего видения. Не только квадратные метры, но и общественное благо для всех горожан.*

А., д.: *Хороший проект строится на ценностях, убеждениях, которые архитектор для себя определяет.*

4. Аккуратность и аргументация. Любое решение должно быть риторически обосновано и опираться на аналитику, рефлекссию. Не слепой творческий жест или заимствование, а результат сложного процесса принятия решений, который ты можешь объяснить.

К., а.: *Навредить – это, имея большие амбиции, поставить что-то, что будет всех раздражать. Мне хочется аккуратно подходить к месту: лучше не дожать, чем пережать.*

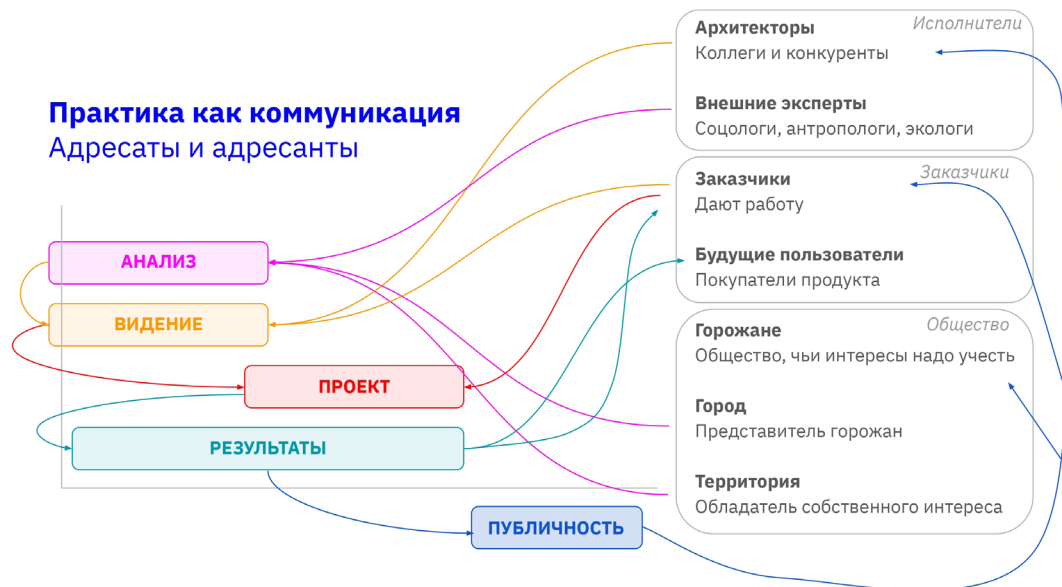
5. Уникальность. «То, что мы создаем, должно обладать некоторой неповторимостью и ценностью. То есть то, что ты создаешь, не может случиться в другом месте» (В., п.). Копирование, унификация и слепые заимствования недопустимы, проект должен быть связан с территорией.

К., а.: *Хороший проект – это для меня в первую очередь хороший контекстуальный проект, это проект, который может случиться только на этом месте, больше нигде, и его нельзя в другую какую-то территорию приложить, и так как бы для меня это вот критерий качества главный, это уникальность.*

Однако эти критерии профессионализма в действительности, как описывают мои информанты, зачастую сталкиваются с внешними обстоятельствами: условиями труда, в которых реализация этих ценностей в полной мере становится недостижимой. Сжатые сроки, регулярные перера-

Рис. 4. Схема процесса производства в архитектурном бюро как коммуникации, на основании этнографических данных
 Источник: составлено автором.

ботки, конкурентный рынок – все это оказывает значительное давление на проектировщика. Кроме того, архитекторов заставляет переживать кажущаяся потеря эксклюзивного доступа к знанию: «Люди сейчас прошаренные, каждый второй считает себя урбанистом» (Ж., д.). В этих условиях более актуальным становится не вопрос морального выбора, а вопрос оправдания, или легитимации: «Как мне убедить себя и окружающих в том, что я хороший профессионал?» И именно здесь на помощь приходит концепт «идентичности».

Место идентичности

Несмотря на то что идентичность указывается в проектных альбомах бюро как один из ключевых принципов, в интервью сам концепт всплывает нечасто. В одном из альбомов идентичность как принцип сопровождается следующим пояснением: «Мы хотим жить в разнообразии и ищем уникальное. Если его нет – мы пытаемся его создать. Потребность в отождествлении места с его специфическими характеристиками – неотъемлемое требование к качественной городской среде. Выявить специфические аномалии, особенности местности, которые можно развить и проявить в проекте. Привнести в проект новые элементы, которые смогут стать символом современного и будущего территории. Дать проекту имя». В этой цитате прослеживается вся та семантика, что была собрана в ходе анализа дискурса: и метание между эссенциализмом и конструктивизмом, и элементы психологического

и маркетингового дискурсов, и параметризация. Тем не менее в интервью архитекторы определяют идентичность несколько иначе.

1. Это способ познать пространство и совершить выбор. Это фильтр и аналитическая категория, которая помогает принять решение, выбрать из множества готовых вариантов подходящий.

В., п.: Мне кажется, проектирование близко в целом к процессу самопознания, и мы просто дальше продолжаем, работая со средой, тоже отделять, что вот это не является тем-то, поэтому это – то, как идентичность, которую формирует ребенок.

2. Это способ обосновать выбор. Линия аргументации, убеждение заказчика в том, что принятое решение хорошо и оправданно.

Ж., д.: При работе с территорией, где много наслоений, тебе нужно выбрать тот слой, с которым ты хочешь заигрывать, принять волевое решение и обосновать его через идентичность. Иногда территория может не обладать самобытностью, и тогда ты обращаешься к истории места.

3. Способ понравиться людям, обеспечить принятие проекта сообществом. Сделать то, что будет присвоено горожанами, не навредит, а полюбится.

К., а.: Идентичность – это про любовь, про присвоение. Мне хочется сделать что-то такое, что люди захотели бы присвоить, создать, например запоминающийся силуэт, на который люди будут смотреть с другого берега реки и думать: так, это мой дом, это место, в котором я живу! И будут любить его.

4. Способ привнести в территорию добавленную стоимость. Через конструирование ее уникальности, брендинг.

К., п.: Идентичность в районировании проекта. Районы должны быть разнообразны, свой характер иметь, исходя из личного видения ли, или из ландшафта. Идентичность – это потенциал участка, синергия того, что ты предлагаешь. Ты посмотрел, ты понял, принял решение и аргументировал.

5. Фикция, упрощение, призванное скрыть непрофессионализм или компенсировать нехватку времени на качественный анализ.

Ж., д.: Идентичность заставляет меня обливаться холодным потом, сейчас ее часто используют как фикцию, сводя все к логотипу и примитивному материалу. Люди рассказывают о своем проекте, начиная с анализа, и говорят, что увидели это и это и сделали вот то: закодировали что-то в цвет, сделали какое-то заимствование. Это часто очень упрощается, но я не могу осуждать за это людей, потому что на глубокое погружение иногда нет времени, и невозможно глубоко отразиться анализ и придумать что-то новое.

Очевидно, что концепт идентичности используется по-разному в коммуникации между всеми группами акторов, обозначенных на рис. 3, – и с коллегами-исполнителями, и с заказчиками, и с обществом. Но почему все-таки он оказался таким востребованным?

Обсуждение: борьба за легитимацию архитекторов-урбанистов

Этнография работы архитектурной мастерской и реплики архитекторов о ценностях, условиях труда вместе с наблюдением за этапами производственного процесса позволяют сделать два главных вывода: 1) современный проектировщик находится в постоянной коммуникации, 2) в этой коммуникации большую роль занимает попытка справиться с тревогой от несоответствия ценностей и возможностей.

Таким образом, все указывает на то, что архитектурная сфера находится сегодня в состоянии борьбы за легитимацию профессии в связи с меняющимися условиями деятельности. Архитекторы переживают за свое будущее на рынке труда, им приходится оспаривать притязания других институций (в частности, девелоперских компаний) на авторитетное знание в области,

им приходится переизбирать KPI собственных экспертных навыков и причин оставаться полезными [Grubbauer, Steets, 2014]. В условиях, когда застройщик обладает набором профессионалов, необходимых для строительства объекта своими силами, когда любой человек без специального образования может освоить навыки черчения в компьютерных программах или скачать готовый проект в общедоступной базе референсов, не говоря уже о надвигающейся угрозе со стороны нейросетей, архитекторам необходимо заново объяснить себе, обществу и заказчикам, зачем они нужны.

Если рассматривать процесс проектирования как акт коммуникации, что было предложено выше, то концепт идентичности играет в этой коммуникации роль инструмента борьбы за легитимацию перед всеми участниками процесса: коллегами-исполнителями, заказчиком и городским сообществом.

Коммуникация с исполнителями

Для автолегитимации в диалоге внутри профессионального сообщества архитекторы нашли новый эпистемологический фундамент. Сомнение в своей гениальности, скромность, творческая неамбициозность и страх «ярких жестов» сочетаются с опорой на аналитику, аргументацию, обращение к научным материалам. Хороший проект научно обоснован и опирается на тома предпроектного анализа, а не является художественным высказыванием. Использование концепта идентичности, пришедшего из социальных наук, позволяет не просто находить общий язык с внешней экспертизой (социологами и антропологами), но и самим чувствовать себя учеными, а не художниками.

Коммуникация с обществом

Во-вторых, архитекторы нашли новые причины быть полезными для общества в виде своеобразной роли адвокатов для горожан. Работая с частным застройщиком или с государственным заказчиком, архитектор-урбанист в своих глазах отстаивает интересы города и горожан, заботясь об общем благе и ограничивая ради него коммерческие притязания. Концепт идентичности позволяет мобилизовать дискурс наследия, который понимается как безусловное благо для горожан. С другой стороны, психологические корни концепта дают планировщику возможность полагать,

что он создает продукт, который будет принят сообществом и полюбится ему в случае, если в проекте будет использована идентичность, – и убедить потребителя в этом в ходе (заочной) коммуникации.

В условиях, когда невозможно полностью сохранить соответствие проекта ценностям в заданных условиях рынка, использование концепта идентичности позволяет соблюсти принцип минимизации ущерба: быть достаточно аккуратным, чтобы не вызвать гнев грозозащитного сообщества. Без возможности провести полноценное антропологическое исследование в сжатые сроки и считать запросы населения именно концепт идентичности выступает заменой, предоставляя язык, на котором территория города говорит с архитектором, транслируя запросы горожан в виде пространственных параметров.

Коммуникация с заказчиком

В-третьих, для профессионального заказчика архитектор оказывается полезным в роли «обогапителя территории». Французский социолог Люк Болтански в книге «Обогащение» указывал, что современный капитализм при массовом производстве наделяет ценностью вещи через представление их уникальными с помощью нарративов [Boltanski, Esquerre, 2020]. То же самое делает и архитектор с территориями проектирования и самими архитектурными проектами – он рассказывает истории, делая каждый объект, каждое место особенным и тем самым повышая его конкурентоспособность на рынке. Концепт идентичности в этой коммуникации выступает инструментом обогащения территории, символического наделяния участка проектирования и самого продукта уникальными свойствами. Таким образом архитектор доказывает застройщику свою полезность.

Концепт идентичности в архитектуре: преодолевая профессиональную аномию

Таким образом, мы видим, что концепт идентичности представляет собой набор эпистемологических, проектных и дискурсивных практик, используемый архитекторами с целью сделать свою работу значимой для себя, общества, в котором они живут, и заказчиков, которые ее оплачивают, в специфических политических, экономических и социальных условиях современности. Главная функция и причина

такой популярности концепта в том, что он идеально закрывает те потребности в профессиональной легитимации, которые составляют модус бытия архитектурного бюро вроде того, что было описано выше.

Концепт идентичности отлично ложится на новый эпистемологический фундамент профессии, являясь одновременно наукообразной аргументацией проектных решений и связующим звеном между аналитикой, выбранными референсами и самим проектом. С помощью концепта идентичности архитекторы реализуют свою потребность в создании общественного блага. Не имея возможности непосредственно обратиться к горожанам, архитекторы снимают их запрос, исследуя характеристики территории. Идентичность в своем эссенциалистском значении выступает своеобразным языком, на котором территория города говорит с архитекторами, транслируя запросы горожан в измеримых параметрах. На этом же языке архитектор отвечает горожанам в своем проекте, как бы реализуя их запрос на сохранение, подчеркивание ценных качеств территории. Психологические «дискурсивные хвосты» концепта помогают архитектору убедить пользователя в том, что проект создан для него, чтобы тот его принял, присвоил и полюбил.

Именно концепт идентичности в своем конструктивистском значении является тем инструментом привнесения уникальности в участок проектирования, той самой особенной историей, которую рассказывают архитекторы застройщику, создавая успешный маркетинговый образ и обогащая проект. Этот навык сторителлинга – то, что отличает архитектора-консалтера от строителя технической службы застройщика.

Наконец, потенциал идентичности для параметризации проектов и связь концепта с дискурсом наследия позволяют архитектору гарантировать минимальное соблюдение собственных критериев профессионализма в условиях сжатого времени и ограниченных ресурсов, преодолевая, таким образом, профессиональную аномию. Сегодня сохранение наследия в городах воспринимается архитекторами как наиболее очевидная ценность для горожан. Поэтому даже небольшая отсылка к этому дискурсивному полю, подтверждение на уровне воспроизводимых визуальных параметров и риторики ценности исторической ткани города или территории – та самая аккуратность, минимально необходимая гарантия работы проекта на общее благо, столь необходи-

мая архитектору для легитимации собственной профессиональной реальности в сжатых рыночных условиях.

Концепт идентичности пришел в архитектурную теорию и практику из психологии и социальных наук, вобрав в себя также семантику дискурсов наследия и маркетинга, и сохранил изначальную двойственность между эссенциалистскими и конструктивистскими значениями. Из приведенного выше этнографического исследования становится понятна причина популярности концепта у архитекторов – он используется ими в качестве инструмента легитимации профессии перед заказчиком, обществом и для самих себя в условиях экономических, технологических и социальных перемен. На практике концепт идентичности определяется как набор параметров, которые архитектор может считать в территории проектирования и воспроизвести в проекте или которые он может сознательно заложить в проект с целью сделать территорию проектирования уникальной. В таких условиях популярность использования концепта идентичности является результатом необходимости преодолевать профессиональную аномию, гарантируя хотя бы минимальное соблюдение критериев профессионализма в стесненных условиях неолиберального рынка, в которых процесс проектирования превратился в процесс постоянной коммуникации и оспаривания экспертной компетентности со стороны множества акторов городской жизни. В таких условиях множественность значений концепта – не изъян, а его преимущество, поскольку позволяет использующему его архитектору вести коммуникацию с различными участниками городской политики и везде оставаться понятным так, как это нужно говорящему для его профессиональной легитимации среди этих различных групп.

Источники

- Брубейкер Р., Купер Ф. (2002) За пределами «идентичности»// *Ab Imperio*. № 3. С. 61–115.
- Драгунская Л.С. (2016) Идентичность: попытка уточнения термина// *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. Т. 3. № 1.
- Курбатов Ю.И. (2017) Как реализовать «стиль Петербурга» при проектировании// *Вестник гражданских инженеров*. Т. 65. № 6. С. 369–371.
- Лебедев А. (2022) Дизайн-код Териберки// *artlebedev.ru*. Режим доступа: <https://www.artlebedev.ru/teriberka/design-code/> (дата обращения: ???.???.????).
- Муравьева О.И., Литвина С.А., Богомаз С.А. (2015) Средняя идентичность: содержание понятия// *Сибирский психологический журнал*. № 58. С. 136–148.
- Самошкина И.С. (2008) Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования// *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. № 3. С. 43–53.
- Boltanski L., Esquerre A. (2020) *Enrichment: A Critique of Commodities*. L.: Polity Press.
- Borushkina S., Gorodnichev A. (2023) From Genplan to Master Plan: The Changing Urban Planning Paradigm in Russia// *Territory, Politics, Governance*. P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/21622671.2023.2215817>.

- Grubbauer M., Steets S. (2014). *The Making of Architects: Knowledge Production and Legitimation in Education and Professional Practice*// *Architectural Theory Review*. Vol. 19. № 1. P. 4–9.
- Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. (1983). *Place-identity: Physical world socialization of the self*// *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 3. № 1. P. 57–83.
- Urry J., Larsen J. (2011). *The Tourist Gaze 3.0*. L.: SAGE Publications Ltd.

THE CONCEPT OF IDENTITY AS A TOOL FOR PROFESSIONAL LEGITIMATION IN ARCHITECTURAL AND URBAN PLANNING PRACTICE: A ONE COMPANY ETHNOGRAPHY

Gavriil N. Malyshev, architect, MLA+SPB LLC, 12 Birzhevaya Line, St. Petersburg 199034, Russian Federation; master student, Department of Anthropology, European University at Saint Petersburg (EUSP), 6/1A Gagarinskaya Street, St. Petersburg 191187, Russian Federation.
E-mail: i@gavrmalyshev.ru

Based on an ethnographic analysis of an architectural and urban planning company in St. Petersburg, this article examines the use of the concept of "identity" in the practice of architects and urban planners. In recent years, the concept of identity has become an important element of Russian architectural and urban discourse. It is present in research, project portfolios, and official urban planning documents, influencing the policies and practices of city planning. However, despite its popularity and influence, this concept is strikingly ambiguous: it can refer to a citizen's sense of belonging, the collective image of a city, the contextuality and traditionality of a building, or, conversely, its uniqueness and originality. For an architect, "identity" can be created, revealed, or preserved. Why, despite this, does it remain in such high demand, and what does it actually mean? How and for what purposes is it used? This article answers these questions using anthropological methods and considering the design process as a form of communication in which the concept of "identity" has its own pragmatics of use.

Keywords: anthropology of profession; linguistic anthropology; anthropology of architecture; identity; urbanism

Citation: Malyshev G.N. (2024) The Concept of Identity in Contemporary Russian Architectural and Urban Planning Practice as a Tool for Professional Legitimation: An Ethnography of One Bureau *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp.40-53. DOI:<https://doi.org/10.17323/usp94202440-53> (in Russian)

References

- Boltanski L., Esquerre A. (2020) *Enrichment: A Critique of Commodities*. London: Polity Press.
- Borushkina S., Gorodnichev A. (2023) From Genplan to Master Plan: The Changing Urban Planning Paradigm in Russia. *Territory, Politics, Governance*, pp. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1080/21622671.2023.2215817>.
- Brubeiker R., Kuper F. (2002) *Za predelami "identichnosti"* [Beyond "Identity"]. *Ab Imperio*, no 3, pp. 61-115 (in Russian).
- Dragunskaya L.S. (2016) *Identichnost': popytka utochneniya termina* [Identity: An Attempt to Clarify the Term]. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie"*, vol. 3, no 1. (in Russian)
- Grubbauer M., Steets S. (2014) The Making of Architects: Knowledge Production and Legitimation in Education and Professional Practice. *Architectural Theory Review*, vol. 19, no 1, pp. 4-9.
- Kurbatov Yu.I. (2017) *Kak realizovat' "stil' Peterburga" pri proektirovanii* [How to Implement the "Style of Petersburg" in Design]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, vol. 65, no 6, pp. 369-371. (in Russian)

- Lebedev A. (2022) *Dizain-kod Teriberki* [Design Code of Teriberka]. Available at: <https://www.artlebedev.ru/teriberka/design-code/>. (in Russian)
- Murav'eva O.I., Litvina S.A., Bogomaz S.A. (2015) *Sredovaya identichnost': sodержanie ponyatiya* [Environmental Identity: Content of the Concept]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, no 58, pp. 136-148. (in Russian)
- Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. (1983) *Place-identity: Physical World Socialization of the Self*. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 3, no 1, pp. 57-83.
- Samoshkina I.S. (2008) *Territorial'naya identichnost' kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya* [Territorial Identity as a Subject of Socio-Psychological Research]. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie"*, no 3, pp. 43-53. (in Russian)
- Urry J., Larsen J. (2011) *The Tourist Gaze 3.0*. London: SAGE Publications Ltd.

«Созидательный конфликт» или «подвешенность»: темная сторона профессиональной дискommunikации в архитектурно-строительной деятельности

Владимир Ротбергер

В чем суть?

Эта работа – часть диссертации, посвященной исследованию процессов дискommunikации в архитектурно-строительной деятельности, которую я пишу, обучаясь в магистратуре «Концептуальная урбанистика» в Тюменском государственном университете. Она автоэтнографична – по своей первой и основной профессии я архитектор и собрал материал для этой статьи, осуществляя архитектурный надзор на одном из строительных объектов. Из арсенала методов, используемых в городских исследованиях, я предпочитаю опираться прежде всего на методы социальной антропологии.

Первым побудительным мотивом обращения к указанной теме был относительный дефицит исследований в области профессиональной антропологии архитектуры и строительства. Мне бы хотелось как антропологу этнографически описать закрытую для посторонних профессиональную среду, хорошо известную мне как архитектору. Я намереваюсь сделать это через столкновение двух взаимосвязанных подразделений этого мира: мира «офиса», то есть архитектурной и ор-

Ротбергер Владимир Дмитриевич, архитектор, магистрант программы «Концептуальная урбанистика», Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (ТюмГУ); Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. E-mail: captainvova@inbox.ru

Антропология профессий, в том числе в сфере строительства и девелопмента, не получает заслуженного внимания со стороны отечественных исследователей. Архитектура и строительство – важная для города отрасль, где ключевым для антрополога становится вопрос: «Кто и как формирует наши города?». Данная работа, описывающая рабочее взаимодействие специалистов архитектурно-строительной индустрии, является приглашением к дальнейшему изучению этой малоисследованной профессиональной среды.

В статье представлен анализ автоэтнографического исследования процессов профессиональной дискommunikации в архитектурно-строительной деятельности на основе полевого материала, собранного в процессе осуществления архитектурного надзора на одной из строек города Тюмени. На примере строительства мокапа – полноразмерного макета одного из фрагментов здания, – обсуждаются сбои в профессиональной коммуникации между архитекторами и строителями, создающие препятствия для достижения нужного результата. Описывая историю сложного профессионального процесса, автор переосмысляет характерный для антропологии архитектурной и строительной профессий сюжет преодолевающего конфликта «созидательного сотворчества», делая особый акцент на «темной стороне» профессиональной дискommunikации.

В работе исследуются эмоциональные аспекты профессиональной деятельности архитектора: ожидание восприятия и оценки его труда, сложности коммуникации между специалистами разных профессиональных сфер. Особое внимание уделяется феномену «подвешенности» – эмоциональному переживанию незавершенности проекта и неопределенности его перспектив. Анализируются причины возникновения этого состояния через призму различающихся профессиональных сценариев и экономических мотиваций участников строительного процесса, а также присущего отрасли культуры профессионального конфликта.

Ключевые слова: дискommunikация; недопонимание; архитектор; строитель; проект; мокап; антропология

ганизационной работы, подготавливающей проекты сооружений, и мира строителей, воплощающих эти проекты в материальное. Все описанные в тексте процессы происходят одновременно и в быстром темпе, не могут быть сведены к раз и навсегда прописанным протоколам индустриального производства, требуют учета постоянно меняющихся условий и постоянных творческих решений. Процессы коммуникации (а следовательно, и дискоммуникации) являются ключевым фактором успеха дела.

«Созидательный конфликт» в антропологии профессий

Моя работа относится к области антропологии профессий (occupational anthropology). Приступая к очерку наиболее важных для этой работы идей моих предшественников, поделюсь несколькими контринтуитивными наблюдениями. Несмотря на фундаментальную роль архитектуры и строительства для современной экономики, профессиональные процессы, происходящие в этих отраслях, стали объектом антропологических исследований относительно недавно, в 1970–1990-х годах, и количество таких исследований до сих пор остается ограниченным. Вероятно, это связано с закрытостью этого поля: авторы первых классических трудов по антропологии строительства и архитектуры имели практический опыт в этих отраслях, то есть стали антропологами, сначала поработав строителями и архитекторами.

В какой-то степени я также пытаюсь повторить этот путь.

Назовем несколько наиболее показательных книг. Основополагающим трудом по антропологии строительной индустрии является книга Герберта Эппельбаума «Королевский Синий: Культура строителей (примеры культурной антропологии)» [Applebaum, 1981]. Эппельбаум, работавший директором крупной строительной фирмы, описал устройство индустрии «изнутри», с точки зрения профессиональной «культуры» строителей, отличающей поведение профессиональных строителей от представителей других профессий. Его книга, открывавшаяся впечатляющим описанием коллективной работы всей строительной площадки над заливкой бетонного основания индустриального объекта, была гимном во славу способности представителей этой отрасли к сотрудничеству.

Первым трудом, посвященным антропологии архитекторов, является сборник под редакцией Рассела Эллис и Даны Кафф [Ellis, Cuff, 1989]. В отличие от Эппельбаума, говорившего о «культуре» строителей, Эллис и Кафф использовали другую хорошо известную антропологическую метафору, предложив смотреть на архитекторов как на «племя», «воображающее себе идеальные миры зданий, в которых мы живем или могли жить» [Ellis, Cuff, 1989, p. 13]. Кафф впоследствии стала автором известной монографии, посвященной этнографическому описанию архитектурно-проектировочной отрасли, в частности, оставившаяся на социальных проблемах проектирования и особой способности архитекторов к компромиссу [Cuff, 1991].

Введенный мной термин «созидательный конфликт» в данном тексте будет служить одной из основных метафор. Это дискоммуникация, которая является естественной. Конфликт, который в процессе взаимодействия различных точек зрения разрешается в положительный результат.

Акцент на «открытии» закрытого для посторонних трудного поля и повышенное внимание на способностях представителей индустрии к продуктивному коллективному сотворчеству – центральные темы и других известных книг в этой области [Yaneva, 2009; Thiel, 2012; Yarrow, 2019]. Совершенно естественно, что авторы этих книг любят свое малоизвестное поле и предпочитают обращать внимание на наиболее светлые стороны профессиональной реальности. «Созидательный конфликт» воспринимается ими как естественная часть работы,

---

Цитирование: Ротбергер В. Д. (2024) «Созидательный конфликт» или «подвешенность»: темная сторона профессиональной дискоммуникации в архитектурно-строительной деятельности // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 54–63. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202454-63>

которая обычно заканчивается профессиональным триумфом. Но чего не позволяет увидеть такая оптика? Всегда ли профессиональная коммуникация «полезна»? Можно ли усомниться в характерном для антропологии профессий пафосе преодолевающего конфликта «созидательного сотворчества»?

Темная сторона профессиональной коммуникации

Даже в повседневной жизни, общаясь с людьми, мы можем их не понимать. Каждый человек уникален и мыслит по-своему, приходится долго приравниваться друг к другу или отыскивать общие интересы, проявляя немало вежливости и такта. Не будем лукавить: то, что справедливо для повседневности, справедливо и для профессиональной сферы. Недопонимание является ключевым процессом взаимодействия внутри каждой профессиональной структуры. Выше я упоминал о свойственном для этнографических описаний профессиональной сферы пафосе «созидательного конфликта». Но всегда ли этот конфликт «конструктивен», всегда ли эта диалектика противоположностей разрешается в созидательном синтезе?

Дискоммуникация – это предмет продолжительных дискуссий в социолингвистике. Пионерным трудом в этой области стал сборник под редакцией Николаса Коупленда, Говарда Джайлса и Джона Виманна [Coupland, Giles and Wiemann, 1991]. Издатели тома призывали отказаться от упрощенного восприятия дискоммуникации как «пошедшей не по правилам» или «неумелой» коммуникации, обращая внимание на то, что факт дискоммуникации всякий раз ставит перед наблюдателем вопросы о ее причинах и часто скрывает за собой особые стратегии влияния одного собеседника на другого [Coupland, Giles and Wiemann, 1991, p. 2]. Поэтому дискоммуникация – это «проблемный» (*problematic*) термин, всякий раз требующий описания социального контекста, в котором происходит. О проблемности дискоммуникации писали и другие авторы, например Пер Лайнел [Linell, 1995].

Меня интересует в первую очередь дискоммуникация в профессиональной сфере. В этом смысле важны работы Марии Стаббе, которая обсуждала разнообразие взглядов на дискоммуникацию в профессиональной сфере в сборнике под редакцией Бернадетт Вайн [Stubbe, 2018]. По ее мнению, профессиональная дискоммуникация дорого стоит, поскольку «...на любом рабочем месте даже незначительное недоразумение неизбежно сопряжено с определенными издержками». Она считала, что чаще всего дискоммуникация описывается упрощенно, как неспособность донести определенное сообщение [Stubbe, 2018, p. 258]. Описывая разнообразие исследовательских подходов к профессиональной дискоммуникации, Стаббе замечала, что, хотя ключом к пониманию причин дискоммуникации может быть этнографическое «насы-

щенное описание» дискоммуникативных взаимодействий и контекстов [Stubbe, 2018, p. 262], немногие из практически вовлеченных в эти процессы людей могут позволить себе глубокое изучение хотя бы одного небольшого «среза» дискоммуникативной ситуации [Stubbe, 2018, p. 263]. Чтобы помочь практикам, решающим такие проблемы, Стаббе разработала рабочую модель анализа дискоммуникативных ситуаций, построенную на большом количестве наблюдений и этнографических данных [Stubbe, 2010]. Такая рабочая модель предполагает признание проблемы рабочей дискоммуникации, описание ее контекста и значения, выбор подходящих коммуникативных стратегий для решения этих проблем в динамической среде продолжающегося взаимодействия [Stubbe, 2018, p. 267].

Пример практического применения этого метода – это кейсы, рассматриваемые в работе «Власть и вежливость на рабочем месте» [Holmes, Stubbe, 2015], написанной Стаббе в соавторстве с Джанет Холмс. Эти авторы называют три фактора, порождающие проблемы в профессиональном общении, – власть, вежливость и контекст. Речь идет о том, 1) на каких позициях находятся участники общения, 2) в каком стиле общаются между собой, 3) в зависимости от каких «запускающих» факторов начинается конфликт. С этой точки зрения дискоммуникация выступает «естественным» продуктом сложности, неизбежным следствием и важной составляющей богатства и эффективности человеческого взаимодействия. Люди создают и умело используют сложные хитросплетения власти и вежливости, чтобы решать дискоммуникативные ситуации, возникающие в работе.

Современного подхода к дискоммуникации придерживаются и авторы статьи «Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты» [Волкова, Панченко, Пригарина, 2023]. «Они рассматривают коммуникацию и дискоммуникацию не как противопоставленные друг другу отдельные категории, а как цельный конструкт, внутри которого сосуществуют различные ипостаси одного и того же явления – собственно коммуникации...» [Волкова, Панченко, Пригарина, 2023, с. 140].

Второй главной метафорой данного текста будет «темная сторона профессиональной дискоммуникации». В предыдущем разделе была обозначена метафора естественного недопонимания, которая приводит к положительному результату, – это созидательный конфликт. В своей сути это светлая сторона. Темная сторона дискоммуникации – это серьезные проблемы, которые затрудняют либо уничтожают возможные варианты решения конфликтов. Это может быть потеря личного общения между людьми, финансовый ущерб, просрочка временных задач, денежные штрафы, увольнения и иные проблемы, которые скажутся на профессиональной активности. В данном случае недопонимание усугубляет созидание и оставляет только конфликт.

Итак, с точки зрения коллег-социолингвистов, дискоммуникация в профессиональной сфере опи-

сывается как проблемный, то есть обладающий сложным, зависящим от контекста смыслом и содержанием, процесс. Несмотря на то что дискommуникация в профессиональной сфере может быть опасной и иметь темную сторону, у практиков, вовлеченных в решение повседневных задач, зачастую нет ресурсов, чтобы разбираться в ее причинах. Ключом к созданию работающих методов решения опасной дискommуникации является «насыщенное описание» дискommункативных ситуаций. Именно поэтому этот текст посвящен неудобной стороне профессиональной дискommуникации, мелочам, влекущим за собой проблемы.

Методы

Исследовательский метод микроанализа рабочих взаимодействий, используемый Стаббе, как и перечисленные ниже примеры исследований моих коллег из антропологии профессий, в своих истоках восходит к этнометодологической традиции [Гарфинкель, 2007]. Моя позиция включенного наблюдателя за рабочими процессами «машины» архитектурно-строительной индустрии позволяет мне выявить механизмы повседневного профессионального взаимодействия, дает возможность описать «внутреннюю кухню» архитектурной профессии и подвергнуть ее антропологическому анализу.

Как было сказано выше, мои предшественники, исследователи, работавшие в области антропологии строительной и архитектурной профессии, осуществлявшие включенное наблюдение на уровне микроанализа рабочих взаимодействий, предпочитали видеть в нем позитивные аспекты «коллективного сотворчества».

Герберт Эппельбаум, описывая обычный день строителей, в ходе которого осуществлялся процесс хорошо скоординированной заливки тысячи ярдов бетона, акцентировал внимание на рабочем напряжении, царившем в команде, и на последующем успешном разрешении этого напряжения, на удовлетворенности и гордости команды своими творческими результатами [Applebaum, 1981, p. 1–12].

Описывая отношения архитектора с клиентом, Дана Кафф в духе этнометодологической традиции обращала внимание на дискурсивные тонкости этого взаимодействия, отмечая, что обсуждения будущего проекта, в ходе которых архитектор, демонстрируя собственные компетенции, убеждает заказчика в своем видении, являются «импровизацией, чем-то вроде джаза» [Cuff, 1991, p. 185].

Синтез социолингвистического и антропологического подхода демонстрировал Кит Мерфи, исследовавший процессы обсуждения проектов в американском архитектурном бюро. «Вставные сценки» (*embedded skits*) Мерфи – это описания характерных для моей профессии рабочих моментов, в ходе которых взвешиваются все за и против любого архитектурного решения, демонстрируются потенциальные последствия тех или иных решений,

набрасываются эскизы, задаются уточняющие вопросы и т.д. [Murphy, 2011, p. 243–253].

Для моей работы важен подход Тревор Маршана, антрополога, известного исследованиями традиционного строительства и ремесла. Как и Мерфи, писавший о соединении в архитектурном сотворчестве телесной и дискурсивной составляющей, Маршан прибегал к лингвистическим метафорам, когда говорил об «общих высказываниях» (*shared utterances*) и «общих действиях» ремесленников, обучающих друг друга мастерству, при которых обе стороны как бы достраивают общий контекст, состоящий не только из общего вокабуляра, но и из общей материальности. Одна только речь (или текст, дискурс) не способна описать всю глубину ремесленного знания, поэтому ремесленник, объясняя ученику последовательность необходимых операций, соединяет речь с действием [Marchand, 2010].

Практиками коллективного творческого взаимодействия занималась и Альбена Янева в своем исследовании архитектурного бюро ОМА в Роттердаме [Yaneva, 2009]. Описывая внутреннюю материальность бюро, от входной двери до макетов архитектурных объектов, Янева замечала, как эта материальность в конечном счете определяет практики общения архитектурных специалистов. Особый интерес представляет ее анализ архитектурного макетирования, принятый в ОМА [Yaneva, 2009, p. 47]. Один из разделов книги Томаса Ярроу посвящен характерному для архитекторов «мышлению рисунками» [Yarrow, 2019, p. 136]. Порой трудно донести до коллег, что ты имеешь в виду, словами. Приходится объяснять при помощи рисунков.

В поле моего исследования входило два места, которые постоянно взаимодействуют: архитектурное бюро «А» и стройка будущего здания. Архитектурное бюро – это место, где я работаю архитектором и курирую один из реализуемых объектов. Второе место – это строительная площадка проекта, которая попала под мой авторский надзор. Говоря профессиональным сленгом, «веду этот проект».

Помимо этнометодологического подхода, описанного выше, я активно использовал метод включенного наблюдения. Я был постоянным участником сложных процессов. Метод моего исследования заключался в постоянной коммуникации с коллегами по офису и стройке. Основное внимание уделялось строительной площадке. Осуществляя авторский надзор, я взаимодействовал с рабочими. Коммуникация осуществлялась как при личном общении, так и посредством телефонной связи и электронной переписки. Все наблюдения систематически фиксировались в полевом дневнике, где помимо описания конкретных ситуаций содержались профессиональные рефлексии и личные комментарии. Документальной основой исследования служила обширная фотофиксация обсуждаемых технических вопросов и принятых решений. Еще одним источником дан-

ных выступали материалы деловой переписки, из которой извлекались значимые цитаты с соответствующими временными маркерами.

Все рабочие коммуникации, происходившие в пространстве проектного офиса, находили отражение в полевом дневнике исследования. Для углубленного понимания ситуации были проведены серии интервью с представителями архитектурного бюро «А» и участниками строительного процесса. Собранный материал позволил точнее определить проблемное поле исследования и сформулировать его ключевые аспекты.

В отличие от предшествующих авторов, мое исследование призвано обратить внимание на «непродуктивную» сторону коллективности принятия решений в архитектурно-строительной деятельности, сконцентрироваться на этнографическом описании наблюдаемых в моей практике эффектах коммуникации, которым редко уделяется внимание в антропологии профессий. Я бы хотел описать на полевом материале стандартную ситуацию возникновения дискоммуникации, а также ее причины с точки зрения вовлеченных сторон – архитектора и строителя. В этом тексте я говорю прежде всего о том, что видит архитектор. Мне бы хотелось обратить особое внимание на эмоционально-вовлеченную сторону ситуации дискоммуникации, описать характерный момент «подвешенности», в котором часто оказывается архитектор.

Осмотр МОСКУР

Рассмотрим пример коммуникации, с которым я столкнулся, осуществляя один из проектов архитектурного бюро «А». В данном случае ради достижения нужного результата понадобился продолжительный диалог, постоянно прерывавшийся ситуациями дискоммуникации. Все полевые материалы были собраны мной в течение 2024 года в ходе осуществления авторского надзора на одной из строек г. Тюмени; речь информантов, в том числе и мои собственные реплики, подававшиеся в ходе этой коммуникации или записывавшиеся в полевой дневник, цитируются по записям интервью и тексту полевого дневника [ПМА – полевые материалы автора], выделены курсивом.

МОСКУР (ниже в тексте – *мокап*) – полноразмерный макет фрагмента будущего здания, созданный из тех же самых материалов, которые были прописаны в проекте. Здания проектируются на компьютере, однако «понять» материальность можно только вживую. В виртуальном мире архитектор не может потрогать материал, вполне осознать его свойства и поведение. Поэтому нужны эксперименты, позволяющие увидеть, каким может оказаться конечный результат стройки. Для этого приходится монтировать мокап – сложный и уникальный архитектурный элемент, позволяющий избежать ошибок и реализовать задуманное так, как нужно: красиво, практично и безопасно.

Архитектурное бюро сформировало задание для подрядной организации, которая занимается фасадами: сделайте мокап элемента. Бюро выдало подрядчику чертеж с указанными на нем узловыми соединениями, прописало материал, из которого нужно было изготовить изделие, его цвет и размеры. В основе мокапа фасадного элемента (цитируем вышеупомянутое задание) – ПВХ (просечно-вытяжной лист) ярко-желтого цвета с угловой рамкой по периметру кассеты.

При личной встрече архитектора с подрядчиком была определена конкретная модель ПВХ, уточнены размеры, показаны аналоги, казалось бы, учтены все ключевые моменты, относящиеся к тому, как должен выглядеть итоговый результат. Представители подрядной организации со всем согласились, сказали «мы попробуем», и стороны разошлись по своим делам. Так был запущен процесс творения.

Мокап №1. Был сделан образец и состоялась общая встреча на строительной площадке. В ней участвовали подрядная организация, начальник стройки и представители архитектурного бюро – ГИП (главный инженер проекта) и архитектор. Представители подрядной организации рассказывали, что у них получилось. Архитектор, то есть я, слушал и делал фотофиксацию образца. Зафиксировав все замечания, я дал свой краткий комментарий по поводу увиденного: цвет мокапа не соответствует заданию, модель ПВХ не та, уголок рамки по периметру ПВХ сориентирован не на ту сторону, образец в целом выполнен криво и косо. Строители, конечно, возмутились, они, очевидно, были довольны своим результатом. Но для меня он не соответствовал архитектурной концепции. Их аргументы были абсолютно противоположными: *«В цвет попали, модель ПВХ чуть не та, поправим. Уголок повернем как надо. Кривовато, да, исправим»* [ПМА]. Однако с моей точки зрения, как архитектора, все выглядело ужасно, аргументы строителей никак не сглаживали впечатления от результата их работы. Мокап категорически не соответствовал проекту.

Если говорить о собственных чувствах, то данный образец, конечно, поверг меня в шок. Когда идешь на стройку, хочешь увидеть качественную и крутую работу, сделанную руками (опытными руками), так же кропотливо, как ты (архитектор) проектировал на компьютере, вкладывая все свои творческие и технические ресурсы в данный проект и в каждый архитектурный элемент. Увидев данный мокап, я расстроился. На стене висел не мокап, о котором все (идейные вдохновители объекта) мечтали, а дешевый, колхозный вариант, который никак не соответствовал тому, что надо.

Лично меня это событие напугало, ведь фасадный элемент представляет один из ключевых акцентов здания и безумно важен для данной архитектуры. А если они не смогут сделать ПВХ-кассету

Как пришли к созданию mock-up

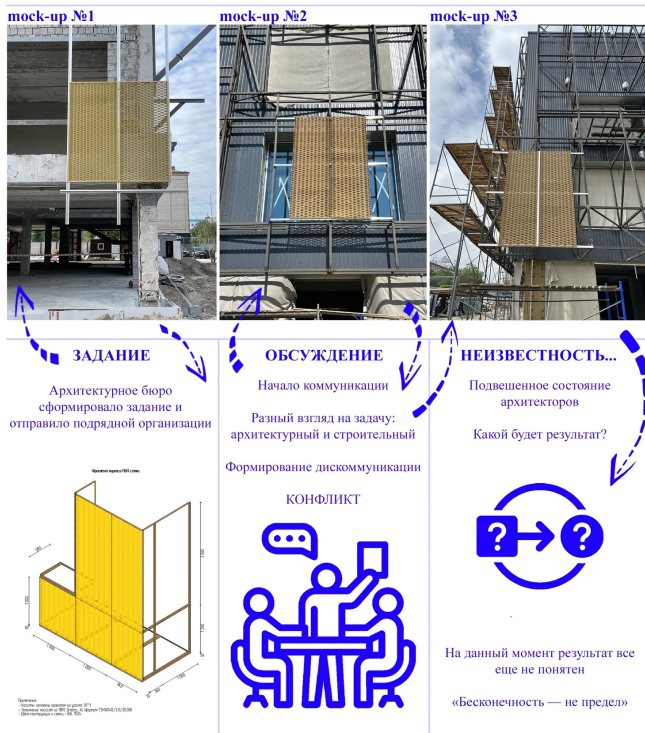

Рис. 1. Как происходил осмотр мокапа

Источник: полевые материалы автора.

«правильно»? По итогу получится тяп-ляп. Проект будет провален? Придется снова говорить всем «Задумка была классная, виноваты строители!» [ПМА; полевой дневник].

После похода на строительную площадку архитектор пообщался с главным архитектором проекта (ГАПом). Последний был возмущен результатом. Было принято решение, что архитектурное бюро «А» сформирует «акт осмотра мокапа» в виде чертежа и текстового описания для подрядной организации, указав в нем, что в реализованном образце не соответствует заданию. Фактически этот акт осмотра стал приговором мокапу №1, полным провалом макета.

Забегая вперед, стоит сказать, что сразу же начал проектироваться мокап №2. В промежутке между первым и вторым образцами мы обсуждали проект между собой и с нашими контрагентами. Задавались вопросы от подрядной организации, а бюро, соответственно, давало ответы. Обычно строители реагировали формально: «мы попробуем».

Мокап №2. Еще один выход на строительную площадку. Встреча на объекте на этот раз была скромной, в ней участвовали только архитектор

и начальник стройки. Посмотрели на образец, архитектор сфотографировал его с разных ракурсов. Далее начальник стройки рассказал об успехах и неудачах этого варианта: «Короче, б... (цензурное слово), в прошлый раз с главным архитектором и с тобой обсуждали расположение рамки. Сделать торец уголка на улицу. Но вот посередине двух кассет осталось пространство, как старались, придумывали, вот что получилось. Согласуй с главным архитектором. Если ок, то будем делать. (Если) нет, ну... будем думать» [ПМА].

После встречи я сделал следующую запись в полевом дневнике:

Второй вариант также не соответствовал тому, что было задумано. Снова сплошные косяки со стороны подрядчика. И почему подрядчиков не было на стройплощадке? Почему про их работу рассказывал начальник стройки?

Сложилось впечатление, что подрядная организация просто испугалась приходить на встречу. Повесили макет, отписались начальнику стройки: «Пусть идут смотреть». Правда, странно... А как же диалог и движение к общему результату? Наверное, они подумали, что получилось классно. Видимо, они дали свои пояснения начальнику стройки. Вот он и взял дело в свои руки. Объяснил, что и как. От себя скажу: мокап №2 выглядел также неудовлетворительно, как и первый вариант. Зато уголок рамки занял правильную ориентацию. Но даже этот плюс не мог скрасить всю картину [ПМА: полевой дневник].

Собрав информацию на строительной площадке по мокапу, я с некоторым испугом отправился в офис, чтобы дать обратную связь ГАПу. На вопрос, что будем делать дальше, главный архитектор ответил: «Пока оставь, я сам им позвоню...»

Снова забежим вперед, опишу то, что произошло между мокапами №2 и №3. При очередном посещении строительной площадки по другим вопросам удалось пообщаться с одним из подрядчиков. До этого я вообще не был в курсе того, на какой стадии находится процесс изготовления мокапа. Задал вопрос подрядчику: «Вы общались с ГАПом, что-то решили?» Он ответил мне: «Да общались, он позвонил, общался матами. Высказался, что не так. Я не знаю, ощущение, что ГАП враждебно настроен против нас» [ПМА].

Мокап №3. Звонок со стройки, сообщили о готовности новой версии. Я пошел на объект, чтобы посмотреть третий образец. На встрече снова были я как архитектор и начальник стройки. Все по уже привычному сценарию. Начальник стройки рассказал про образец. Я сделал фотофиксацию и обсудил мокап с начальником стройки. На самом деле уже был виден другой подход, что-то стало получаться. Геометрия вышла более правильной, все элементы имели нужную ориентацию. После выхода на строи-

тельную площадку вернулся в офис, созвонился с ГАПом. Он сказал: «Ужас. Лист ПВХ кривой, волнами, остальное вроде ок, я позвоню им» [ПМА]. По итогу я сделал следующую запись в полевом дневнике:

Третий поход на строительную площадку был максимально волнительным для меня. Ну наконец-то сделали? Или все так же плохо? По своим личным ощущениям, мокап №3 был гораздо лучше предыдущих. Я даже залез на строительные леса, чтобы максимально близко все рассмотреть. Вопросы остались, конечно, этот вариант тоже нельзя будет реализовывать в финальной облицовке фасадов здания. Но! Появилась надежда: неужели они приноровились? Интересно, а они чувствуют, что результат становится лучше? [ПМА: полевой дневник]

На этом этапе мне как архитектору захотелось изобразить процесс в виде картинки, чтобы ты, читатель, смог увидеть и «главного героя», и последовательность основных событий истории (рис. 1).

На момент написания этих строк нужный образец все еще не изготовлен, результат пока не достигнут. Будет ли четвертый мокап? Пятый? И т. д. Получится ли в общении архитекторов и подрядной организации прийти к нужному результату?

Почему это происходит?

Теперь попробуем посмотреть на описанный процесс с внешней, невовлеченной стороны. Почему случилась дискоммуникация? Почему так сложно достигнуть нужного результата? Наметим несколько факторов, которые явно повлияли на возникновение этой ситуации.

Разница стандартных профессиональных сценариев. Вернемся к работам Альбены Яневой [Yaneva, 2009] и Томаса Ярроу [Yarrow, 2019] и обратим внимание на то, как они описывают ситуацию рабочего общения архитекторов. Архитектор мыслит образом и идеей: в центре внимания Яневой непрерывный процесс изготовления архитектурных макетов из всего, что попадает под руку в бюро ОМА. В фокусе Томаса Яроу общение архитекторов завязано на рисунках и эскизах. Таким образом, в процессе обсуждения эскиза с коллегами вокруг архитектора, оперирующего макетами и эскизами, формируется уникальная профессиональная атмосфера [Stenslund, 2023]. В ходе долгих и муторных процессов рождается настоящая идея. Архитектор воспринимает весь проект как свое детище, которое должно получиться идеально красивым и практичным на уровне каждой своей детали.

Если мы вновь обратимся к выводам Герберта Эппельбаума [Applebaum, 1981] и Тревора Марша на [Marchand, 2010], то поймем, что для работы строителей характерен иной подход – сочетание ручного труда и обучения на опыте. Строители объясняют друг другу, что нужно делать, показыва-

ют на опыте, берут и делают руками; если не знают, как что-то сделать, то экспериментируют. Этот процесс также описывает исследование Дарена Тилля [Thiel, 2012], в котором рассказывается о том, как молодые парни, попавшие на строительную площадку за счет слабых связей [Грановеттер, 2009], пытаются «научиться работать». Именно так, без лишних слов, в процессе опытного обучения формируется «культура строителей» [Applebaum, 1981].

Итак, архитектор и строитель работают по-разному. Типичный сценарий первого – выразить и максимально точно описать на уровне проекта архитектурную идею; типичный сценарий второго – воплотить проект в материальности при помощи ручного труда, не слишком прибегая к словесным описаниям, ориентируясь прежде всего на опыт и эксперимент. Различие этих сценариев может стать одним из поводов для дискоммуникации. Не зря в профессиональном обиходе существует крылатая фраза «архитектор – враг инженера», и наоборот.

Разные приоритеты сторон, заданные заказчиком. То, что «офис» и «стройка» имеют разные приоритеты в своей деятельности, показало интервью с ГИПом. «Каждый тянет одеяло на себя», – ответил главный инженер на мой вопрос о том, почему между двумя этими сторонами возникают вечные проблемы. Согласно моему собеседнику, инвесторы проекта как будто бы дают обеим сторонам разные задания. Сначала заказчик приходит в архитектурное бюро и говорит: «Я хочу построить здание, надо заняться его проектированием. Сделайте мне современную архитектуру, я хочу, чтобы было красиво». Созданный архитекторами проект получается уникальным, идейным, красочным, с дорогими материалами и т. д. Заказчик в восторге, но, когда настает время материальных инвестиций в строительство, он говорит подрядной организации (той самой, которая задействована в создании мокапов): «Сделайте мне быстро, четко и дешево». Таким образом, еще до того, как архитекторы и подрядчики по фасадам встретились непосредственно, готовится почва для дискоммуникации – воплощение качественного архитектурного проекта в жизнь должно быть произведено быстро и дешево.

Конфликт между качественной архитектурой и попытками сэкономить на ее воплощении в реальность – известный факт в сфере архитектуры и строительства. За этим не всегда скрывается какой-то злой умысел. Заказчик, возможно, осуществляет такой проект впервые и не знает, как правильно поступить. Он заранее рассчитал свой бюджет и план инвестиций и действовал по-своему логично. Зданию в центре города нужен уникальный проект – это великолепно, и он готов заплатить за это деньги. Однако на этапе строительства все оказывается гораздо затратнее. Все то, что нарисовали и описали в своем проекте архитекторы, имеет свою высокую цену. С точки зрения архитекторов, отстаивающих высокие профессиональные стандарты (красота,

качественные материалы и т.д.), утвержденный проект должен быть воплощен так, как это было задумано, а затраты на материал – не повод для экономии. Строители, которым приходится воплощать это в жизнь, оказываются в максимально неудобной ситуации: у них есть ограниченный бюджет, в который они обязаны уложиться. Еще один повод для конфликта.

Традиция профессионального конфликта. Третий фактор дискommunikации между стройкой и офисом – порожденное указанными выше факторами и существующее испокон веку профессиональное конфликтное разделение на людей «офиса» и людей «стройки». В определенном смысле архитектор и строитель представляют противоположные друг другу «миры». В профессиональном общении обычны такие высказывания, как: *«Да что они там нарисовали, как мне это монтировать?»* или *«Это строители виноваты в том, что объект не получился таким, как задумывалось»* [ПМА]. Характерные для обеих сторон язык, инструменты, условия труда, профессиональные ценности, атмосфера, опыт и экономические мотивации часто вступают в противоречие, формируют почву для возникновения дискommunikации.

«Созидательный конфликт» и «подвешенность»

Приведенный выше пример свидетельствует о том, что картина «созидательного конфликта», которую рисуют представители антропологии профессий, не описывает всего многообразия возможных ситуаций, возникающих при взаимодействии между «офисом» и «стройкой». Не все конфликты могут быть решены положительно.

Как минимум, я хочу обратить внимание на свои эмоциональные переживания как архитектора, будучи задействованным в коммуникации со строителями. Незавершенная операция воспринимается изнутри процесса как огромная проблема, потенциально влекущая за собой серьезные затруднения. Под вопросом оказываются не только время, деньги и материалы, но и личные отношения с коллегами – человеческие и профессиональные.

«Из-за того, что у подрядной организации ничего не получилось, сложилось полное ощущение, что они делают “на отвязи”». ГАП “сорвался” и высказался в их адрес негативно, что повлекло за собой максимально отрицательный настрой с его стороны, на что они ответили тем же» [ПМА: полевой дневник]. В день передачи статьи в печать я был в неведении, будет ли еще попытка мокапа? Что будет дальше?

Все вышесказанное – повод для того, чтобы усомниться в пафосе «созидательного конфликта»: творческое преодоление противоречий в сотворчестве работает отнюдь не всегда. Мы сталкиваемся с непродуктивной дискommunikацией, темной стороной нашей профессии – затяжным конфликтом, который

имеет характер клинча, замедления с неопределенным результатом. Каким он будет?

К описанным выше факторам формирования дискommunikации стоит добавить исследовавшуюся коллегами-социолингвистами [Stubbe, 2018] ситуацию разницы статусов. На стройке главным является строитель. В офисном пространстве – архитектор. Внутри каждого из этих профессиональных пространств – и на строительной площадке, и в уютном помещении архитектурного бюро – тоже существует четкая иерархия, в которой автор занимает совершенно определенное и отнюдь не самое главное место.

Позитивная «антропология профессий» в духе Эппельбаума и Кафф не упоминает о чувстве «подвешенности», которое ощущаешь, попав в такую ситуацию. Являясь наемным работником и не занимая в силу моего опыта и квалификации руководящей должности, я не могу принимать окончательные решения по проекту и по его итоговой реализации. Как сказал мой руководитель: *«Я – это руки, которыми он будет правильно управлять»* [ПМА]. Мне хочется себя убеждать, что я сделал все, что было в моих силах. *Представьте, что было бы, если бы на первой стадии, в ситуации с мокапом №1, я, будучи неопытным специалистом, принял бы эту работу, сказал бы, что образец соответствует проекту? Если бы ГАП узнал об этом, меня бы ждало увольнение* [ПМА: полевой дневник]. Я оказался в ситуации «подвешенности», то есть эмоционального переживания незавершенности проекта и неясных перспектив этой незавершенности. Она сформировалась в этих разных профессиональных сценариях и экономических мотивациях сторон, существующих в отрасли культуры профессионального конфликта.

Заключение

Мне бы хотелось завершить статью, посвященную профессиональной дискommunikации «офиса» и «стройки», еще одним кейсом. Это достаточно забавная история, которую можно назвать анекдотом. Я записал ее, когда проводил включенное наблюдение на строительной площадке.

Рабочие льют бетон. Смотрят чертежи. В разрезе (проекция, которая рассекает здание вертикальной плоскостью в определенном месте, где видны попадающие в сечение элементы) указана одиннадцатая арматура, а в спецификации – шестнадцатая (выбор арматуры влияет на несколько факторов: несущая способность, монтаж и экономика конструкции). Они идут с этим вопросом к начальнику стройки, он также озадачился. Начальник стройки звонит ГИПу (человеку из офиса). Главный инженер проекта отвечает, что все проверит и даст ответ завтра.

Следующее утро. ГИП звонит начальнику стройки о том, что арматура одиннадцатая, а в спецификации ошибка. Начальник стройки двигается по строительной площадке в сторону рабочих, ко-

торы должны лить бетон, приходит на нужное место и видит, что бетон уже залит, стены стоят. Шок! Что вы сделали? Зачем залили? Какую арматуру поставили? Они ответили, что одиннадцатую.

Удача или опыт? Когда я слушал эту историю, меня настиг истерический смех и профессиональный ужас [ПМА: полевой дневник].

Смех, о котором я писал в дневнике, вызывал тот факт, что, несмотря на профессиональную субординацию, рабочие по непонятной причине взяли инициативу в свои руки. Ужас, охвативший меня, был связан с потенциальной немалой ценой, которую пришлось бы заплатить всем участникам процесса в случае, если бы пришлось ломать конструкции, в основе которых оказалась неправильная арматура. Как можно было поступить так самоуверенно? В этом случае, в отличие от ситуации «созидательно-го конфликта», в ходе которой стороны, имеющие разные точки зрения, достигают диалектического синтеза и триумфально создают нечто новое, мы видим дискоммуникацию, которая повлекла за собой принятие одностороннего решения, сопряженного с большим риском. Это не «подвешенность» специалиста, не понимающего, как в итоге сложатся обстоятельства, но другая, не менее эмоционально нагруженная разновидность последствий профессиональной дискоммуникации. Удача, чуйка или опыт строителей, принявших это решение, в конечном итоге уберегли участников истории от серьезных последствий. Однако, будучи профессионалом, можно только представить, что подумал начальник стройки, увидевший наутро готовую стену, и что сказал в сердцах ГИП, когда узнал об этом от начальника стройки. Такое переживание «приземления» после рискованного прыжка над пропастью, наверное, не менее типично для нашей индустрии, чем описанная выше «подвешенность». Весь этот эмоциональный фон темной стороны профессиональной дискоммуникации остается за кадром повествований о «созидательном конфликте».

Источники

- Волкова Я., Панченко Н., Пригарина Н. (2023) Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. Т. 22. № 1. С. 138–150.
- Гарфинкель Г. (2007) Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер.
- Грановеттер М. (2009) Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. С. 31–50.
- Applebaum H.A. (1981) Royal Blue: The Culture of Construction Workers. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston.
- Cuff D. (1992) Architecture: The Story of Practice. Cambridge: MIT Press.
- Ellis R., Cuff D. (1989) Architects' people. N.Y.: Oxford University Press.
- Holmes J., Stubbe M. (2015) Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work. L., N.Y.: Routledge.

- Language in Society. "Miscommunication" and Problematic Talk (1991) / Ed. by N. Coupland, N. Giles, J. Wiemann. Newbury Park, CA: Sage.
- Lineell P. (1995) Troubles with Mutualities: A Dialogical Theory of Misunderstanding and Miscommunication // Mutualities in Dialogue / Ed. by I. Marková et al. Cambridge: Cambridge University Press. P. 176–213.
- Marchand T.H.J. (2010). Making Knowledge: Explorations of the Indissoluble Relation Between Minds, Bodies, and Environment // Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. 16. № 1. P. S1–S21. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2010.01607.x>.
- Murphy K. (2011) Building Stories: The Embodied Narration of What Might Come to Pass // Embodied Interaction: Language and Body in the Material World / Ed. by J. Streek J. et al. Cambridge, New York: Cambridge University Press. P. 243–253.
- Stenslund A. (2023) Atmosphere in Urban Design: A Workplace Ethnography of an Architecture Practice. N.Y., L.: Routledge.
- Stubbe M. (2010) 'Was That My Misunderstanding?' Managing Miscommunication and Problematic Talk at Work. PhD diss., Victoria University of Wellington.
- Stubbe M. (2018) Miscommunication at Work // The Routledge Handbook of Language in the Workplace / Ed. by B. Vine. L., N.Y.: Routledge. P. 258–271.
- Thiel D. (2012) Builders. Class, Gender and Ethnicity in the Construction Industry. L., N.Y.: Routledge.
- Yaneva A. (2009) Made by the Office for Metropolitan Architecture: An Ethnography of Design. Rotterdam: 010 Publishers.
- Yarrow T. (2019) Architects. Portraits of a Practice. N.Y.: Cornell University Press.

**“CREATIVE CONFLICT” OR “SUSPENDED”:
THE DARK SIDE OF PROFESSIONAL
MISCOMMUNICATION IN ARCHITECTURAL
AND CONSTRUCTION ACTIVITIES**

Vladimir D. Rotberger, architect,
student, Master’s Program in
Conceptual Urban Studies, Institute
of Social Sciences and Humanities,
University of Tyumen (UTMN); 6
Volodarskogo Street, Tyumen 625003,
Russian Federation.
E-mail: captainvova@inbox.ru

This article is devoted to the au-
toethnographic study of professional
miscommunication in architectural
and construction activities. The ma-
terial was collected during the ar-
chitectural supervision at one con-
struction site in the city of
Tyumen. Using the construction of a
mockup, a full-size layout of one
building fragment, failures in pro-
fessional communication between ar-
chitects and build-
ers which formed barriers to
achieving the desired result are
discussed. Describing the history of
a complex professional process, the
author rethinks the plot of con-
flict-overcoming “creative co-cre-
ation” characteristic of the anthro-
pology of the architectural and con-
struction professions, and focuses
on the dark side of professional
miscommunication.

Keywords: discommunication; miscom-
munication; misunderstanding; archi-
tect; builder; project; mockup; anthro-
pology

Citation: Rotberger V.D. (2024)
“Creative Conflict” or “Suspended”:
The Dark Side of Professional
Miscommunication in Architectural
and Construction Activities. *Urban
Studies and Practices*, vol. 9, no 4,

pp. 54-63. DOI: [https://doi.
org/10.17323/usp94202454-63](https://doi.org/10.17323/usp94202454-63) (in
Russian)

References

- Applebaum H.A. (1981) *Royal Blue: The Culture of Construction Workers*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Cuff D. (1992) *Architecture: The Story of Practice*. Cambridge: MIT Press.
- Ellis R., Cuff D. (1989) *Architects’ People*. New York: Oxford University Press.
- Garfinkel’ G. (2007) *Issledovaniya po etnometodologii [Studies in Ethnomethodology]*. Saint Petersburg: Piter. (in Russian)
- Granovetter M. (2009) *Sila slabykh svyazei [The Strength of Weak Ties]*. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 4, pp. 31-50. (in Russian)
- Holmes J., Stubbe M. (2015) *Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work*. London, New York: Routledge.
- Language in Society. “Miscommunication” and Problematic Talk (1991)/Ed. by N. Coupland, N. Giles, J. Wiemann. Newbury Park, CA: Sage.
- Linell P. (1995) *Troubles with Mutualities: A Dialogical Theory of Misunderstanding and Miscommunication*. *Mutualities in Dialogue*/Ed. by I. Marková et al. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 176-213.
- Marchand T.H.J. (2010) *Making Knowledge: Explorations of the Indissoluble Relation Between Minds, Bodies, and Environment*. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 16, no 1, pp. S1-S21. DOI: [https://doi.
org/10.1111/j.1467-
9655.2010.01607.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2010.01607.x)
- Murphy K. (2011) *Building Stories: The Embodied Narration of What Might Come to Pass*. *Embodied Interaction: Language and Body in the Material World*/Ed. by J. Streek et al. Cambridge, New York: Cambridge University Press, pp. 243-253.
- Stenslund A. (2023) *Atmosphere in Urban Design: A Workplace Ethnography of an Architecture Practice*. New York, London: Routledge.
- Stubbe M. (2010) ‘Was That My Misunderstanding?’ *Managing Miscommunication and Problematic Talk at Work*. PhD dissertation. Victoria University of Wellington.
- Stubbe M. (2018) *Miscommunication at Work*. *The Routledge Handbook of Language in the Workplace*/Ed. by B. Vine. London, New York: Routledge, pp. 258-271.
- Thiel D. (2012) *Builders. Class, Gender and Ethnicity in the Construction Industry*. London, New York: Routledge.
- Volkova Ya., Panchenko N., Prigarina N. (2023) *Diskommunikatsiya: mezkul’turnyi, diskursivnyi i lingvoekologicheskii aspekty [Miscommunication: Intercultural, Discursive and Linguoecological Aspects]*. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie*, vol. 22, no 1, pp. 138-150. (in Russian)
- Yaneva A. (2009) *Made by the Office for Metropolitan Architecture: An Ethnography of Design*. Rotterdam: 010 Publishers.
- Yarrow T. (2019) *Architects: Portraits of a Practice*. New York: Cornell University Press.

Институт аварийности на примере жилищного фонда Перми: неформальные правила и ожидания акторов*

Ангелина Филип,
Константин Глазков

Введение

Аварийность жилищного фонда и его реновация – популярная академическая тема в разных областях социальных и экономических наук. В градостроительном дискурсе темы аварийности и реновации стабильно актуальны и становятся лишь острее в процессе старения жилищного фонда и появления соответствующих программ реновации. Пугающие цифры о приближающемся кризисе неразрешимых объемов аварийного жилья стимулируют дискуссию как о необходимости экстренных мер по предотвращению и работе с аварийностью, так и о несовершенстве

* Работа выполнена в рамках проекта государственного задания 5.2.1.3. (0260-2021-0001) «Актеры, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика», регистрационный номер НИОКТР № 121040100280-1.

Филип Ангелина Владиславовна, Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского, факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4.
E-mail: lina.filip.spb@gmail.com
Глазков Константин Павлович, кандидат социологических наук, независимый исследователь.
E-mail: glazkov.konst@gmail.com

Решение проблемы аварийного жилья рассматривается как сложная организация социальных отношений, за которыми скрываются мотивации жителей, администрации и застройщиков, их ожидания, а также правила и практики, формирующие аварийность как институт. Статус аварийности используется не только для фактической фиксации физического состояния здания, он вбирает в себя и другие обстоятельства, при которых статус либо присваивается жилому дому, либо не присваивается. В работе мы концентрируемся на описании случаев аварийности и тех условий, в которых они происходят. Мы проверяем предположение, что наличие статуса аварийности жилого здания зависит не только от степени его физического износа, но и от экономической привлекательности рассматриваемой территории, мотивации жителей, правовых ограничений и градостроительных регламентов, фактора соседства с другими домами, обладающими аварийным статусом, и прочих обстоятельств, которые могут сказываться в каждом отдельно взятом случае.

В качестве примера для описания специфики работы института аварийности выбран город Пермь, который в связи с подготовкой к празднованию своего 300-летия в 2023 году переживает активную трансформацию наиболее репрезентативных центральных районов. Эмпирическая часть исследования опирается на восемь полуструктурированных интервью с жителями аварийных домов, местными депутатами, активистами, экспертами в области жилищной политики, представителями ТОС, застройщика и городской администрации Перми. Чтобы полноценно охватить различные вариации работы института аварийности, мы построили типологию «аварийных» домов, которая по наличию аварийного статуса и восприятию аварийности жителями охватывает четыре типа. Повествование выстраивается вокруг подробного анализа кейсов, каждый из которых подпадает под один из выделенных типов.

Мы приходим к выводу, что неформальные правила института аварийности по-

систем оценки «действительной» аварийности. Оценки масштабов аварийного наследия вызывают активные споры, а проблемы с его инвентаризацией и оценкой степени физического износа только усугубляют последствия текущего обращения с аварийностью.

В академическом поле нередко ставится задача обсуждения несовершенства закона об аварийности и критика политики по реализации реновации, включая аспекты финансирования расселения, скорости строительства маневренного фонда и справедливости очередности расселения. Вместо этого мы предлагаем рассматривать аварийность как сложный набор социальных отношений, за которыми скрываются мотивации задействованных сторон, их ожидания, а также правила и практики, формирующие аварийность как институт.

В рамках статьи мы предлагаем подходить к определению института аварийности через описание случаев аварийности и условий, в которых они происходят. Такой подход позволяет не ограничиваться рассмотрением существующих юридических норм, но еще и учитывать комплекс практик, правил и отношений, которые действуют в контексте закона об аварийности жилого фонда¹.

В городских отношениях закон об аварийности жилищного фонда используется по-разному, при этом на уровне декларации он является лишь инструментом решения проблемы физического износа зданий. Мы предлагаем рассматривать случаи использования статуса аварийности, которые не ограничиваются лишь фактической фиксацией физического состояния здания, но вбирают в себя и другие обстоятельства, при которых соответствующий статус присваивается или нет. Такие практики неформального (не)применения статуса аварийности в городе указывают на то, что в отсутствие эффективного правового регулирования возникают ситуативно действующие правила, которые важно учитывать при разработке закона об аварийном жилье и политики реновации.

Чтобы раскрыть комплексность функционирования текущего института аварийности, мы обращаемся к тому, *как происходит формирование ожиданий жителей об ответственности за жилищный фонд и его состояние*. Такие ожидания влияют на реакцию жителей при столкновении с неформальными правилами, установленными другими акторами процесса (городскими властями, застройщиками). В результате жители также переходят от действий в рамках закона в поле неформальных правил.

В рамках работы мы описываем не только те случаи, когда присвоение статуса аварийности используется в угоду экономической выгоде, но и те случаи, когда статус присуждается своевременно и по результатам экспертизы или же вопреки настоящему физическому износу здания вследствие особых условий. Таким образом, мы стараемся подсветить, как в фактических градостроительных практиках отражаются неформальные правила и ожидания участников института аварийности.

В первом разделе дается краткое описание специфики кейса Перми и приводится обоснование, почему анализ этого кейса может быть полезен для общего понимания функционирования института аварийности в России. Во втором разделе рассматривается теоретический контекст понятия аварийности, где в конце мы обозначаем основные положения нашего институционального подхода к пониманию этого феномена. В третьем разделе приводится методология эмпирического исследования института аварийности в Перми, а также представлена типология объектов по статусу аварийности и его субъективному восприятию, что позволяет очертить границы нашей выборки. Далее мы переходим к рассмотрению результатов эмпирического исследования, включающих описание, как практики участников института поддерживают его функ-

являются в результате стремления компенсировать неработающие инструменты градостроительной политики. Сложившееся положение дел приводит к тому, что закон об аварийности становится инструментом манипуляций в городских отношениях и зачастую направлен не на расселение проблемных домов, а на развитие территорий. Важную роль при этом играют жители, которые в разных обстоятельствах то оспаривают, то добиваются присвоения аварийного статуса своему дому, руководствуясь не только высокой степенью износа зданий, но и привлекательностью территории.

Ключевые слова: институт аварийности; аварийный статус; реновация; капитальный ремонт; КРТ; Пермь

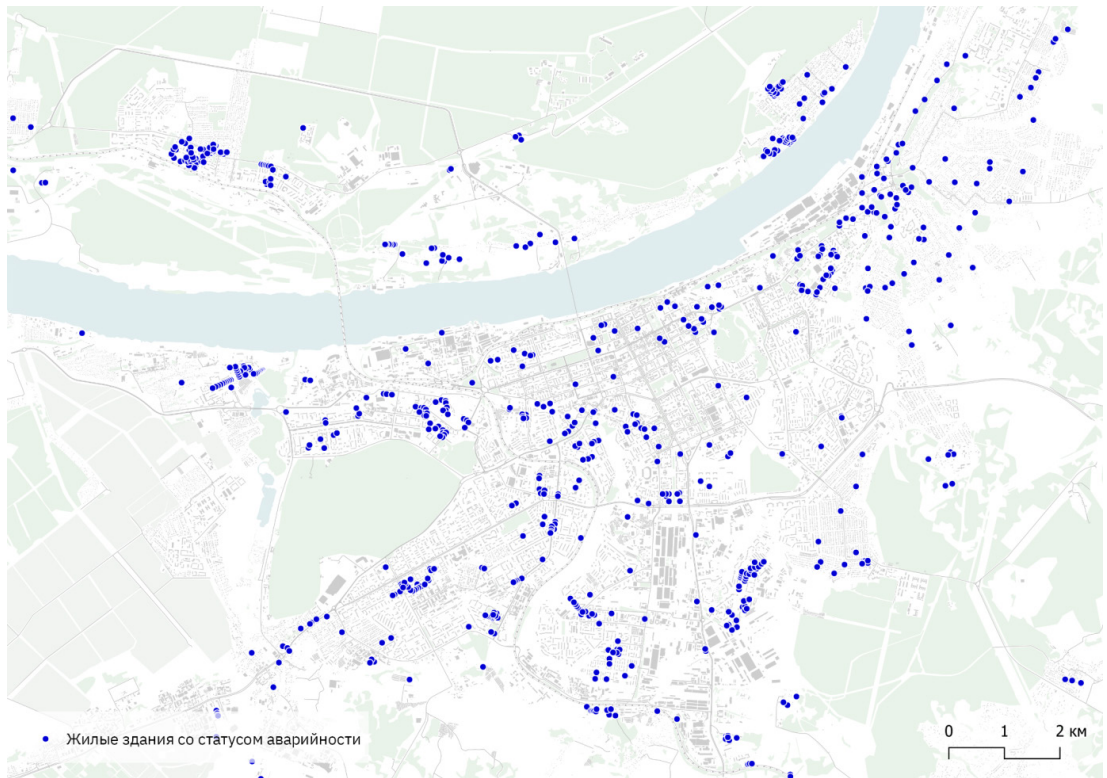
Цитирование: Филип А.В., Глазков К.П. (2024) Институт аварийности на примере жилищного фонда Перми: неформальные правила и ожидания акторов // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 64-81.

DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202464-81>

---

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещением жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом».

Рис. 1. Жилые здания со статусом аварийности в г. Пермь. Составлено автором
Источник: Реформа ЖКХ; Сайт администрации г. Пермь (дата обращения: 22.05.2023).

ционирование. В заключении мы определяем основные очертания института аварийности жилищного фонда Перми, его специфику и общие черты в контексте проблемы аварийного жилья в России.

Кейс Перми

Рост объемов аварийного жилого фонда – повсеместная проблема в России, которая возникает в связи с высокими темпами прироста жилищного фонда, срок эксплуатации которого подходит к концу. Объемы темпа прироста аварийного жилья создают довольно острую социальную проблему и провоцируют власть менять существующие механизмы работы с аварийным жильем.

Пермь – город, в котором значительную долю зданий занимают постройки массового советского индустриального и доиндустриального домостроения. Многие из них быстрыми темпами приходят в негодность, что делает их подверженными разным сценариям реновации. Влияние на эти сценарии оказывает городская жилищная политика, вектор которой, как и в других городах России, направлен на повышение ввода жилья с опорой на ошибочное предположение о росте населения [Гудзь, 2020].

Вектор развития города, особенно в последние годы подготовки к 300-летию Перми, направлен на резкую трансформацию наиболее репрезентативных территорий города, которые расположены в его центральных частях. Особенно политика уплотнения заметна из-за неспособности покрыть инфраструктурные нужды на территориях, где изменяются высотные регламенты.

Значимым является переход от развития застроенных территорий (далее – РЗТ) к комплексному развитию территорий (далее – КРТ) и возникший в связи с переходом промежуточный период. РЗТ – это инструмент, который являлся основным в работе с застроенными территориями на уровне города. Его важным отличием является участие застройщика в процессе принятия решений и расселения. Застройщик был актором в договоре о расселении жителей, после отказа от РЗТ в пользу КРТ полномочия в расселении были переданы на уровень муниципалитета.

В Перми действуют программы расселения: федеральный проект «Жилье и городская среда» и местный региональный проект. В рамках последнего средства на расселение направляются в первую очередь на те объекты, которые расположены на территориях с высокой долей аварийных домов. Причем это работает и в отношении относительно прочных домов, которые аварийным статусом не обладают, а лишь соседствуют с такими домами. Делается так ради рационального использования средств и поощрения нового строительства [Фаина Минх..., 2023]. Такая политика регионального проекта дополняет национальный проект тем, что позволяет освобождать территорию под строительство нового жилья. Последствия такой политики заметны при визуальном осмотре пространственного распределения домов с аварийным статусом (рис. 1).

В текущих законах об аварийности часто фигурирует термин «реконструкция», однако не определено, в каких случаях жилое здание признается возможным к реконструкции. Практики реконструкции не популярны в отношении аварийного жилья, если

те не являются объектом культурного наследия. Основной инструмент, с помощью которого возможна полноценная реконструкция объекта, – Фонд капитального ремонта.

Фонд капитального ремонта является одним из механизмов, который работает в контексте аварийности. Сейчас финансирование ремонта полностью возложено на собственников, также как и право определять объект текущего и капитального ремонта. Полное финансирование со стороны собственников было не всегда: в период до 1991 года финансирование осуществлялось государством, с 1991 по 1996 год было частично государственное, частично муниципальное, а с 2004 года участие собственников стало обязательным и составляло 10% от общей суммы финансирования ремонта. В 2010 году произошло реформирование системы финансирования в соответствии с федеральным проектом «Комплексная программа модернизации и реформирования ЖКХ на 2010–2020 годы». Так, на государственном уровне определяются основные положения Фонда капитального ремонта, особенности работы механизма на уровне регионов, которые в случае с Пермским краем были приняты в 2014 году с последующими поправками об исключении некоторых типов домов².

Критерии оценки износа жилищного фонда не сформулированы в обобщающих законах, поэтому решение об аварийности принимается индивидуально. Заявление на признание жилого здания аварийным может подать только собственник. Далее следует экспертиза, которая подтверждает или опровергает аварийное состояние дома, после чего, в случае признания дома аварийным, происходит снос. В Перми жителям аварийных домов чаще предлагаются компенсации, а не переселение. Лишь в случае проживания по договору социального найма и жилья в муниципальной собственности жителю предоставляется равнозначное по площади жилье. В остальных случаях основным механизмом является компенсация, что вызывает немало конфликтов: стороны расходятся в оценках размера компенсации, причем расхождения усиливаются, когда речь идет о жилье, расположенном в центральных частях города.

Как нам кажется, причины конфликтов кроются в том, какие изменения претерпело законодательство в сфере аварийности после распада Советского Союза. Законы, описывающие «аварийность» жилого здания, прошли путь от советской социальной политики, где были описаны обязанности, права граждан и государства перед жилищем, до документа, суть которого сводится к фиксации физического износа зданий. Раньше обязанности жителей сводились к поддержанию лишь своего жилого помеще-

ния, а на государство возлагалась ответственность за сохранность здания в целом.

Первый закон об основах жилищного законодательства³, в котором было упомянуто непригодное жилье, не касался аварийности напрямую, его содержание скорее отражало необходимость недопущения будущей аварийности, ведь этот закон затрагивал новое жилье, в которое переселяли из преимущественно деревянных строений, домов индивидуального строительства или других зданий неудовлетворительного состояния. Содержание закона часто отсылает к ответственности государства за состояние жилья и лишь не во многом – к ответственности жителей за его содержание. Распределение ответственности за жилой дом между наймодателем и нанимателями определено в разделе «Обеспечение сохранности жилищного фонда, его эксплуатация и ремонт» советского жилищного законодательства. Наймодатель в лице государственного представительства обязан производить ремонт дома и инженерных коммуникаций, а наниматели, жители, в свою очередь обязаны производить ремонт только своих жилых помещений, зачастую с финансовой поддержкой исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов. Последнее, что важно уточнить в этом законе, – это наличие такого исхода как «ремонт», в отличие от текущего законодательства.

Положение по оценке непригодности жилых домов и жилых помещений государственного и общественного жилищного фонда для постоянного проживания, принятое в 1985 году, уточняло характеристики и процесс работы с непригодным жильем: в этом документе, помимо опции ремонта, есть термины «реконструкция» и «модернизация». Оно включало описание зданий, необходимых к определению как «непригодные к проживанию», порядок отнесения зданий к такому статусу и показатели дефектов жилых помещений.

Советская политика по отношению к аварийному жилью была основана на принципе государственной собственности на жилье и его распределения среди населения. Государство было ответственным за строительство, эксплуатацию и ремонт жилья, в том числе аварийного. В настоящее время закон об аварийности более не несет «социальной» функции и включает только фиксацию характеристик физического износа.

Концептуализация

В зарубежной литературе аварийное жилье не имеет устоявшегося терминологического определения. Как и в российской практике, источники по этой теме оперируют в основном двумя понятийными группами: «ветхое» (*dilapidated*) и «аварийное»

2. Закон Пермского края от 11 марта 2014 г. № 304-ПК «О системе капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории Пермского края» (с изменениями на 2 марта 2023 г.).

3. Основы жилищного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (Приняты ВС СССР 24.06.1981).

(*emergency*) жилье. Хотя изредка в синонимическом ряду встречаются также «бедствующее» (*distressed*) и «испорченное» (*blighted*) жилье.

Источники первой понятийной группы – *dilapidated housing* – в большей степени тяготеют к описанию программ по редевелопменту старой застройки, оценке роли государства и девелоперов в этом процессе. Например, в центре рассмотрения может находиться смена государственных приоритетов по ходу реализации программы редевелопмента старых кварталов, когда муниципалитет перестает быть лишь контролирующим органом, превращаясь в машину по максимизации экономической выгоды [Zhang, Fang, 2003]. Или смещение приоритетов от работы с самым перенаселенным и ветхим жильем к работе с экономически привлекательными территориями, которые позволяют минимизировать расходы на снос и переселение жителей [Junhua, 1997]. Еще одной темой в рамках этого направления является оценка эффектов по редевелопменту старых кварталов: повышение экономической рентабельности территории за счет изменения отношения к старой застройке [Shin, 2010], а также негативное ценовое влияние присутствия ветхой застройки на близлежащие объекты [Paredes, Skidmore, 2017; Peshkov, Gertsekovich, Gorbachevskaya, 2019].

Источники второй понятийной группы – *emergency housing* – больше сосредоточены на рассмотрении социальных аспектов вокруг аварийного жилья. Отмечается, что попытки решить проблему аварийного жилья зачастую приводят к нарастанию напряженности между соблюдением прав собственности жильцов и планами администрации по развитию города [Cirolia, 2014], к постоянному пересмотру критериев определения аварийности в угоду интересов муниципалитетов [Procupez, 2015], а отсутствие социальной политики в этом направлении влечет за собой дефицит жилья, высокие арендные ставки и проблему бездомности [Brushett, 2007].

Специфика российского контекста заключается в том, что значительная часть жильцов аварийного жилья являются его собственниками, а сами по себе жилищные отношения (права собственности и использования) находятся преимущественно в легальном поле. При этом в силу государственного происхождения и распределения жилья среди россиян зачастую укоренена убежденность, что именно государство отвечает за сохранность и поддержание состояния жилого фонда, а в случае его несостоятельности обязано брать на себя обязательства по его модернизации или, в крайнем случае, по его сносу и расселению жителей в новое равноценное жилье. Такое комбинирование образа патерналистского государства с рыночными методами управления [Büdenbender, Zupan, 2017; Махрова, Голубчиков, 2012] находит выражение в сложившемся неолиберальном контексте государства, усугубляющем социальное и пространственное неравенства [Голубчиков, Махрова, 2013]. В результате российская градостроительная политика в отношении ста-

реющего жилого фонда в последние годы сводится к «московской реновации» как проекту расчистки города и дальнейшим попыткам распространения «столичной практики» по всей стране [Zupan, Smirnova, Zadorian, 2021].

Тема расчистки городского пространства в контексте аварийного жилья неоднократно поднималась в публикациях российских исследователей [Григоричев, Дятлов, Тимошкин, Брызгина, 2019; Тимошкин, 2020; Тимошкин, 2022]. Характерным для этого подхода является рассмотрение аварийного объекта как «изменчивого знака» в городской семиотической системе, за который осуществляется противоборство различных дискурсов [Йоргенсен, Филипс, 2008; Тимошкин, 2022]. Тем самым происходит борьба за символические блага, которые позволяют продемонстрировать социальную дистанцию между привилегированными группами и остальными [Трущенко, 1995]. Отчасти это переплетается с метафорой руины, которая является объектом «плохого» наследия, переходит в разряд чего-то устаревшего и способствует перераспределению ресурсов в пользу более экономически выгодных проектов [Трубина, 2013].

Специфика нашего подхода заключается в рассмотрении политики в отношении аварийного жилищного фонда как социального института. На наш взгляд, жители аварийных домов или тех домов, которые претендуют на включение в список аварийных объектов, играют немаловажную роль в том, как в конкретно взятом случае будет осуществляться взаимодействие между городскими властями, девелоперами и сообществом. Тем самым контекст рассмотрения аварийного жилья не сводится исключительно к расчистке городского пространства, но вбирает в себя и аспекты ревитализации городской ткани, участия сообщества и взаимодействия разных сторон в этом процессе [Грац, 1995].

Институциональная рамка позволяет сосредоточиться на выявлении правил игры, которые ограничивают участников взаимодействия и мотивируют их действовать сообща [Норт, 1997]. При этом мы не скованы рассмотрением исключительно юридических норм регулирования градостроительных процессов, потому что если даже участники институционального взаимодействия «не действуют в соответствии с законами, то при этом они, безусловно, действуют с учетом существования законов» [Панеях, 2003: 34]. То есть правила игры не всегда сводятся к юридическим требованиям, но могут возникать с учетом этих ограничений. К тому же институт позволяет снизить транзакционные издержки взаимодействия между участниками за счет снижения издержек следования правилу, снижения издержек нарушения правила и снижения издержек защиты правила. В некоторых случаях важное значение имеют правила, которые позволяют имитировать отсутствие нарушений [Панеях, 2001].

Функционирование института опирается на его хартию – сложившиеся представления о том, зачем

нужен этот институт [Малиновский, 1997]. Применительно к аварийности это подразумевает выявление коллективных убеждений, как должна осуществляться работа с аварийным объектом и какую роль в этом процессе должны играть все его участники. В случае с аварийностью важно также учитывать принципиальную «непрозрачность» (*illegibility*) объекта регулирования [Скотт, 2005]. Объективная оценка материального состояния дома является предметом дискуссии и манипуляций с разных сторон, что приводит к расхождениям между тем, как понимают аварийность жители, и тем, как она трактуется в законе и на практике [Avilova, Oznobihina, Ermakova, 2020].

В нашей работе термин «аварийность» определяется двояко. В первом значении аварийность – высокая степень износа здания, нарушение целостности конструкций. Во втором значении аварийность – наличие юридического статуса об аварийности здания. В разных случаях оба определения могут встречаться как вместе, так и попеременно. Жилой дом с сильным физическим износом может как обладать, так и не обладать аварийным статусом. Впрочем, встречаются и обратные ситуации, когда относительно крепкий дом с умеренным физическим износом получает аварийный статус. Поэтому мы исходим из того, что физический износ дома является, безусловно, одним из определяющих факторов начала разговора о его аварийности, но сама эта фиксация спорна и затруднительна. Ответственность за оценку физического износа возлагается на экспертизу, результаты которой часто оспариваются другими акторами. Поэтому критика экспертизы по оценке физического износа не является целью текущей работы. Вместо этого мы предлагаем сделать акцент на проверке предположения, согласно которому *наличие статуса аварийности жилого здания определяется не только степенью физического износа*. Затруднительное для объективной оценки состояние дома мы будем описывать через восприятие степени его аварийности, что позволит рассматривать споры сторон по поводу состояния здания как одну из практик, формирующих институт аварийности.

Методология

Основой для эмпирического исследования послужили интервью с жителями аварийных домов, местными депутатами, активистами, экспертами в области жилищной политики, представителями ТОС, застройщика и городской администрации Перми. Всего в период с мая 2022 года по апрель 2023-го было проведено *восемь* полуструктурированных интервью. Цитаты приводятся в анонимизированном виде и с согласия информантов. В приложении 1 содержится сводная таблица по всем информантам.

Дополнительно в работе анализируются опубликованные в СМИ фрагменты интервью представителей управления жилищной политики Перми и зако-

нодательные акты, регулирующие порядок присвоения дому аварийного статуса, проведение капитального ремонта, а также механизмы развития территорий (РЗТ, КРТ, федеральные и региональные программы расселения).

Практики, которые формируют институт аварийности, определены в ходе предварительных интервью с экспертами и изучения материалов СМИ по теме аварийности в Перми. Чтобы очертить круг интересующих нас кейсов, мы выбрали два основания: наличие/отсутствие формального статуса аварийности у жилого дома и (не) воспринимают ли сами жители этот дом аварийным. Полученные по этим основаниям типы (табл. 1) далее будут использоваться, чтобы охватить разные вариации того, как работают правила в рамках института аварийности в Перми (рис. 2).

Статус аварийности	есть	нет
Восприятие аварийности		
есть	Тип № 1 «Приговоренные дома»	Тип № 3 «Подозреваемые дома»
нет	Тип № 2 «Оклеветанные дома»	Тип № 4 «Непричастные дома»

Табл. 1. Типы жилых домов по статусу и восприятию аварийности

Названия типов условные. Для более краткой и емкой формы мы решили воспользоваться судебной коннотацией, которая, на наш взгляд, передает одновременно наличие у дома статуса аварийности («приговора») и отношение к этому самих жителей.

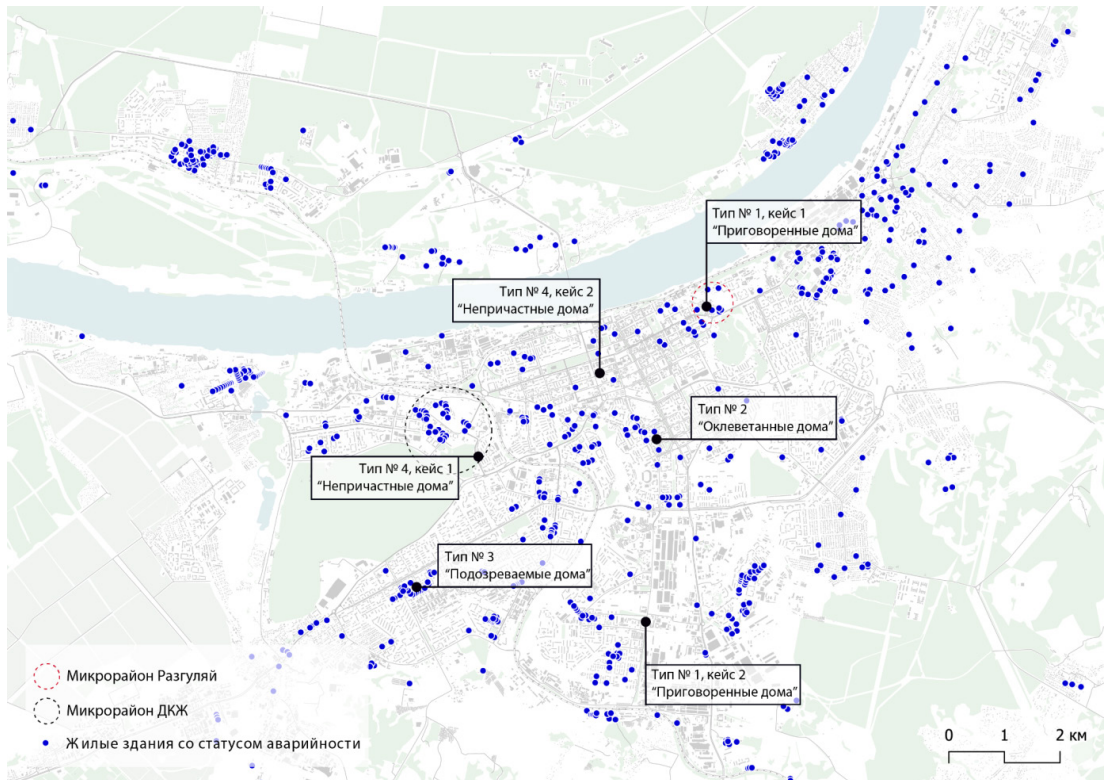
Тип № 1 «Приговоренные дома»: жилые дома, которые, по мнению жителей, являются аварийными и имеют соответствующий статус. В рамках данного типа будут описаны два кейса: ожидание комплексного развития территории (1.1) и экстренного расселения дома (1.2).

Тип № 2 «Оклеветанные дома»: жилые дома, которые, по мнению жителей, не являются аварийными, но имеют соответствующий статус. В работе рассматривается кейс оспаривания жителями присвоения аварийного статуса их дому.

Тип № 3 «Подозреваемые дома»: жилые дома, которые, по мнению жителей, являются аварийными, но соответствующего статуса не имеют. В работе рассматривается кейс отказа управляющей компании от дома, находящегося у нее в управлении.

Тип № 4 «Непричастные дома»: жилые дома, которые не обладают аварийным статусом и таковыми не воспринимаются жителями. Внутри выделяются два кейса: в одном случае жители предпринимают усилия, чтобы поддерживать дом в надлежащем состоянии (4.2), в другом случае ведут себя попустительски (4.1).

Рис. 2. Визуализация территорий рассмотрения в г. Перми по типам. Составлено авторами
 Источник: Реформа ЖКХ; Сайт администрации г. Пермь (дата обращения: 22.05.2023).

Тип № 1 «Приговоренные дома»

Кейс ожидания комплексного развития территории (1.1)

Дома в районе Разгуляй, возможно, не самый типичный случай аварийности, но он интересен с точки зрения своего расположения и типа застройки. Район представлен низкоэтажной деревянной застройкой 1905–1917 годов и имеет статус достопримечательного места с охраной градостроительных решений. Несмотря на это, историческая ценность района является предметом городских споров. Внимания заслуживает расположение района: помимо отнесения к центральной части города с высокой степенью инфраструктурной доступности, район деревянной застройки также примыкает к живописной долине реки Егошиха.

Пермяки относятся к району Разгуляй неоднозначно. Одни испытывают к нему трепетное отношение, другие выражают сомнения, допустима ли такая застройка и сопутствующий ей загородный образ жизни в самом центре города. Последняя позиция часто озвучивается в качестве опровержения исторической ценности района:

С одной стороны, я очень хорошо понимаю людей, которые хотят этот образ жизни сохранить. <...> Но, честно говоря, там условия не самые комфортные. У них там, по-моему, нет газа, печное отопление в центре города. Он выглядит очень маргинальным. <...> В общем, неблагоприятным социальным папахивает. <...> Я поддерживаю очень людей, кото-

рые хотят сохранить свою среду, но она уже точно не является тем, что можно защищать (представитель Общественной палаты, бывший муниципальный депутат).

Первый проект по преобразованию Разгуляя появился еще в 2011 году. Проект вызвал у жителей недовольство, во многом потому, что он никак с ними не обсуждался.

Была организована встреча с местным сообществом, и тогда вот эти инициаторы проекта «Первый город» вышли на нас, и один из вопросов был: «Почему с жителями решалось в последнюю очередь?» (житель и представитель ТОС в районе Разгуляй).

В дальнейшем Разгуляй упоминался в СМИ в контексте разных проектов. Район рассматривался как потенциальное место для здания новой пермской оперы, а также для создания креативных пространств. Текущий план подразумевает использование механизма комплексного развития территорий (далее – КРТ), который, по мнению информантов, может быть реализован с помощью присвоения аварийного статуса неугодным объектам.

Я так понимаю, что там идет определенная попытка через аварийный статус расселить этот микрорайон, и, возможно, он попадет в зону, как я понимаю, комплексного развития территории (представитель Общественной палаты, бывший муниципальный депутат).

Представитель ТОС «Разгуляй» описывает состояние, в котором пребывают жители как «подвешенное и неопределенное». Описывая потенциальные преобразования района, он часто обозначает, во-первых, историческую ценность, которую город рискует утратить в случае реорганизации района, а во-вторых, неспособность жителей к коллективному действию по защите своих интересов. Схожий нарратив встречается и в интервью:

Либо вы разрешаете нам строиться, либо вы нас расселяете. Потому что новое строительство и базальный ремонт стоит нормальных денег. Если человек начинает строить или ремонтировать на своем участке, он должен понимать, что будет происходить с тем, что он здесь построил (житель дома в районе Разгуляй).

Будучи жителями территории, над которой нависли планы по реорганизации, собственники пребывают в состоянии ожидания решения, которое, по идее, должно обозначить дальнейшие условия и правила взаимодействия. Возникает вопрос: с чем связана многолетняя неспособность принять окончательное решение о трансформации территорий?

Во-первых, в районе присутствует большое число собственников, имеющих долю в доме для иных, не связанных с проживанием, целей. Такие собственники, с одной стороны, по словам информантов, отягощают жизнь жителям. Например, для ремонта дома необходимо разрешение всех собственников и денежное участие, а такие собственники на контакт не идут. С другой стороны, такое количество собственников усложняет согласование договора о выкупе для сноса, что стопорит процесс преобразования. В других случаях именно с такими собственниками, не проживающими в Разгуляе, администрации получается договориться, что усложняет выработку единой позиции жителей против сноса.

Другой механизм: кто-то из совладельцев долей просит признать его жилье аварийным. И таким образом запускается механизм воздействия. <...> И начинается давление на соседей, которые не хотят уезжать. Но возникает другая сложность. У части наших домов есть земельные участки. Эти земельные участки приватизированы. <...> Можно дома сжечь, поджечь, уничтожить еще что-то. Но земельный участок остается, его-то нельзя сжечь. Но он-то и нужен. А на него юридические права никак не отменишь (житель и представитель ТОС в районе Разгуляй).

Ситуацию также усложняет наличие статуса объекта культурного наследия и достопримечательного места у некоторых домов района. Жители обязаны соблюдать ограничения и согласовывать преобразование своего дома, что проблематично еще из-за вышеобозначенной сложности с собственни-

ками. Инвесторы не рискуют заходить на территорию из-за сомнительной окупаемости в силу ограничений на высотность и характеристики фасадов.

Статус аварийности, который информант называет «механизмом воздействия», в районе присужден немногим домам. В 2023 году на территории, где расположена деревянная застройка Разгуляя, лишь один дом имеет аварийный статус (2-я Разгуляйская, 23). Со слов представителя ТОСа, это связано с тем, что желающие уехать либо уже согласились на сделку, либо ждут более выгодного варианта. Сейчас жители определяют ситуацию вновь как неопределенную.

У нас доходило где-то до 30%, которые хотели уехать, а 70% хотели остаться. На сегодня это можно сказать 50 на 50 из-за этой неопределенности. Остальные не желающие уезжать от статуса аварийности отказываются, имея в виду, что реконструкции в таком случае ждать не придется (житель и представитель ТОС в районе Разгуляй).

В данном случае статус аварийности выполняет функцию инструмента расселения аварийного жилья. При этом актер-житель оставляет за собой возможность не признавать здание таковым из-за его качеств или расположения. Тогда как для представителей администрации функция аварийного статуса заключается в том, чтобы запустить расселение для освобождения территории под новую застройку.

Основным механизмом для запуска потенциальных преобразований Разгуляя является КРТ. Официально КРТ не было заявлено, однако один из информантов рассказывал о состоявшейся встрече администрации и жителей по поводу КРТ.

И вот по этой КРТ нет четкой позиции. Они не говорят, что взамен они дадут, как дадут, когда дадут, каким образом будет происходить процесс. И на последней встрече, которая у нас была, вместо того чтобы коммуникация произошла, пришли на встречу именно те граждане, которые оттуда хотят скорее уехать, которые сильно жалуются на жизнь. Сами они для этого усилий не прилагают, а на жизнь сильно жалуются. И тут чиновники радостно им говорят, что вам надо признавать свои дома аварийными, и тогда вы быстро все это получите (житель и представитель ТОС в районе Разгуляй).

Таким образом, статус аварийности в случае с Разгуляем действительно является тем самым «механизмом воздействия» – как для администрации, которая при его присуждении получит возможность освободить территорию под проектирование, так и для жителей, которые могут не признавать аварийность в смысле статуса даже при признании существенного физического износа здания. Отказ от признания дома аварийным связан либо с несогласием жителей на предложенные условия со сто-

роны администрации, либо с банальным нежеланием куда-либо переезжать. К тому же такая ситуация препятствует работе по поддержанию технического состояния зданий из-за неопределенности и длящейся борьбы за территорию.

КРТ как текущий вариант развития событий кажется жителям не самым плохим вариантом решения сложившейся проблемы. Например, это дает шансы на привлечение инвестора, который был бы заинтересован в сохранении местного уклада жизни. Если не удастся найти такого инвестора, то это хотя бы даст еще какое-то время, за которое, возможно, «правила станут чище». Для администрации же КРТ на территории Разгуляя может ускорить запуск преобразований, в какой-то степени упростив разрешение конфликта с жителями. Однако функция статуса аварийности и при КРТ остается той же – оправдание сноса зданий с разной степенью аварийности.

Сейчас появление КРТ становится универсальным механизмом разрешения споров о преобразовании «проблемных» территорий. Однако такие преобразования не могут происходить в случае точечных проектов расселения или при расширении пространств для уже существующихстроек – о чем будет сказано при анализе следующего кейса. Так, КРТ может являться легитимным решением проблемы развития территорий лишь в том случае, если правила будут понятны всем участникам. А пока эти правила взаимодействия остаются непроясненными, аварийный статус позволяет экономически заинтересованным акторам (в первую очередь застройщикам и администрации) освободить инвестиционно привлекательную территорию для нового строительства.

Кейс экстренного расселения дома (1.2)

Отличительными особенностями следующего кейса являются наличие у дома признаков аварийности, которые признаются администрацией и частью жителей дома; присужденный аварийный статус, с которым часть жителей не согласны; расположение дома на участке с высокой инвестиционной привлекательностью. Условия требуют дополнительного пояснения в том, как это комплексно влияет на ситуацию с рассматриваемым домом.

Дом находится на улице Куйбышева и примыкает к текущей стройке. Так его описывает местный муниципальный депутат:

У меня соображения такие: там рядышком серьезное большое идет строительство на территории бывшего завода, и я думаю, что им эта территория под застройку нужна. <...> Мэр, который владеет крупнейшим застройщиком ПЗСП, они там и строят в этом районе (представитель Общественной палаты, бывший муниципальный депутат).

Помимо стройки, на прилегающих территориях расположено еще немало зданий, обладающих аварийным статусом (рис. 2; тип №1, кейс 2). История

аварийности дома складывалась при участии нескольких акторов, основными из которых были жители и администрация города.

У них был внутри конфликт: жители долго судились за право в рамках капитального ремонта сохранить все свойства дома, восстановить трещины. Затем конфликт продолжился уже в присвоенном статусе аварийности, в котором все еще не все жители были согласны (представитель Общественной палаты, бывший муниципальный депутат).

Пока жители предпринимали попытки отремонтировать дом в рамках капитального ремонта, дому был присвоен статус аварийности, при котором по закону любые действия по капитальному ремонту останавливаются. Часть жителей, в частности те, которые добивались капитального ремонта, со статусом аварийности не согласились, хоть и не отрицали износа конструкций дома. Судебные процессы длились вплоть до 2023 года, пока в марте 2023-го ситуация вокруг дома не решилась следующим образом:

Экстремальный вариант – выселение через ЧС. Значит, 1 марта приезжает МЧС, оцепляет весь дом и стремительно выселяет всех жителей. В экстренном режиме людей выводят за руки, заклеивают подъезды, проблемно даже забрать свои вещи. Разом просто весь дом расселили. Вложили какую-то огромную сумму [в расселение]. Закон от 1 марта позволяет силком вытаскивать жителей без решения судов (представитель Общественной палаты, бывший муниципальный депутат).

Действительно, 1 марта 2023 года вступило в действие Постановление Правительства Российской Федерации от 19.09.2022 № 1654 «Об утверждении Правил проведения эвакуационных мероприятий при угрозе возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», которое позволяет в случае чрезвычайной ситуации эвакуировать людей из здания и ограничить в него вход. Постановление также обязывает эвакуировать жителей и обеспечить их временным жильем, что и было сделано.

Нельзя отрицать, что здание представляло опасность для жильцов: аварийность в виде критического износа конструкций подтверждалась всеми акторами процесса. Важно также, что ранее, в 2015 году, на той же улице Куйбышева обрушился угол аварийного дома № 103, построенного в 1957 году. Помимо потенциальной опасности, есть и другая оптика рассмотрения произошедшего:

Видимо, этот режим ЧС обнуляет конфликты между согласными и несогласными на аварийность. <...> И никаких решений суда не надо (представитель Общественной палаты, бывший муниципальный депутат).

Затянувшееся судебное разбирательство после процедуры эвакуации становится недействительным. Дом будет снесен, что подкрепляет опасения жителей об экономической мотивации в действиях администрации.

Воспользоваться опцией капитального ремонта удастся не всегда, притом что такие акторы, как муниципальный депутат или застройщик, часто говорят о предотвращении аварийности:

Но, смотрите, здесь все очень просто: чтобы аварийного здания не было, есть обязанность жителей по капитальному ремонту, они для этого платят деньги, правильно? Есть фонд капремонта, который деньги собирает, – значит, если дом стал аварийным, он не проходил капитальный ремонт. <...>

То есть есть фонд капитального ремонта, в который жители платят деньги, который должен отвечать за то, чтобы дома не изнашивались (представитель Общественной палаты, бывший муниципальный депутат).

Но, возвращаясь к случаю жилого дома на Куйбышева, 145, капитального ремонта добиться не удалось по причине, которую Фаина Минх, замминистра строительства и архитектуры и начальник управления жилищной политики Перми, в интервью изданию Properm.ru объясняет как: «Капитальный ремонт этих домов экономически нецелесообразен. Стоимость капремонта таких домов дороже стоимости расселения, потому что, чтобы отремонтировать капитально, нужно убрать все стены, половину фундамента» [Фаина Минх..., 2023].

Как мы видим из этого примера, жители могут попробовать оспорить или хотя бы приостановить решение о признании дома аварийным. Однако городская администрация по-прежнему обладает инструментами, которые позволяют ей обойти сопротивление жителей, когда ей это выгодно.

Тип № 2 «Оклеветанные дома»

Кейс оспаривания присвоения аварийного статуса

В отличие от описанного ранее кейса, где жители соглашались с высокой степенью износа конструкций здания и, более того, часть из них принимали статус аварийности, для данного кейса характерно наличие прямого конфликта, вызванного несогласием жителей с аварийностью здания.

Дом 1954 года постройки также расположен на улице Куйбышева, под номером 68 (рис. 2). Жители во главе с общественным деятелем подвергают сомнению основания для присвоения дому статуса аварийности: «Это достаточно крепкие здания. Если их просто привести в порядок – будет самый пре-

стижный район в Перми. Почему бы власти не поддержать такую инициативу?»⁴

Жители описывают присвоение аварийного статуса как неожиданность, случившуюся без участия жильцов дома, а по инициативе администрации. По закону это невозможно, так как заявку на оценку дома как аварийного может подать лишь владелец имущества, в лице которого может быть как житель, так и муниципалитет в случае неприватизированных квартир и подвальных помещений. Однако, по словам информанта, так и произошло: в 2021 году без согласия жильцов дома была проведена экспертиза для признания дома аварийным. Экспертизу из собственных средств заказал новый жилец, которым была куплена комната незадолго до подачи заявления. Далее выяснилось, что дома в округе были признаны аварийными в те же сроки: Куйбышева 39, 55, 67, 68-1, 68-2, 68-3, 69, 72, 73, 74, 80-3, Пионерская 7а. Инициаторами заявлений о присуждении статуса аварийности действительно являлись собственники или наниматели: в случае с домом № 68 заявителем стал новый жилец, а в случае с домом № 67 заявителем стала управляющая компания, в остальных случаях заявителем выступил муниципалитет.

Данная история получила широкое освещение в СМИ благодаря усилиям общественного деятеля, который отстаивал интересы жителей. Возможно, именно с этим связана некоторая политическая осведомленность жильцов, начавших процедуру оспаривания статуса аварийности через суд: «Люди недовольны тем, что дом, на проблемы которого много лет чиновники вообще не обращали внимания, вдруг их заинтересовал и стал аварийным. Жители убеждены, что фактически у них собираются забрать дорогостоящую землю в самом центре Перми в интересах какого-то крупного застройщика»⁵.

В процессе ознакомления с материалами СМИ нас заинтересовали несколько доводов, к которым жители аварийных домов обычно не обращаются в подобного рода конфликтах. Важными обстоятельствами этого случая стала политика уплотнения и проведение капитального ремонта. Основной причиной присвоения аварийного статуса жители видели стремление уплотнить застройку в этой части города, о которой также, но в позитивном ключе говорили застройщик и член Общественной палаты:

Градостроительство очень конфликтное, и много конфликтов было между застройщиками и жителями, потому что Пермь достаточно активно сейчас уплотняется. <...> То, что в градостроительной сфере полномочия забрали на уровень края, это энергию очень большую дало, потому что легче прини-

4. Из заявления жителей на встрече с администрацией [Земельный вопрос: зачем дома в самом центре Перми признают аварийными? Режим доступа: https://web.archive.org/web/20230313162428/https://primeru.net/policy_news/9759-zemelnyj-vopros-zachem-doma-v-samom-centre-permi-priznajut-avarijnymi.html (дата обращения: 18.05.2023).

5. Там же.

маются политические решения и застройка пошла намного интенсивнее (представитель Общественной палаты, бывший муниципальный депутат).

Высотное строительство Перми провоцирует комплекс городских конфликтов как между жителями, так и внутри градостроительного и научного сообществ. Нарушение градостроительных регламентов и неформальное разрешение строительства зданий, превышающих максимально допустимую этажность, не могло не сказаться на практиках аварийности. Высотный регламент действительно сдерживающий фактор практик присвоения аварийного статуса для сноса и нового строительства, так как он делает невыгодным строительство в центральных частях города, где действуют ограничения по высоте построек. Такая гибкая политика пермских регламентов, где неформальные правила позволяют изменять допустимую высотность, может способствовать практикам присуждения аварийного статуса жилым зданиям для последующего сноса без технической на то необходимости.

Ответственность фонда капитального ремонта по отношению к дому на ул. Куйбышева, 68 и прилегающим ему также отмечена в СМИ⁶. Дом № 68 был включен в программу капитального ремонта, жильцы ежемесячно оплачивали квитанции, пока в 2017 году ожидание ремонта не прервали в связи с постановлением о его исключении из программы по причине нецелесообразности ремонта домов 1930–1950-х годов постройки. Сейчас Закон Пермского края от 11 марта 2014 года № 304-ПК «О системе капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории Пермского края» (с изменениями на 2 марта 2023 г.) не содержит таких оговорок, но включить в программу дом со степенью износа конструкций более 70% невозможно.

С момента присуждения статуса аварийности информант и другие жители окружающих домов пока безрезультатно подают иски в суд на обжалование статуса. Ведутся переговоры с комиссиями по признанию домов аварийными, а также усилиями самих жителей проводятся работы по укреплению конструкций. За ситуацией продолжают следить местные СМИ и пермские градозащитники.

Тип № 3 «Подозреваемые дома»

Кейс отказа управляющей компании от дома

В отличие от ранее рассмотренных случаев, жилые здания этого типа не обладают высокой инвестиционной привлекательностью. При высокой привлекательности земли акторы имеют стимулы для вступления в противодействие в случае несогласия. Жители вступают в спор за присуждение статуса,

за размеры компенсаций, за выделение средств на ремонт из Фонда капитального ремонта. Администрация, инвесторы и застройщики также заинтересованы в развитии территорий или в извлечении прибыли, поэтому также прибегают к различным инструментам, таким как присвоение статуса аварийности или КРТ.

Но не все же территории подходят, то есть на самом деле есть много проблем на территориях, которые не интересны застройщикам. Вот это, наверное, проблема. Территории с вымершим фондом, где людям просто и жить не хочется, они могут быть неинтересны для дальнейшего освоения. Вот это вот самая главная проблема. И как здесь поступают, я не знаю, это чисто, наверное, государственное какое-то субсидирование и другие социальные программы (ведущий застройщик сферы жилищного строительства г. Перми).

Примечательно, что именно в таких случаях ситуацию принято описывать в терминах социальных программ: ответственность за аварийные строения полностью перекладывается на государство, способы решения проблемы аварийности сильно отличаются от тех, что применимы для инвестиционно-привлекательных участков. В других же случаях, где имеет место интерес разных акторов, процесс приходит к решению, пускай с разной скоростью и с разной степенью конфликтности. Говоря же о территориях, непривлекательных ни для кого из акторов и не способных мобилизовать жителей для отстаивания своих интересов, остается лишь обращаться к социальной ответственности государства.

Отказ от ответственности происходит в таких случаях не только на уровне акторов, но и на уровне медиаторов процесса, в роли которых зачастую выступают управляющие компании. Вновь обращаясь к ул. Куйбышева, но в более ранний период, когда строительство на этой территории еще не велось. В 2015 году Управляющая компания «Экво» (далее – УК) резонансно отказалась от ряда домов, которые были у нее в управлении после проведенного конкурса. Отказ произошел после случая обрушения дома на Куйбышева, 103, однако УК отрицает связь между этими событиями. Николай Косяков, директор управляющей компании, в интервью «Эхо Перми» 11 августа 2015 года сказал, что дома УК получила по конкурсу и заранее об их состоянии не была оповещена [В Перми управляющая компания..., 2015]: «Мы провели комплексное обследование домов. <...> Обращаю внимание на ситуацию с протеканием крыш, трещинами, оседанием стен да и в целом аварийности жилого фонда. <...> Я считаю, что здесь должны быть ответственны

6. Окончили билетку позором [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20220427134308/https://primeru.net/policy_news/6448-okonchili-pjatiletku-pozorom-iz-za-kogo-pravitelstvo-permskogo-kraja-ugodilo-v-sudy.html (дата обращения: 18.05.2023).

не только директора управляющих компаний. <...> В частности, мне кажется, что нужно привлекать к ответственности и администрацию, и собственников помещений. Потому что от них тоже многое зависит».

Сложившая ситуация усугубляется особенностями жилищной политики в Перми. По словам представителя городской администрации, правительство Перми старалось поощрять расселение проблемных домов в рамках краевой программы, что делало более вероятным присвоение аварийного статуса на тех территориях, где статусом уже обладали близко расположенные дома: «Когда национальный проект возобновился, от краевого не отказались, средства было решено направлять на ликвидацию жилья, признанного аварийным после 2017 года. Единственное, поставили условие муниципалитетам, что они должны таким образом подбирать дома, чтобы территориально здания находились в тех же планировочных районах, что и жилье, признанное аварийным до 2017 года. Для чего? Чтобы появилась привлекательная для инвестора территория, которую можно вовлечь в оборот» [Фаина Минх..., 2023].

Действительно, обращаясь к распределению зданий с аварийным статусом на карте Перми (рис. 1), можно заметить некоторые паттерны их концентрации. При описании практик рассмотрения обращений о расселении и присвоении аварийного статуса делается акцент на поощрении такой политики лишь в случае краевой программы, ведь «вовлечение земельных участков в оборот – это один из механизмов стимулирования жилищного строительства» [Фаина Минх..., 2023]. В действительности такой подход оказывается экономически эффективнее для всех акторов, заинтересованных в городских преобразованиях. Сомнения вызывает возможность разделять подходы к работе со статусом аварийности. Проводимая политика исключает социальную значимость программ, отчего множатся случаи опасного физического износа зданий без присвоения им аварийного статуса [Мы здесь не живем..., 2019]. Жильцы аварийных зданий, расположенных на непривлекательных территориях, добиваются присвоения статуса и расселения годами, прибегая в том числе к методам информационной борьбы [Мы здесь не живем..., 2019].

Тип № 4 «Непричастные дома»

Кейс попустительского отношения жителей к дому (4.1)

Блок работы предполагает описание дома не аварийного, находящегося на непривлекательной территории, однако интерес раскрытия ожиданий жителей вывел к интервью чуть более неоднозначному. Информантка проживает в не аварийном доме (рис. 2), который был построен в 1980 году на территории, примыкающей к активной и продолжительной стройке. Возможно, это обстоятельство способ-

ствовало большей осведомленности информантки об аварийности, а также возникновению опасений за свой дом.

Рассматриваемый микрорайон ДКЖ (Дворец культуры железнодорожников, устоявшееся название для части Дзержинского района) представлен застройкой различных годов, преобладающая часть которой возведена в 1950–1980-х годах. У домов постройки между 1950 и 1960 годами есть статус аварийности в абсолютном большинстве случаев, что необычно для ситуации в Перми. Согласно частому упоминанию в экспертных интервью и СМИ, район ДКЖ, как и Разгуляй (см. тип № 1), является территорией интереса для девелопмента. Как территория преобразований, ДКЖ упоминается с 2019 года. В частности, рассматриваются варианты по реализации таких масштабных городских проектов, как деловой квартал «Пермь-Сити» [До 2020 г. в Перми..., 2019], транспортно-пересадочный узел «Пермь II», автовокзал и жилой микрорайон на 14 тыс. жителей. Примечательно, что дома на этой территории получили аварийный статус в 2017–2018 годах.

Такие масштабные преобразования и резонанс в информационном поле подтолкнули нас к обсуждению темы аварийности с жителями, проживающими не в аварийных, но в ближайших к аварийным домам района ДКЖ. Информантка действительно знала об активной трансформации территорий и отмечала изменения, которые возникли за последние годы.

Активно это место почему-то застраивается. А еще аварийное... сейчас приступили уже к строительству с этими домами, уже каменными. Не знаю, насколько они аварийные (жительница дома на ул. Малкова, район ДКЖ).

При этом угрозы своему дому информантка не видит, кроме тех изменений, которые наступят при строительстве новой дороги и возведении выскоэтажных зданий:

Мне просто ближе маленькие дома, а строить вместо таких у нас принято многоэтажки (жительница дома на ул. Малкова, район ДКЖ).

Примечательно, что жительница дома в районе ДКЖ при ответе на вопросы об аварийности говорит про деревянные дома, а при упоминании «каменных» высказывает сомнение об их «действительной» аварийности, хотя в Перми статус аварийности есть у зданий вплоть до 1980 года постройки, а дом информантки 1969 года постройки. Возможно, именно такое представление об аварийности, присущей, по ее представлению, деревянному домостроению, и создает ожидание об отсутствии угроз ее дому. Что касается несения ответственности за поддержание здания в нормальном состоянии, информантка считает, что городская администрация должна нести

ответственность за капитальное состояние дома, а ТСЖ – лишь за косметический ремонт.

Ну, я думаю, что администрация должна нести ответственность за поддержание дома, конечно, потому что ТСЖ – это тоже такие же жители дома, которым поручено что-то там, как менеджеры, вот. Но такими глобальными вещами, наверное, они не могут заниматься (жительница дома на ул. Малкова, район ДКЖ).

Наше предположение о высокой осведомленности жителей, чье жилье находится вблизи активно трансформируемых территорий, не оправдалось. Подкованности, равно как и интереса к теме аварийности, в разговоре не обнаружилось. Наоборот, некоторые вопросы оказались для жительницы неожиданными.

Кейс ответственного отношения жителей к дому (4.2)

Жилой дом расположен в центральной части города, на ул. Екатерининской (рис. 2). Данный случай не является типичным, так как жители активно отстаивают необходимость проведения капитального ремонта. Представитель Общественной палаты, которая поддерживает жителей в этом вопросе, на неверное предположение об участии администрации в процессе ремонта возразила:

Нет, ничего это не администрация. Просто жителям надо в этом процессе достаточно активно участвовать. На самом деле вопрос воли и желания – доказывать необходимость того, что вам надо сделать это срочно, иначе у вас там, условно, ухудшится состояние дома (представитель Общественной палаты, бывший муниципальный депутат).

Дом также описывается как критически изношенный:

Вот на Екатерининской как раз в стадии капитального ремонта, и у них была такая же угрожающая ситуация. Выглядело это все не очень. Но аварийными их не признавали (представитель Общественной палаты, бывший муниципальный депутат).

Хотя жительница этого дома обозначает свой дом как не аварийный, а в «предремонтном состоянии». Согласно ее рассказу, капитальный ремонт жилого дома 1930-х годов не был проведен, как это было намечено, в 1990-е годы, а при попытке запустить ремонтные работы в 2017 году выяснилось, что дом стоит в очереди на капитальный ремонт на 2035 год. Будучи несогласными, жители на протяжении пяти лет самостоятельно искали возможности для ремонта, привлекали представителей администрации, фонда капитального ремонта, членов ГЦОП (МАУП

«ГЦОП» – муниципальное автономное учреждение культуры «Городской центр охраны памятников» г. Перми). Назвать процесс безрезультатным нельзя, однако пока что добиться многого не удалось.

За это время жителями были произведены попытки привлечения субсидии, которая им полагалась как объекту культурного наследия (далее – ОКН), статус которого был присужден в 2014 году без предварительных ремонтных работ, что жительница отмечает как упущение. Была также осуществлена попытка отремонтировать фундамент дома, которой жители добились от Фонда капитального ремонта, но успешной ее назвать трудно: ссылаясь на формализм со стороны Фонда капитального ремонта, жительница рассказала о неразберихе с собственниками подвальных коммерческих помещений, из-за неконтактности которых подрядчик задержал сроки исполнения проекта, из-за чего Фонд теперь отказывается выплачивать обещанную сумму.

В Перми реконструкцию жилых зданий выполняет Фонд капитального ремонта, взаимодействия с которым приходится добиваться с большим трудом. Возвращаясь к практикам дома на Куйбышева (см. кейс 1.2), где также, со слов бывшего муниципального депутата, шел процесс «выбивания» капитального ремонта, в данной практике с ОКН процесс вряд ли завершится аналогичным образом. Дело в том, что заявление ОКН аварийным не несет никаких инвестиционных выгод, а только обременения. Равно как и для жителей, расселение в данном случае не является желанным вариантом. Даже при условиях, которые в других случаях могли бы считаться весомой причиной для обращения за аварийным статусом. Например, при наличии трещин в фундаменте или столетних деревянных перекрытий. О трещинах в фундаменте жительница отзывается так:

Вдруг там было бы состояние, что действительно у нас все аварийно было, но мне так показалось, что нет. Мы тут живем, мы хотим дом сохранить как исторический памятник и как просто дом (жительница дома на ул. Екатерининская).

Эта практика поддержания дома уникальна. Во-первых, дом, находясь на инвестиционно-привлекательной территории, в состоянии высокого физического износа, остается без аварийного статуса и, следовательно, не подвержен угрозе сноса. Такое возможно из-за статуса ОКН, который не предполагает возможность сноса, а также ограничивает жителей в возможностях ремонта. Например, ограничения отражаются в возможностях выбора подрядчиков в связи с необходимой экспертизой подрядчика для работы с такими объектами. Жители также прибегают к неформальной практике даже не отказа, но умалчивания об аварийности и использовании этого аргумента лишь тогда, когда это отвечает их целям. Жители сохраняют субъектность в решениях по поводу ремонта своего дома, несмо-

тря на его состояние и все формальные условия, при которых жить в доме перестанет быть возможным. Говоря об аварийности, жительница подытоживает:

Мы опасались, что, когда обследовать начнут, такое найдут, что мы справиться не сможем. То есть мы скорее опасались, что, наоборот, дом признают аварийным, что нас расселить могут, но пока что нет, не было такого и не предвидится (жительница дома на ул. Екатерининская).

Заключение

Высокая степень физического износа жилого здания вовсе не означает наличия у дома аварийного статуса, и, наоборот, наличие статуса не всегда свидетельствует о действительном физическом износе. Принципиальная непрозрачность объекта регулирования – степени аварийности здания – приводит к тому, что стороны⁷ получают возможность манипулировать аварийным статусом, интерпретируя физический износ в нужном для себя ключе. Для жителей манипуляция аварийным статусом выражается в сдерживании преобразования территорий для предотвращения расселения, через отрицание (тип № 1 «Приговоренные дома») или умалчивание аварийности (тип № 4 «Непричастные дома»), а также попыток поддержания дома за счет капитального ремонта. Для администрации манипуляция аварийным статусом является инструментом преобразования территории, через присвоение аварийного статуса вне зависимости от решения жителей (тип № 1 «Приговоренные дома» и № 2 «Оклеветанные дома») и избегание признания аварийности жилья на невыгодных к преобразованию территориях (тип № 3 «Подозреваемые дома»).

Зачастую жители не несут ответственность за поддержание дома до столкновения с аварийностью («Непричастные дома»: кейс 4.1). Часто это вызвано либо незнанием, либо стремлением переложить ответственность за поддержание дома на других – городскую администрацию и Фонд капитального ремонта. Однако по мере вовлечения в проблематику аварийности жители включаются в процесс принятия решения об аварийности дома («Приговоренные дома»: кейс 1.1). Баланс сил между жителями и администрацией может сохранять статус-кво до тех пор, пока не возникает сторонний инвестор, претендующий на территорию («Приговоренные дома»: кейс 1.1).

Привлекательность территории, как условие заинтересованности администрации в присвоении

аварийного статуса, проверялась в работе как одна из гипотез. Важным выводом стало то, что привлекательность территорий является не менее важным фактором для самих жителей, что сказывается на их линии поведения. В зависимости от степени привлекательности жители либо оказывают, либо не оказывают сопротивление планам по присвоению аварийного статуса. На привлекательных территориях жители объединяются против присвоения их дому аварийного статуса, а также стараются привлечь Фонд капитального ремонта для поддержания дома в надлежащем состоянии.

Аварийный статус является инструментом преобразования территорий при условии расселения дома. Именно из-за опасений по поводу расселения жители, даже будучи согласными с высокой степенью износа дома, могут отказываться от аварийного статуса, чтобы остановить или хотя бы замедлить планируемые преобразования. В свою очередь администрация пытается использовать аварийный статус как инструмент развития территории, инициируя присвоение статуса и дальнейший снос здания. Такое использование статуса существует в случаях привлекательности земли для всех акторов (тип № 1 «Приговоренные дома» и № 2 «Оклеветанные дома»).

Примечательно, что лишь на территории, где экономически заинтересованный актор оказался не способным реализовать инвестиционные цели, жители смогли отказаться от присвоения аварийного статуса. Например, в кейсе, где жилой дом является объектом культурного наследия, жители, признавая высокий износ конструкций, но не признавая аварийность, сопротивляются присвоению аварийного статуса и обращаются за содействием в Фонд капитального ремонта. В подобных ситуациях жители могут умалчивать факт аварийности дома, также как и администрация.

В альтернативном случае (тип № 3 «Подозреваемые дома»), когда территория не является привлекательной ни для жителей, ни для администрации, процесс расселения замедляется или вовсе стопорится. Это происходит по причине единственно возможного исхода после присвоения статуса – расселения дома. Жители могут быть не привязаны к территории, и в таком случае присвоение статуса является способом решения проблемы аварийности ввиду потенциального расселения. Напротив, администрация не заинтересована в присвоении статуса по той же причине – из-за расходов на снос и расселение.

Подводя итог, отметим, что институт аварийности закрывает пробелы градостроительных политик

7. Первоначально мы выделяли трех основных акторов, участвующих в функционировании института аварийности: жителей, администрацию и застройщика. Важным выводом работы стало исключение застройщика из числа непосредственных акторов в связи с его неучастием в принятии решений. До 2019 г., пока работала программа РЗТ (развития застроенных территорий), застройщик мог участвовать в переговорах с другими акторами: договариваться с жителями о выкупе, выполнять снос и расселение для будущего строительства при согласовании с администрацией. Сейчас, после отказа от РЗТ, ключевыми акторами процесса остаются только жители и администрация.

с помощью неформальных правил и практик. Мы видим, что использование статуса аварийности зачастую не направлено на решение изначально заявленной проблемы – расселение жилых домов с высокой степенью износа конструкций. Отход института аварийности от изначальной цели свидетельствует об отсутствии легитимного способа работать с застроенными территориями в инвестиционных целях. С одной стороны, городская политика неприкрыто диктует вектор развития территорий, обусловленный инвестиционной привлекательностью. С другой стороны, мы наблюдаем патерналистские политики реновации жилищного фонда, которые через политику заботы освобождают жителей от ответственности за изношенное жилье, но одновременно лишают их субъектности в принятии решений. На наш взгляд, субъектность жителей является ключевой составляющей недопущения аварийности жилых зданий, а также более равномерного распределения сил между акторами в условиях продолжения городской политики, обусловленной преимущественно экономической выгодой.

Источники

- В Перми управляющая компания отказывается от обслуживания 50 опасных домов (2015) // *echoperm.ru*. Режим доступа: <https://echoperm.ru/news/261/138981/> (дата обращения: 18.05.2023).
- Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г. (2013) Факторы неравномерного развития российских городов // *Вестник Московского университета*. Серия 5. География. № 2. С. 54–60.
- Грац Р. (1995) *Город в Америке: жители и власти* / Пер. с англ. В. Глазычева. М.: Ладья.
- Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. (2019) *Базар и город: люди, пространства, образы*. Иркутск: *Ottisk*.
- Гудзь Т.В. и др. (2020). *Правовое зонирование. Регулирование городской застройки. Опыт Перми*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020.
- До 2020 г. в Перми снесут аварийные кварталы в районе ДКЖ (2019) // *newsko.ru*. Режим доступа: <https://www.newsko.ru/news/nk-5262061.html> (дата обращения: 22.05.2023).
- Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. (2008) *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр.
- Малиновский Б. (1997) *Функциональная теория // Антология исследований культуры*. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга.
- Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. (2012) Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // *Вестник Московского университета*. Серия 5. География. № 2. С. 26–31.
- «Мы здесь не живем, мы здесь выживаем». В Перми жильцы дома с дырами в крыше боятся не дожидаться расселения // *zvezda.su*. Режим доступа: [https://zvezda.su/society/2019/my_zdes_ne_zhivem_my_zdes_vyzhivaem_v_permi_zhil_tsy_doma_s_dyrami_v_kryshe_boyatsya_ne_dozhdatsya_rasseleniya_386?searched=%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9%D0%BD%D0%BE%D0%B5&advsearch=oneword&highlight=ajaxSearch_highlight+ajaxSearch_highlight1](https://zvezda.su/society/2019/my_zdes_ne_zhivem_my_zdes_vyzhivaem_v_permi_zhil_tsy_doma_s_dyrami_v_kryshe_boyatsya_ne_dozhdatsya_rasseleniya) (дата обращения: 22.05.2023).
- Норт Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики* / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Панеях Э.Л. (2003) Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. закон применяемый // *Политическая наука*. № 1. С. 33–52.
- Панеях Э.Л. (2001) Формальные правила и неформальные институты их применения в российской экономической практике // *Экономическая социология*. Т. 2. № 4. Р. 56–68.
- Скотт Д. (2005) *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условия человеческой жизни*. М.: Университетская книга.
- Тимошкин Д.О. (2020) «Вас здесь больше не живет»: Внутренняя колонизация и городские политические режимы Иркутска и Красноярска в городских медиа // *Полития*. Т. 96. № 1. Р. 98–116.
- Тимошкин Д.О. (2022) Памятник vs ветхость: как городские сообщества используют маркеры прошлого в борьбе за «право на город» в Иркутске // *Социологическое обозрение*. Т. 21. № 3. Р. 155–173.
- Трубина Е.Г. (2013) *Примиряясь с упадком: руины 2.0 // Не-прикосновенный запас*. Т. 89. № 3. Р. 175–194.
- Трущенко О.Е. (1995) *Престиж Центра: городская социальная сегрегация в Москве*. М.: Socio Logos.
- Фаина Минх рассказала, как происходит процесс расселения аварийного жилья в регионе (2023) // *Properm.ru*. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZD90kwVoDBX7L1le> (дата обращения: 18.05.2023).
- Brushett K. (2007) *Where Will the People Go: Toronto's Emergency Housing Program and the Limits of Canadian Social Housing Policy, 1944–1957* // *Journal of Urban History*. Vol. 33. № 3. Р. 375–399.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017) *The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015* // *Antipode*. Vol. 49. № 2. Р. 294–313.
- Cirolia L.R. (2014) *South Africa's Emergency Housing Programme: A Prism of Urban Contest. Development Southern Africa*. Vol. 31. № 3. Р. 397–411.
- Junhua L. (1997) *Beijing's Old and Dilapidated Housing Renewal* // *Cities*. Vol. 14. № 2. Р. 59–69.
- Paredes D., Skidmore M. (2017) *The Net Benefit of Demolishing Dilapidated Housing: The Case of Detroit* // *Regional Science and Urban Economics*. № 66. Р. 16–27.
- Peshkov V.V., Gertsekovich D.A., Gorbachevskaya L. (2019) *Dilapidated and dilapidated housing in the aspect of the Federal project "Ensuring sustainable reduction of uninhabitable housing"* // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. Vol. 667. № 1. Р. 012075.
- Procupez V. (2015) *The Need for Patience: The Politics of Housing Emergency in Buenos Aires* // *Current Anthropology*. Vol. 56. № S11. Р. S55–S65.
- Shaldunova N., Denisova N., Starenkova O., Seturidze D., Podkovyrova M. (2021) *Planning the Reorganization of Territories with Dilapidated Housing Stock for Social Infrastructure: Case Study of Perm, Russia* // *E3S Web of Conferences*. Vol. 258. Р. 06045.
- Shin H.B. (2010) *Urban Conservation and Revalorisation of Dilapidated Historic Quarters: The Case of Nanluoguxiang in Beijing* // *Cities*. № 27. Р. S43–S54.
- Zhang Y., Fang K. (2003) *Politics of Housing Redevelopment in China: The Rise and Fall of the Ju'Er Hutong Project in Inner-City Beijing* // *Journal of*

Housing and the Built Environment, Vol. 18. № 1. P. 75–87.
Zupan D., Smirnova V., Zadorian A. (2021) Governing through stolichnaya praktika: Housing renovation from Moscow to the regions//Geoforum. Vol. 120. № 2. P. 155–164.

ASSIGNING “EMERGENCY STATUS” TO PERM HOUSING STOCK: INFORMAL RULES AND THE EXPECTATIONS OF ACTORS

Angelina V. Filip, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: lina.filip.spb@gmail.com

Konstantin P. Glazkov, Candidate of Sociological Sciences, Independent scientist.
E-mail: glazkov.konst@gmail.com

The problem of emergency housing is a complex organization of social relations which includes the motivations of residents, administrations, and developers, their expectations, as well as the rules and practices that shape the assigning of emergency status. Emergency status is not only used to actually capture the physical condition of a building, but also incorporates other circumstances in which the status is either assigned to a residential building or not. This paper describes the occurrence of emergency situations and the conditions under which they occur. We test the assumption that the emergency status of a residential building is not determined only by the degree of its physical deterioration, but also depends on the economic attractiveness of the neighborhood, the motivation of residents, legal restrictions and urban planning regulations, other houses in the area with emergency status, and other circumstances. The city of Perm, which underwent a transformation of its central districts in connection with its 300th anniversary in 2023, was chosen as a case study to describe the specifics of the emergency status of housing. The empirical part of the study relies on eight semi-structured interviews with residents of such buildings, local politicians, activists, housing policy experts, representatives of the Territorial Association of Owners, the developer, and the Perm city administration. In order to fully cover the variations in the workings of assigning emergency status, we constructed a typology of “emergency” housing, which covers four types according to the presence of emergency status and the residents’ perception of emergency status. The narrative is organized around a detailed analysis of cases which falls into one of the identified types.

We conclude that the informal rules of assigning emergency status result from the desire to compensate for dysfunctional urban policy instruments. The current state of affairs leads to emergency status regulations becoming a tool of manipulation in urban relations and they are often aimed not at the problem housing itself, but at the development of territories. An important role is played by residents, who in different circumstances either challenge or seek the assignment of emergency status to their buildings, guided not only by the high degree of wear and tear of buildings, but also by the attractiveness of the territory.

Keywords: emergency status regulations; emergency status; renovation; major repair; integrated development of territories; Perm

Citation: Filip A.V., Glazkov K.P. (2024) Assigning “Emergency Status” to Perm Housing Stock: Informal Rules and the Expectations of Actors. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp. 64–81. DOI: DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202464-81> (in Russian)

References

- «My zdes’ ne zhivem, my zdes’ vyzhivaem». V Permi zhil’tsy doma s dyrami v kryshe boyatsya ne dozhdat’sya rasseleniya [«We Don’t Live Here, We Survive Here». In Perm, Residents of a House with Holes in the Roof Fear Not Living to See Resettlement] (2019). zwezda.su. Available at: https://zvezda.su/society/2019/my_zdes__ne_zhivem_my_zdes__vyzhivaem_v_permi_zhil_tsy_doma_s_dyrami_v_kryshe_boyatsya_ne_dozhdat_sya_rasseleniya_386 (accessed: 22.05.2023). (in Russian)
- Brushett K. (2007) Where Will the People Go: Toronto’s Emergency Housing Program and the Limits of Canadian Social Housing Policy, 1944–1957. *Journal of Urban History*, vol. 33, no 3, pp. 375–399.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017) The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015. *Antipode*, vol. 49, no 2, pp. 294–313.
- Cirolia L.R. (2014) South Africa’s Emergency Housing Programme: A Prism of Urban Contest. *Development Southern Africa*, vol. 31, no 3, pp. 397–411.
- Do 2020 g. v Permi snesut avariinnye kvartaly v raione DKZh [By 2020, Dilapidated Quarters Near DKZh Will Be Demolished in Perm] (2019). newsko.ru. Available at: <https://www.newsko.ru/news/>

- nk-5262061.html (accessed: 22.05.2023). (in Russian)
- Faina Minkh rasskazala, kak proiskhodit protsess rasseleniya avariinogo zhil'ya v regione [Faina Minkh Explained How the Process of Resettlement from Dilapidated Housing Takes Place in the Region] (2023). Properm.ru. Available at: <https://dzen.ru/a/ZD90kwVoDBX7L1le> (accessed: 18.05.2023). (in Russian)
- Golubchikov O.Yu., Makhrova A.G. (2013) Faktory neravnomernogo razvitiya rossiiskikh gorodov [Factors of Uneven Development of Russian Cities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, no 2, pp. 54–60. (in Russian)
- Gratz R. (1995) Gorod v Amerike: zhiteli i vlasti [The Living City]/Trans. from English by V. Glazychev. Moscow: Lad'ya. (in Russian)
- Grigorichev K.V., Dyatlov V.I., Timoshkin D.O., Bryazgina D.E. (2019) Bazar i gorod: lyudi, prostranstva, obrazy [Bazaar and City: People, Spaces, Images]. Irkutsk: Ottisk. (in Russian)
- Gudz' T.V. et al. (2020) Pravovoe zonirovaniye. Regulirovaniye gorodskoi zastroiki. Opyt Permi [Legal Zoning. Regulation of Urban Development. Perm Experience]. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- Jorgensen M.V., Phillips L.J. (2008) Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse Analysis as Theory and Method]. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr (in Russian)
- Junhua L. (1997) Beijing's Old and Dilapidated Housing Renewal. *Cities*, vol. 14, no 2, pp. 59–69.
- Makhrova A.G., Golubchikov O.Yu. (2012) Rossiiskii gorod v usloviyakh kapitalizma: sotsial'naya transformatsiya vnutrigorodskogo prostranstva [Russian City under Capitalism: Social Transformation of Inner-City Space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, no 2, pp. 26–31. (in Russian)
- Malinovskii B. (1997) Funktsional'naya teoriya [Functional Theory]. *Antologiya issledovaniy kul'tury. Vol. 1: Interpretatsii kul'tury*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga. (in Russian)
- North D. (1997) Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]/Trans. from English by A.N. Nesterenko. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala». (in Russian)
- Paneyakh E.L. (2001) Formal'nye pravila i neformal'nye instituty ikh primeneniya v rossiiskoi ekonomicheskoi praktike [Formal Rules and Informal Institutions of Their Application in Russian Economic Practice]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 2, no 4, pp. 56–68. (in Russian)
- Paneyakh E.L. (2003) Neformal'nye instituty i formal'nye pravila: zakon deistvuyushchii vs. zakon primenyaemyi [Informal Institutions and Formal Rules: Law in Force vs. Law in Action]. *Politicheskaya nauka*, no 1, pp. 33–52. (in Russian)
- Paredes D., Skidmore M. (2017) The Net Benefit of Demolishing Dilapidated Housing: The Case of Detroit. *Regional Science and Urban Economics*, no 66, pp. 16–27.
- Peshkov V.V., Gertsekovich D.A., Gorbachevskaya L. (2019) Dilapidated and Dilapidated Housing in the Aspect of the Federal Project «Ensuring Sustainable Reduction of Uninhabitable Housing». *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, vol. 667, no 1, p. 012075.
- Procupez V. (2015) The Need for Patience: The Politics of Housing Emergency in Buenos Aires. *Current Anthropology*, vol. 56, no S11, pp. S55–S65.
- Scott J. (2005) Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provialivalis' proekty uluchsheniya usloviya chelovecheskoi zhizni [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow: Universitetskaya kniga. (in Russian)
- Shaldunova N., Denisova N., Starenkova O., Seturidze D., Podkovyrova M. (2021) Planning the Reorganization of Territories with Dilapidated Housing Stock for Social Infrastructure: Case Study of Perm, Russia. *E3S Web of Conferences*, vol. 258, p. 06045.
- Shin H.B. (2010) Urban Conservation and Revalorisation of Dilapidated Historic Quarters: The Case of Nanluoguxiang in Beijing. *Cities*, no 27, pp. S43–S54.
- Timoshkin D.O. (2020) «Vas zdes' bol'she ne zhitet»: Vnutrennyaya kolonizatsiya i gorodskie politicheskie rezhimy Irkutsk i Krasnoyarska v gorodskikh media [«You Don't Live Here Anymore»: Internal Colonization and Urban Political Regimes of Irkutsk and Krasnoyarsk in Urban Media]. *Politiya*, vol. 96, no 1, pp. 98–116. (in Russian)
- Timoshkin D.O. (2022) Pamyatnik vs vetkhost': kak gorodskie soobshchestva ispol'zuyut markery proshlogo v bor'be za «pravo na gorod» v Irkutsk [Monument vs. Dilapidation: How Urban Communities Use Markers of the Past in the Struggle for the «Right to the City» in Irkutsk]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 21, no 3, pp. 155–173. (in Russian)
- Trubina E.G. (2013) Primiryayas' s upadkom: ruiny 2.0 [Coming to Terms with Decline: Ruins 2.0]. *Neprikosnovennyi zapas*, vol. 89, no 3, pp. 175–194 (in Russian).
- Trushchenko O.E. (1995) Prestizh Tsentra: gorodskaya sotsial'naya segregatsiya v Moskve [Prestige of the Center: Urban Social Segregation in Moscow]. Moscow: Socio Logos. (in Russian)
- V Permi upravlyayushchaya kompaniya otkazyvaetsya ot obsluzhivaniya 50 opasnykh domov [In Perm, Management Company Refuses to Service 50 Dangerous Houses] (2015). [echoperm.ru](https://echoperm.ru/news/261/138981/). Available at: <https://echoperm.ru/news/261/138981/> (accessed: 18.05.2023). (in Russian)
- Zhang Y., Fang K. (2003) Politics of Housing Redevelopment in China: The Rise and Fall of the Ju'er Hutong Project in Inner-city Beijing. *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 18, no 1, pp. 75–87.
- Zupan D., Smirnova V., Zadorian A. (2021) Governing Through Stolichnaya Praktika: Housing Renovation from Moscow to the Regions. *Geoforum*, vol. 120, no 2, pp. 155–164.

Приложение 1. Список информантов

№	Описание информанта	Тип аварийности	Дата интервью	Продолжительность
И1	Информант, заинтересованный в теме аварийного жилья. Широко осведомлен как о действительных процедурах, так и о различных случаях аварийности, капитального ремонта	Принимала участие в процессе аварийности в доме типа №4 «Непричастные дома», кейс 4.2	11.05.2023	1 час 20 минут
И2	Ведущий застройщик сферы жилищного строительства, в прошлом активный участник городских отношений в рамках РЗТ	–	15.05.2023	45 минут
И3	Жительница дома, находящегося в процессе ремонта. Участница инициативной группы по сохранению и обновлению конструкций дома	Тип №4 «Непричастные дома», кейс 2	24.05.2023	50 минут
И4	Жительница дома, расположенного вблизи активно трансформирующейся территории ДКЖ	Тип №4 «Непричастные дома», кейс 1	25.05.2023	25 минут
И5	Житель аварийного дома, представитель ТОС «Разгуляй»	Тип №1 «Приговоренные дома», кейс 4.1	09.05.2023	2 часа 10 минут
И6	Общественный деятель, участник одного из кейсов	Тип №2 «Оклеветанные дома»	01.04.2022	45 минут
И7	Пермский эксперт и автор научных статей на тему пермского градостроительства	–	10.04.2022	1 час 30 минут
И8	Городской планировщик, участник команды новых правил землепользования застройки Перми	–	18.04.2023	1 час

Коммерческий ландшафт как среда (вос)производства аутентичности пространства

Ксения Калашникова

В настоящее время мы являемся свидетелями широких эстетических изменений, происходящих в городах. Города уделяют внимание своему образу, который привлекал бы не только туристов, но и молодых образованных людей в качестве места для работы и жизни. В таком месте должно быть то, что соответствует их вкусам и представлениям о себе, то, что обогатит опыт проживания в городе. И важная часть такого места – это коммерческие точки, например кофейни, в которых можно расположиться с ноутбуком, или бар, в котором можно провести вечер. Привлекательность городов зависит от способности производить впечатление [Гилмор, Пайн, 2009].

Заведения, продающие впечатления, обращаются зачастую к идее аутентичности, которая имеет давние корни, но наиболее интересен с точки зрения социальных наук период ренессанса этого понятия, который имел место в философской традиции в 70-х годах прошлого века. С точки зрения ряда философов, аутентичность – это состояние согласованности с природным началом, тогда как общество рассматривается как источник угрозы этому состоянию [Taylor, 2003; Trilling, 1972]. Злободневность проблемы аутентичности во многом определяется современным положением вещей, где западное общество переполнено подделками и симулякрами [Бодрийяр, 2015]. В этой реальности ничего «настоящего» не осталось, а мир «расколдован». Именно в этом ощущении «ненастоящности» и «искусственности» повседневности социальные ученые находят причины стремления современного западного человека к аутентичности, его потребности в «настоящем», которую при этом вполне возможно удовлетворить. Например, посетив экзотическую страну, или отправившись на ретрит в составе нью-эйдж-группы, или потребляя нечто «настоящее», не поддельное, не массовое: настоящий кашемировый свитер, настоящий деревенский сыр, изготовленный по традиционной технологии, и т.п.

Калашникова Ксения Николаевна, научный сотрудник, отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (ИЭОПП СО РАН), Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17; старший преподаватель, Новосибирский государственный университет, Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
E-mail: Kalashnikova345@mail.ru

Бизнес как субъект территориальных отношений производит важную часть городской среды – коммерческий ландшафт. Однако процесс производства такого пространства зачастую проблематизируется в нескольких аспектах: в одних случаях дизайн коммерческих точек создает «визуальный шум», в других – угнетающее сходство с любым другим джентрифицированным пространством. И структура коммерческого ландшафта, и его визуальный облик зависят во многом от того, обращается ли бизнес к идее аутентичности, и если да, то каким образом. В статье была поставлена цель выявить спектр проявлений аутентичности, (вос)производимых коммерческим ландшафтом в контексте различных пространств города Новосибирска. В исследовании представлен результат теоретического синтеза, в котором с точки зрения концепции Анри Лефевра рассматривается, как в процессе производства пространства бизнес обращается к различным проявлениям аутентичности, которые могут основываться на потенциале, накопленном в материальной среде пространства, а могут опираться на представления о стиле и инновационности, основанные на вкусах и стилях жизни горожан.

Ключевые слова: коммерческий ландшафт; бизнес; аутентичность; городское пространство; идентичность

Цитирование: Калашникова К.Н. (2024) Коммерческий ландшафт как среда (вос)производства аутентичности пространства // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 82–90. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202482-90>

Коммерческий ландшафт – это значимая часть городской среды, которая производится бизнесом как субъектом территориальных отношений. Ритейл – это часть коммерческого ландшафта, ориентированная на конечного потребителя [Аксенов, Зиновьев, Морачевская, 2019]. Он вынужден быть крайне гибким, реагируя на трансформацию потребительских вкусов, так как от этого зависит его успех, он тесно связан с повседневностью людей, и в то же время в нем находят отражение глобальные тенденции.

Но в отношении коммерческого ландшафта и пространства, в котором он находится, существует масса проблем. Например, в российском контексте одна из самых обсуждаемых эстетических проблем в экспертной (и не только) среде – это «визуальный шум», когда представители бизнеса перекрывают исторические здания своими кричащими вывесками [Плиева, 2023; Шмидт, 2023]. На Западе обсуждается иной аспект коммерческого ландшафта. Акцент делается на том, что подобные пространства поглощены крупными сетями, вытесняющими малый бизнес, и даже если они соблюдают дизайнкод, такой коммерческий ландшафт создает впечатление удручающего сходства с любым другим джентрифицированным пространством [Guimarães, 2021; Wesener, 2016], ориентированным исключительно на платежеспособных горожан [Зукин, 2019]. В случае восточных стран (например, Китая) проблема универсализации ландшафта также является одной из основных. Сценарии джентрификации в Китае также включают уничтожение традиционных торговых и дизайнерских форматов и замену их на кофе-шопы, барбершопы, траттории и т.д. [Сао, 2023]. При этом «новый средний класс», состоящий из молодых образованных китайцев, склонен проводить время в заведениях в «западном» стиле.

В данной статье предпринята попытка построения теоретической схемы, которая позволяла бы анализировать проявления аутентичности, (вос)производимые коммерческим ландшафтом в контексте различных городских пространств. В первой части статьи представлены результаты теоретического синтеза, во второй части – иллюстрации спектра проявлений аутентичности, основанные на авторских визуальных данных города Новосибирска, а также отзывах на коммерческие точки¹.

Многоликая аутентичность

Слово «аутентичный» было выбрано в качестве главного слова 2023 года словарем Вебстера [Merriam-Webster Word of the Year 2023, 2023], и в статье, посвященной этому событию, указывается многозначность термина. «Аутентичный» – это и синоним реального и настоящего; а также верность своей личности, духу или характеру. Важный момент, который указывается в этой статье, – ценность аутентичности, то, что у слова в целом позитивный коннотативный ряд.

Для философской трактовки, в частности, характерно рассмотрение аутентичности с объективистской точки зрения, где природа – источник «настоящего» в человеке, а «предписания общества искажают бытие человека и разрушают его аутентичность» [Trilling, 1972, p. 138]. С точки зрения маркетинга аутентичность стимулирует потребление, это характеристика, обеспечивающая «покупку на основе соответствия представлениям о самом себе» [Гилмор, Пайн, 2009, с. 5].

В поле социологических исследований аутентичность может рассматриваться в различных контекстах. В исследованиях субкультур, например, аутентичность важна с точки зрения выявления маркеров «настоящих» их представителей, отличия их от позёров, тогда как «поиск аутентичности – исследовательский термин, подразумевающий процессы, происходящие в молодежных (суб)культурах/сценах/солидарностях, которые под влиянием внешних и внутренних обстоятельств вынуждены преобразиться и (пере)определять свои ключевые, сущностные характеристики» [Литвина, 2019, с. 326]. Также в качестве примера можно привести исследование этнических вопросов, в котором «этнокультурная аутентичность – это презентация и воспроизводство локальных особенностей группы или индивида в иной культурной и социальной среде» [Давыдов, 2006, с. 17]. Из области исследования пространств города в качестве примера можно привести знаковую работу Шэрон Зукин «Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств» [Зукин, 2019]. Аутентичность в ней понимается двояко: первый аспект связан с пространствами как объектами потребления со стороны ценителей историчности, локальности и крутизны; второй аспект связан с правом жить в пространстве, а не по-

1. Использованы отзывы, оставленные в городском информационном сервисе 2GIS: <https://2gis.ru/novosibirsk>.

Таблица 1. Жанры аутентичности

Предложение	Жанр	Описание	Пример
Материалы	Естественная	Не тронутый руками человека, первозданный, натуральный, не искусственный, не синтетический	Косметика с натуральными ингредиентами
Товары	Оригинальная	Уникальный, первый в своем роде, акцент на истоки происхождения бренда или товара	Кофейня «МаксиМ» открылась в 2002 году и стала первой в Уральском федеральном округе
Услуги	Эксклюзивная	Индивидуальный подход, ручная работа, то, что сделано небольшой партией, эксклюзивно и необычайно, специально для кого-то	Лимитированные серии, ручная работа
Опыт	Референциальная	Относится к какому-то культурному контексту, вдохновлен человеческой историей или использует наши общие воспоминания и ностальгию	Ирландский паб, китайская чайная церемония, ленинградская пышечная
Трансформации	Влиятельная аутентичность (Influential authenticity)	Обращение к ценностям, социальная миссия: «Делать людей и мир лучше»	Благотворительный магазин, центр сообщества на базе магазина

треблять его и иметь возможность «пустить корни» там, где живешь.

В целом подходы, к которым обращаются исследователи аутентичности, можно условно разделить на несколько видов. И соответственно выделяются виды аутентичности пространства, которые отличаются тем, где их стремятся обнаружить. Первый подход – объектно-ориентированная, или «музейная», аутентичность (*museological authenticity*). В этом смысле аутентичными являются подлинные объекты, и для того, чтобы обосновать этот факт, необходима экспертиза, работа с документами и т.д. Такие объекты обладают особой «аурой» в трактовке Беньямина [Беньямин, 1996] и способны производить эффект соприкосновения с настоящей историей.

Второй вид – субъектно-ориентированная, или экзистенциальная, аутентичность (*existential authenticity*). Согласно этой трактовке, объект является аутентичным, если он таким ощущается, а аутентичность – это потенциальное состояние бытия, которое люди активируют, когда переживают опыт в поисках «аутентичного себя» [Wang, 1999, p. 363].

Третий вид – перформативная аутентичность (*performative authenticity*). Она отличается вниманием к практикам. Аутен-

тичность пространства выражается не объектами и не формируется внутри сознания людей, а состоит том, как люди осваивают пространство, что они в нем делают: «Аутентичность создается посредством процесса «аутентификации», который происходит на основе телесного опыта посетителя <...> это интерактивное, реляционное измерение аутентичности» [Freitag, Carlà-Uhink, Anton Clavé, 2023, p. 82].

Однако в контексте изучения коммерческого ландшафта эти трактовки аутентичности кажутся неэффективными, поскольку коммерция априори рассматривается как то, что связано с деньгами и товаром, а значит, ненастоящее, то, что отделяет нас от природы. Так, Лайонел Триллинг писал: «Деньги – причина неаутентичного в человеческом бытии» [Trilling, 1972, p. 124]. Такая же точка зрения разделяется и Дином МакКанелом, который сформулировал концепцию постановочной аутентичности в туристическом опыте: «граница между подлинной структурой и поддельной – это сфера коммерции» [MacCannell, 1999, p. 155]. И что парадоксально, к такой же мысли обращается и маркетолог Джозеф Пайн, который посвятил целую книгу использованию идеи аутентичности в бизнес-целях: «Потому что все компании – это

Рис. 1. Схема связи производства пространства, коммерческого ландшафта и типов аутентичности
 Источник: составлено автором.

искусственные объекты; весь бизнес связан с деньгами; весь бизнес – это использование машин, и все эти вещи делают что-то неаутентичное»².

Но если же мы обратимся к так называемым релятивистским трактовкам аутентичности, то все меняется: «Выше мы видели <...>, как современная культура аутентичности скатывается к мягкому релятивизму. Это придает дополнительную силу общей презумпции субъективизма в отношении ценности: вещи имеют значение не сами по себе, а потому, что люди считают, что они <...> являются значимыми, либо <...> просто чувствуя, что это значимо. Это безумие» [Taylor, 2003, p. 36]. Упомянутый выше Джозеф Пайн перемещает свойство аутентичности с конкретных объектов, которые обладают им или нет, на опыт, который непосредственно переживает конкретный человек. Он отмечает, что такой вещи, как неаутентичный опыт, не существует, потому что это реакция человека и «пока мы в каком-то смысле являемся аутентичными людьми, тогда каждый наш опыт является аутентичным»³.

В книге «Аутентичность. Чего по-настоящему хотят потребители» Гилмор

и Пайн показывают, как происходит эволюция потребительских вкусов и как гибкая структура бизнеса подстраивается под нее [Гилмор, Пайн, 2009]. Если изначально потребителей интересовали прежде всего доступность товаров и услуг, затем их стоимость, а затем качество, то, по их мнению, сегодня основной запрос связан с аутентичностью. Гилмор и Пайн выделяют пять жанров аутентичности, обращаясь к которым бизнес может создавать у потребителя то самое желанное ощущение «настоящего» (табл. 1. [Гилмор, Пайн, 2009]).

Таким образом, коммерческие точки могут обращаться к аутентичности как идее самыми разными способами, и не обязательно они связаны с воспроизводством локальных особенностей. В данном исследовании под аутентичностью понимается социальная характеристика пространства, означающая его подлинность в восприятии акторов, обладающая ценностью и (вос)производимая через пространственные практики жителей и бизнеса на основе вкусов и стилей жизни потенциальных потребителей, а также экспертных представлений о прошлом.

2. См. выступление Джозефа Пайна на конференции TED «Чего хотят потребители?»: [Pine, 2004]. Pine J. (2004) What Consumers Want // TED. February 2004. Режим доступа: https://www.ted.com/talks/joseph_pine_what_consumers_want/transcript (дата обращения: 24.11.2024).

3. Там же.

Связь производства пространства и коммерческого ландшафта

В качестве основы теоретической схемы выступает концепция социального производства пространства Анри Лефевра [Лефевр, 2015]. Пространство, согласно его теории, производится на нескольких уровнях (рис. 1). И каждому из этих уровней, по нашему мнению, соответствуют определенные представления об аутентичности. На уровне репрезентаций пространства – формальные представления об аутентичности и основания отнесения к наследию, аутентичность как характеристика объекта, которую выявляют эксперты. На уровне репрезентаций пространства – экзистенциальная аутентичность. Места «настоящие», потому что к ним есть эмоциональная привязка, они соответствуют идентичности, в них можно оставаться «самим собой» в рамках своего повседневного опыта.

Согласно Лефевру, процесс производства пространства включает в себя три измерения и соответственно три способа связей с пространством: осмысление в ментальном пространстве, восприятие физического пространства и переживание социального пространства. Этим измерениям соответствуют субъекты: профессионалы, производящие ментальные конструкции; жители города, производящие нерелексируемый, живой повседневный опыт. Эти субъекты и другие агенты производят пространственную практику, которая создает материальный и социальный слой пространства, трансформируя его. Эта практика также «тесно связывает в воспринимаемом пространстве повседневную реальность (времяпрепровождение) и реальность городскую (маршруты и сети, соединяющие места работы, частной жизни и досуга)» [Лефевр, 2015, с. 52]. Среди важнейших агентов производства пространственной практики выступает бизнес.

Коммерческий ландшафт во всех проявлениях – ориентированный и на конечного потребителя (ритейл), и на представителей бизнеса – является важной частью города. Это не только материальное выражение процессов, происходящих в городской и мировой экономике, но и маркер, по которому можно понять вкусы и потребности горожан. Коммерческие точки не находятся в вакууме, они включены в локальные социальные отношения и погружены в накопленный исторический контекст. За счет этого формируется, во-пер-

вых, структура коммерческих точек, которая может воспроизводить аутентичность пространства, когда, например, в исторически промышленном районе воспроизводится высокое предложение промышленной продукции.

Во-вторых, характер привязанности бизнеса к конкретному месту определяет визуальный срез ландшафта, который регламентируется различными правовыми средствами (например, дизайн-кодом). От того, как выглядят бизнес-точки, во многом зависит, как ощущается район: как центральный или как периферийный, как провинциальный или как столичный. Люди, являющиеся потенциальными потребителями, практики, которые они реализуют в пространстве города, их вкусы и то, что является для них триггером покупки, определяют, на чем в дизайне и в позиционировании делается акцент: на доступности, цене, качестве или аутентичности. Аутентичность как ценность, выступающая в качестве объекта потребления, может выражаться по-разному: и за счет подчеркивания укорененности бизнеса как исторически неотъемлемой части места; и как показатель экологичности, стильности, инновационности и непривязанности при этом к идее конкретного места либо выражающий связь с далекими местами и культурами, но производящий вместе с тем экзистенциальную аутентичность.

Отношения бизнеса и территории зачастую конфликтны, потому что бизнес может как воспроизводить аутентичность конкретного места, так и производить новую, не обязательно согласующуюся с интересами «коренных» жителей. И выступать в качестве инструмента вытеснения.

Итак, во-первых, рассматривая коммерческий ландшафт, можно охарактеризовать и глобальные тенденции, и людей, являющихся его целевой аудиторией. Существует связь стилей жизни горожан с тем, будет ли бизнес делать акцент на аутентичности и на какой именно.

Во-вторых, существует неоднородность в способах обращения к аутентичности. Бизнес может как обращаться к накопленному в материальных объектах или пространственных практиках потенциалу коммерциализации, воспроизводя аутентичность, либо производя аутентичность другого порядка, связанную с характеристиками «настоящего», как его представляет себе аудитория.

Наконец, в-третьих, между коммерческими интересами и городским простран-

Рис. 2. Кормушка и «меню» для белок, новосибирский Академгородок
Источник: фотографии автора.

ством нередко возникает конфликт. Он характеризуется гомогенизацией пространств, уничтожением их самобытности, а также растущим неравенством в доступе к аутентичности как к ценности и благу.

Примеры проявлений аутентичности в коммерческом ландшафте

Не пытаюсь пока показать их место в сравнительной аналитической схеме, коротко опишем проявления аутентичности, которые находят выражение в городском пространстве Новосибирска. Коммерческие точки, иллюстрирующие различные проявления аутентичности, выбраны в результате авторских наблюдений, которые производились в двух районах Новосибирска: городском центре и Академгородке. Эти районы привлекательны для гостей города и его жителей с точки зрения прогулок, посещения заведений и потребления атмосферы. В них можно увидеть широкий спектр визуальных средств, в которых проявляется идея аутентичности. Также визуальные данные были дополнены текстами отзывов на коммерческие точки⁴.

Первый пример – это кофейня «Белый стриж» в новосибирском Академгородке. В ней наблюдается позиционирование места как обладающего *естественной аутентичностью*, которое подкрепляется представлением о новосибирском Академгородке как «зеленом» пространстве. Эти представления связаны с определенными пространственными практиками, проявлениями *перформативной аутентичности* места, например прогулка-

ми, подкармливанием животных и т.д. Эти практики и обыгрываются в дизайне коммерческой точки (рис. 2).

Также «зеленый» статус Академгородка становится основой для пространственной практики экологического сообщества, горожан, разделяющих схожие ценности защиты окружающей среды и практикующих стиль жизни, который отличается бережным потреблением. Коммерческие точки, обращаясь к таким ценностям, репрезентируют *влиятельную аутентичность*. В качестве примера можно привести благотворительный магазин Gusto. Восприятие его как аутентичного места находит отражение и в отзывах: «Обожаю Густо всей душой. Здесь и про разумное потребление, и про вторую, третью, десятую жизнь отличным вещам в противовес быстрой моде и неограниченному потреблению. Про очень душевных консультантов и помощь людям в сложной ситуации. Про дружбу с братьями нашими меньшими – собаками. Про обеспечение приютов ветошью. А еще про такое тесное и бесконечно любимое академовское комьюнити. Все про всех знают, рассказывают, помогают. Круто осознавать, что ты хоть самую капельку, но тоже помогаешь делать этот мир лучше. Люблю».

Сочетание оригинальной аутентичности бренда и «музейной» аутентичности пространства может проиллюстрировать ресторан Garden, который находится в центре Новосибирска (рис. 3). В данном случае указание на статус памятника создает эффект истинности и «ауры», к которому для подкрепления собственной оригинальности обращается ресторан. Статус памятника подчеркивается в отзывах как

4. Тексты отзывов найдены в сервисе 2ГИС: <https://2gis.ru/novosibirsk>.

Рис. 3. Вывеска ресторана Garden, Новосибирск
Источник: фотография автора.

одно из преимуществ ресторана: «Атмосферное местечко, да и еще и в здании архитектурного памятника!».

Референциальная аутентичность бренда может основываться на отсылках к истории того пространства, где он располагается, акцентировать внимание на том, что было в месте расположения коммерческой точки раньше. В качестве примера можно привести Центр дизайна «Мельница», в названии которого отражено прошлое функциональное назначение здания. Референциальная аутентичность тем не менее может отсылать к чему-то очень далекому физически, но создавать при этом тот самый опыт, который воспринимается как настоящий, — экзистенциальную аутентичность. В качестве примера можно привести ряд заведений в центре Новосибирска.

В оформлении и названии студии цветов La Rose угадывается обращение к культуре Франции (рис. 4). Однако, несмотря на то что все понимают, что перед ними симуляция Эйфелевой башни, это не мешает ей стать настоящей достопримечательностью: «Мой первый респект “Ля роз” — уже за то, что их фотозона перед магазином на Ленина давно стала местной достопримечательностью, без которой невозможно представить центр Новосибирска».

Очевидно, что семейный ресторан Trattoria la trenta (рис. 4) — не в Италии, но это не мешает ему быть как в Италии: «Классическая итальянская trattoria с пиццей, пастой, закусками и вином. Помещение маленькое, но уютное; удалось то, что мало у кого получается, — передать настоящий дух Италии. Приятно удивили цены».

Спрос на аутентичность проявляет себя также в форме магазинов, реализующих

товары ручной работы. Эксклюзивная аутентичность товаров, представленных в таких коммерческих точках, основана на авторстве изделий, ручном изготовлении, для усиления эффекта даже приводят мини-биографии мастеров. Подобные магазины есть и в центре Новосибирска, и в новосибирском Академгородке. Они манят желающих приобрести *настоящее* и *уникальное*, зачастую в подарок, и их присутствие в городском пространстве говорит о том, что, во-первых, есть мастера, которые обладают навыками ручной работы и готовы коммерциализировать их; во-вторых, есть покупатели таких вещей, ценящие эксклюзивность и готовые за нее платить именно в этом месте.

Заключение

В пространственной практике, объединяющей в себе и повседневность жителей пространства, и коммерческие предложения, проявляются различные виды аутентичности. Они могут как отсылать к истории, делать акцент на символах той материальной среды, в которой функционируют, так и производить аутентичность иного порядка. В нем находят отражение «новые начала» пространства, связанные со стилем, современным образом жизни, ценностями и космополитичной идентичностью.

Коммерциализация аутентичности еще не стала массовым феноменом в Новосибирске, его городская среда не пестрит еще вывесками аутентичных ресторанов, проблема символического и физического вытеснения стоит не столь остро. Но люди стремятся проводить время в тех местах, которые соответствуют их идентичности, и уже сейчас можно проследить, как, с одной стороны, вкусы обеспеченного и мобильного класса и, с другой стороны, усилия бизнеса формируют облик точек притяжения в городе. В этих пространствах производятся и попытки актуализации и осмысления прошлого, и отсылки к заведениям из Европы и Азии, и призыв к этичному потреблению. Но что находится за пределами точек притяжения? Какие проявления аутентичности периферии российских городов можно с удивлением обнаружить? Или же периферийные районы захвачены сетевыми гигантами и их объединяет угнетающее сходство?

В данной статье нет однозначных ответов, ее цель, скорее, пригласить к размышлению о роли бизнеса в городской среде с точки зрения (вос)производимой аутен-

Рис. 4. Заведения
в центре Ново-
сибирска
Источник: фото-
графии автора.

тичности. Насколько практика, осуществляемая бизнесом как субъектом территориальных отношений, обладает конфликтным потенциалом и возможен ли баланс между уникальностью и гомогенизацией; репрезентацией корней места и «новых начал».

Источники

- Аксенов К.Э., Зиновьев А.С., Морачевская К.А. (2019) Роль ритейла в трансформации микрорайонного принципа организации городской среды//Известия РАН. Серия Географическая. № 3. С. 13–27.
- Беньямин В. (1996) Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М.: Медиум.
- Бодрийяр Ж. (2015) Симулякры и симуляция. М.: Издательский дом «Постум».
- Гилмор Д.Х., Пайн Д. (2009) Аутентичность: чего по-настоящему хотят потребители. СПб.: BestBusinessBooks.
- Давыдов В.Н. (2006) Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности//Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 9. № 3. С. 93–109.
- Зукин Ш. (2019) Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств. М.: Издательство Института Гайдара.
- Лефевр А. (2015) Производство пространства. М.: Strelka Press.
- Литвина Д.А. (2019) Что значит быть настоящим: молодежные культуры в поисках аутентичности//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 324–341.
- Плиева Е.Н. (2023) Проблемы развития научно-популярного туризма: расширение границ путешествий через образование//Экономика и социум. Т. 108. № 5. С. 703–708.

- Шмидт К.Ю. (2023) Феномен утраты уникальности архитектурной среды малого постсоветского города (аксиологический и онтологический аспекты)//Общество: философия, история, культура. Т. 6. № 10. С. 72–77.
- Cao L. (2023) Consuming 'Authenticity'? Reinterpreting the 'New Middle Class' In China Through the Lens of Retailing Changes//Urban Studies. Vol. 60. № 3. P. 501–518.
- Freitag F., Carlà-Uhink F., Clavé A.S. (2023) Key Concepts in Theme Park Studies: Understanding Tourism and Leisure Spaces. New York: Springer International Publishing.
- Guimarães P.P. C. (2021) Unfolding Authenticity within Retail Gentrification in Mouraria, Lisbon//Journal of Tourism and Cultural Change. P. 1–20.
- MacCannell D. (1999) The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Oakland, CA: University of California Press.
- Merriam-Webster Word of the Year 2023 (2023)//Merriam-Webster. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/word-of-the-year> (дата обращения: 24.11.2024).
- Pine J. (2004) What Consumers Want//TED. February 2004. Режим доступа: https://www.ted.com/talks/joseph_pine_what_consumers_want/transcript (дата обращения: 24.11.2024).
- Taylor C. (2003) The Ethics of Authenticity. Harvard University Press.
- Trilling L. (1972) Sincerity and Authenticity. Harvard University Press.
- Wang N. (1999) Rethinking Authenticity in Tourism Experience//Annals of Tourism Research. Vol. 26. № 2. P. 349–370.
- Wesener A. (2016) 'This Place Feels Authentic': Exploring Experiences of Authenticity of Place in Relation to the Urban Built Environment in the Jewellery Quarter, Birmingham//Journal of Urban Design. Vol. 21. № 1. P. 67–83.

THE COMMERCIAL LANDSCAPE AS A MEDIUM FOR THE (RE)PRODUCTION OF SPATIAL AUTHENTICITY

Kseniia N. Kalashnikova, Research Associate, Department of Social Problems, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IEIE SB RAS), 17 Akademika Lavrentyeva Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Senior Lecturer, Novosibirsk State University, 1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation.
E-mail: Kalashnikova345@mail.ru

Businesses, and the commercial landscape as a whole, are an important part of the urban environment. However, in some cases the design of commercial outlets creates “visual noise”; in others it has a depressing resemblance to any other gentrified space. The structure of the commercial landscape and its visual appearance depend largely on whether and how a business uses the idea of authenticity. This paper identifies the range of manifestations of authenticity (re)produced by the commercial landscape in various spaces of the city of Novosibirsk. This article presents the result of a theoretical synthesis from the concept of Lefebvre. It considers how, in the process of producing space, a business turns to manifestations of authenticity, which can be based on the potential accumulated in the material environment of space, or can be based on ideas about the style and innovation of the tastes and lifestyles of city residents.

Keywords: commercial landscape; business; authenticity; urban space; identity

Citation: Kalashnikova K.N. (2024) The Commercial Landscape as a Medium for the (Re)Production of Spatial Authenticity. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp 82–90. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202482-90> (in Russian)

References

- Aksenov K.E., Zinoviyev A.S., Morachevskaya K.A. (2019) Rol' riteyla v transformatsii mikroraionnogo printsipa organizatsii gorodskoy sredy [The Role of Retail in the Transformation of the Microdistrict Principle of Urban Environment Organization]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no. 3, pp. 13–27. (in Russian)
- Baudrillard J. (2015) Simulakry i simulyatsiya [Simulacra and Simulation]. Moscow: Postum Publishing House. (in Russian)
- Benjamin W. (1996) Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti: izbrannyye esse [The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility: Selected Essays]. Moscow: Medium. (in Russian)
- Cao L. (2023) Consuming 'Authenticity'? Reinterpreting the 'New Middle Class' in China Through the Lens of Retailing Changes. *Urban Studies*, vol. 60, no. 3, pp. 501–518.
- Davydov V.N. (2006) Kul'turnaya autentichnost' i korennyye narody: institutsional'nye protsessy i politika identichnosti [Cultural Authenticity and Indigenous Peoples: Institutional Processes and Identity Politics]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 9, no. 3, pp. 93–109. (in Russian)
- Freitag F., Carlà-Uhink F., Clavé A.S. (2023) Key Concepts in Theme Park Studies: Understanding Tourism and Leisure Spaces. New York: Springer International Publishing.
- Gilmore D.H., Pine D. (2009) Autentichnost': chego po-nastoyashchemu khotyat potrebiteli [Authenticity: What Consumers Really Want]. Saint Petersburg: BestBusinessBooks. (in Russian)
- Guimarães P.P. C. (2021) Unfolding Authenticity within Retail Gentrification in Mouraria, Lisbon. *Journal of Tourism and Cultural Change*, pp. 1–20.
- Lefebvre H. (2015) Proizvodstvo prostranstva [The Production of Space]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)
- Litvina D.A. (2019) Chto znachit byt' nastoyashchim: molodyezhnye kul'tury v poiskakh autentichnosti [What It Means to Be Real: Youth Cultures in Search of Authenticity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 1, pp. 324–341. (in Russian)
- MacCannell D. (1999) The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Oakland, CA: University of California Press.
- Merriam-Webster Word of the Year 2023 (2023). Available at: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/word-of-the-year> (accessed: 24.11.2024).
- Pine J. (2004) What Consumers Want. TED, February 2004. Available at: https://www.ted.com/talks/joseph_pine_what_consumers_want/transcript (accessed: 24.11.2024).
- Plieva E.N. (2023) Problemy razvitiya nauchno-populyarnogo turizma: rasshirenie granits puteshestviy cherez obrazovanie [Problems of Developing Popular Science Tourism: Expanding Travel Boundaries Through Education]. *Ekonomika i sotsium*, vol. 108, no. 5, pp. 703–708. (in Russian)
- Schmidt K. (2023) Fenomen utraty unikal'nosti arkhitekturnoy sredy malogo postsovetского goroda (akt-siologicheskii i ontologicheskii aspekty) [The Phenomenon of the Loss of Uniqueness in the Architectural Environment of a Small Post-Soviet City (Axiological and Ontological Aspects)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, vol. 6, no. 10, pp. 72–77. (in Russian)
- Taylor C. (2003) The Ethics of Authenticity. Harvard University Press.
- Trilling L. (1972) Sincerity and Authenticity. Harvard University Press.
- Wang N. (1999) Rethinking Authenticity in Tourism Experience. *Annals of Tourism Research*, vol. 26, no. 2, pp. 349–370.
- Wesener A. (2016) 'This Place Feels Authentic': Exploring Experiences of Authenticity of Place in Relation to the Urban Built Environment in the Jewellery Quarter, Birmingham. *Journal of Urban Design*, vol. 21, no. 1, pp. 67–83.
- Zukin S. (2019) Obnazhenny gorod. Smert' i zhizn' autentichnykh gorodskikh prostranstv [Naked City: Death and Life of Authentic Urban Spaces]. Moscow: Gaidar Institute Press. (in Russian)

Городские кластеры: от трансформации индустриальности к трансформации концентрации

Наталья Азаренкова

Современную городскую повестку все сложнее представить без такого явления, как кластеры. Креативный хаб на месте бывшей промзоны является обязательным атрибутом как центрального мегаполиса, так и небольшого регионального образования; университеты и бизнес-центры соревнуются в организации IT-кластеров и технопарков, новый жилой комплекс брендируется как кластер услуг; каждое обустроенное и обогащенное инфраструктурой пространство получает название «кластер». В результате сегодня мы сталкиваемся с феноменом разнообразных экспериментальных практик, в то же время затрудняющих терминологическое и теоретическое осмысление кластера. Во многом поэтому лишенным внимания остается тот факт, что кластер является закономерным выражением актуальных процессов городских трансформаций.

Со времен «пространственного поворота» в городских науках большее внимание уделяется влиянию урбанизма на ткань города. В работах Анри Лефевра, Мишеля де Серто, Сеты Лоу, представителей критической урбанистики, пространство воспринималось как одна из форм выражения власти и влияния социальных групп и классов, что особенно остро проявлялось в вопросах планирования. Все градостроительные трансформации так или иначе связаны с изменениями в экономической жизни, и кластеры не являются исключением. Другой вопрос, что общепринятым является представление о кластере как о результате развитой и высокоплотной среды – так, в конфигурации объединений фирм Майкла Энрайта и Майкла Портера идея кластера оказала влияние на изменение системы расселения и отдельных городов в эпоху неолиберализма, хотя за почти 200-летнюю историю своего существования сама она претерпела существенные изменения. В то же время кластер гораздо реже возникает в проблемной области подходов к городскому развитию. Рассмотрение его как инструмента

Азаренкова Наталья Дмитриевна, старший преподаватель, кафедра архитектуры общественных зданий, Московский архитектурный институт (Государственная академия) (МАРХИ), Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 11/4, корп. 1, стр. 4.
E-mail: yuna2508@yandex.ru

Статья представляет попытку определения городского кластера как пространственного феномена, который рассматривается в контексте позднеиндустриального перехода в экономике города, сопровождающегося дисперсией производительных сил. Соответствующие изменения в территориальном аспекте, описанные в теории в рамках «пространственного поворота» в социологии и антропологии города, составляют базу для формирования гибридных форм городской организации. Утверждается, что как экономические кластеры в свое время стали источником трансформации индустриального процесса, так формы городских кластеров в пространстве ставят под вопрос актуальность традиционных форм концентрации.

В исследовании проводится анализ эволюционного развития теории кластеров и выявляется сохраняющаяся двойственность кластера и его методический потенциал. Критика современной терминологии показывает, что описание кластера на основе свойств не позволяет выделить уникальные сущностные характеристики данного инструмента, поэтому дается определение городского кластера на основе метода его организации. Автор анализирует конкретные примеры организации кластеров в урбанизированных образованиях разного масштаба в отечественной и зарубежной практике и выявляет особенности влияния подобных образований на ткань города. Изученные примеры позволяют сформулировать основные генеративные свойства кластера и сделать вывод о его инновационной пространственной сущности, а также рассмотреть перспективы его применения как инструмента городского развития.

Ключевые слова: городской кластер; позднеиндустриальная трансформация; трансформативный потенциал; комбинирование; распределенная концентрация

Цитирование: Азаренкова Н. Д. (2024) Городские кластеры: от трансформации индустриальности к трансформации концентрации // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 91–109. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202491-109>

трансформации остро проявляет пробелы в терминологическом и методическом осмыслении кластера, а в теоретическом наталкивает на мысль, что кластеры еще не завершили тот самый «пространственный поворот»: если в экономических науках и географии терминология и свойства четко обозначены и закреплены, то градостроительство и урбанистика только подступают к термину, пытаются определить, каким языком описать кластер и его пространственное выражение.

Целью данного исследования является выявление кластера как пространственного феномена, определение его свойств и роли как в экономических, так и в градостроительных трансформациях. Предполагается, что в практическом аспекте кластер запускает процессы развития городской среды и может использоваться как инструмент ее комплексного преобразования, а с теоретической точки зрения проявляет в пространстве принципы комбинирования и гибридации, характерные для тенденций смежных наук.

Позднеиндустриальная дисперсия городов

Основные тенденции современных городских трансформаций и актуальные формы урбанизации являются результатом определенных экономических отношений. В условиях участвовавших кризисных явлений неоллиберальной экономики городские теории на разные лады поднимают единую проблему, которую можно охарактеризовать как «трансформацию индустриальности».

За последние полвека в работах экономистов говорилось о конце эпохи товарного производства, переходе к созданию услуг и прочих «нематериальных» областей, что в общих чертах оформилось в концепцию постиндустриальности, постматериализма. В частности, указывалось, что ключевым в новой экономической модели становится не машинное взаимодействие, а связи, коммуникации людей в процессе интеллектуального производства [Белл, 2004]. Происходила не только «дематериализация» производства, но и его дробление вместе с уменьшением размеров техники, возможностями все более компактного хранения информации, персонализацией компьютеров, рабочих мест и технологических процессов. Считалось, что такие экономические сдвиги способны устранить традиционные факторы общественного развития, сделать знания новой

формой валюты и разрешить социальные антагонизмы XX века [Гэлбрейт, 2004]. Человек, как главный создатель знания, и среда, в которой он трудится, призванная способствовать творческому процессу, делали, как представлялось теоретикам, невозможным любую несправедливость и неравенство. Из подобных рассуждений вытекала концепция новизны – то есть необходимость непрерывного креативного процесса и его уникальных результатов – процесса, принципиально отличного от массового производства [Тоффлер, 2002]. Обилие же нововведений задавало тенденцию к дифференцированности всего окружения: от техники до сообществ.

Многие критиковали оптимистичные представления теоретиков постиндустриальности прежде всего за нереалистичность прогнозов. Несмотря на то что информационные технологии проникли во все сферы нашей жизни, они все же продолжают иметь основание в реальности и напрямую зависят в стабильности своей работы от материальной основы (*hardware*) и человеческого труда, а сфера науки и технологий не играет ведущей роли в мировом производстве [Юсов, 2011]. Далеким от реальности оказалось и устранение индустриального производства, которое на деле было перенесено в менее развитые страны. Даже знание того, чьи нематериальные потоки должны были пронизать и объединить все глобальное человечество, оказалось зависимо в своем течении от собственников платформ научных публикаций, строгих норм охраны авторства и прав использования. А в развитых и развивающихся странах отказ от производства привел и приводит к снижению степени экономической стабильности и качества производимых устройств, существованию инновационности как самоцели [Багрова, 2017].

Очевидное усугубление неокOLONIALных тенденций, неравенства, глобализации и сверхэксплуатации не позволяют говорить о постиндустриальности и посткапитализме, но могут называться поздней индустриальностью. И в характеристике этой эпохи, наряду с экономическими проблемами, вновь остро встает вопрос социальной справедливости, которая как в мировом масштабе, так и на уровне государств все теснее связывается с особенностями местоположения, доступа к ресурсам, информации, возможностями занятости и коррелирует с процессами урбанизации. Возросшее внимание теоретиков к человеку как фактору новейшего

производства не могло не отразиться на видении его как важного актора трансформации городской среды. Новый урбанизм в работах выявлял потенциал городских сообществ как значимых акторов городских отношений [Лефевр, 2002]. Технологическое развитие приносило повышение гибкости и мобильности человека, большой подвижности процессов и пронизанности ткани городских образований, ее поддерживающей [Кастельс, 2000]. Критический урбанизм находился в поисках основного субъекта развития, революционного преобразования городской среды [Brenner, Schmid, 2015]. Совмещая социальные теории с политэкономическим анализом, неомарксистские исследования приходили к выводу, что «урбанизм становится одной из составляющих производственных отношений, тесно переплетающейся с политической организацией пространства и общественными отношениями» [Харви, 2019, с. 387].

Проще говоря, извлечение прибыли из различных составляющих сложного организма города рассматривается как источник трансформации городской ткани. Тенденция капиталистических форм к ломке пространственных границ все плотнее вовлекала пространственные факторы в создание экономических форм, когда особые характеристики территории позволяли извлекать дополнительную выгоду. Помимо того что новые креативные отрасли, существующие в городе, концентрируются на уникальных товарах – от предметов роскоши до трендовых вещей, – для их расположения повсеместно выбираются участки «с историей»: недействующие заводы, порты, объекты или комплексы наследия. Эти формы французские социологи назвали «бассейнами обогащения», а их наиболее современное выражение – кластеры [Болтански, Эксер, 2021].

И неolibеральные, и критические теории в целом выявляют основные тенденции современного процесса позднеиндустриальной трансформации:

1. Производственная занятость в развитых странах заменяется сервисной, то есть теми отраслями, продукт которых больше схож с услугой (в том числе информационные технологии, креативные отрасли и т.д.).
2. Ключевую роль в позднеиндустриальном производстве играет концепция новизны и непосредственно зависящая от нее прибыль информационного и креативного сектора.

3. Возрастание количества и роли коммуникаций и, как следствие, решение проблем в процессах на основе сетевой модели управления.
4. Дробление структуры производства при ее одновременной концентрации в собственности глобальных корпораций.
5. Дисперсия и разобщение рабочих общностей и, как следствие, распределение производства в пространстве при едином производственном процессе.
6. Главной актуальной эффективной формой существования производства в пространстве становятся кластеры.

В кластере, помимо связи производства и пространства, обоснованной теоретически и подтверждаемой эволюционно, мы находим свое измерение проблемы «трансформации индустриальности». В свое время производство, как и город, всегда было формой концентрированного расположения сил и продуктов производства. Так что в пространственном смысле речь идет о трансформации концентрации. Этот путь кластер показывает и в своем историческом развитии, ведь эта концепция за 200 лет своего существования претерпела серьезные изменения.

Источники и эволюция кластерной теории

Идея концентрации предприятий на определенной территории зародилась в середине XIX века. Ограниченное развитие логистики делало транспортные издержки одними из самых существенных проблем производства. Вопрос повышения эффективности промышленности, таким образом, находился в максимально возможной территориальной близости такого сочетания, как ресурсы – производственные мощности – рынки сбыта [Гранберг, 2003]. Характеристика территориального размещения этого сочетания получило название промышленных районов в трудах Альфреда Маршалла. Эта концепция реализовалась в поисках потенциальных районов локализации промышленности как с экономической, так и с географической точки зрения. Она дала ряд теорий геометрического характера [Лёш, 2007] и предвосхитила направление региональных исследований.

Свое наивысшее развитие комбинирование производств на территории получило в теоретических трудах и практике со-

ветской школы экономической географии. Территориально-производственные комплексы не только продолжали идею промышленных районов, но и развивали ТПК как градообразующее формирование, форму планирования и усовершенствования географического и территориального разделения труда [Малов, 2006; Пилипенко, 2011]. Определенные исторические условия, в которых ТПК использовались советскими планировщиками для освоения пустующих территорий и развития системы расселения, до сих пор создают впечатление громоздкости и технократичности. Хотя идеолог ТПК Н. Н. Колосовский вкладывал в эту категорию большой смысл, усматривая в комплексе «взаимобусловленное (соподчиненное) сочетание производственных предприятий и сельтыбы (населенных мест) либо на ограниченной территории (локальные комплексы), либо на территории экономического района или подрайона (районные комплексы)» [Колосовский, 1969, с. 142]. Потенциал перехода ТПК от исключительно индустриального к социально-производственному комплексу был развит представителями казанской (Н. И. Блажко) и сибирской (М. К. Бандман) школ экономической географии, которые создали математические модели для параметризации всех характеристик и процессов в ТПК [Бандман, 1980]. Воплотить этот механизм не удалось по причине крайне ограниченных вычислительных мощностей в 1960–1970-х годах и изменением в экономических ориентирах позднего СССР.

Реинкарнацию кластера дала ветвь западных исследователей-регионалистов, которые отталкивались от маршалловской концепции и в условиях рыночной конкуренции пытались отыскать свои особые эффекты концентрации предприятий [Марков, 2015]. Зарождение нового течения *кластеров-коалиций* было связано с уже упомянутым периодом восторга от информационных технологий, доминированием концепции новизны и практической целью конкуренции за рынки этих высоких технологий. Продолжая идею полюсов роста [Boudeville, 1966], концепция региональных преимуществ имела в своей основе идею культивации неравенства между регионами и территориями в экономическом и глобально-политическом смысле. В сущности, была разработана сильно урезанная и рыночно обусловленная форма индустриального кластера, что видно из следующего определения: «Кластер – это географически достаточно компактная

группа коммерческих и некоммерческих организаций, связанных общностью хозяйственной деятельности, а также оказывающие на данную группу влияние правительственные структуры и пространственные организации» [Портер, 2005].

Заложенное в теории разделение регионов на более или менее развитые, а значит, более или менее способные к высокотехнологичным и наукоемким разработкам вызвало критику кластеров как проводников нарождающегося глобального неравенства, однако в то же время обнаруживало двойственный, противоречивый характер кластера. Как формирование, нацеленное на глобальный рынок, кластеры фирм конкурировали за высококвалифицированную рабочую силу и наиболее передовые разработки. Как локальное образование, кластер в области обслуживания, материального обеспечения и логистики использовал местные активы, ресурсы, рабочую силу, не являясь при этом резидентом и инвестором в собственно среду [Rosenfeld, 2003]. Даже среди апологетов кластеров-коалиций большое внимание уделялось вопросам индивидуальных связей, коммуникативных систем, прочность и интенсивность которых определяли качество разработок [Кастельс, 2000]. А критики открыто заявляли, что главным ресурсом кластеров являлись сообщество, а частные собственники и корпорации препятствовали наиболее полному выражению эффективности кластера. Словом, социально-производимые кластеры занимались отчуждением труда сообщества, объединенного по интересам, квалификации и территориальной принадлежности.

Современный период кластеров знаменует вслед за тенденцией слияния товарного производства и производства городского пространства появление городских кластеров, которые разнообразны и неканоничны. Одни из них квазипроизводственны: работают на основе особой идентичности места (туристические функции и др.), формируются из инфраструктурных объектов (торговые кварталы и пр.), выполняют роль третьих мест и выступают как форма борьбы сообщества за городское пространство (локальные парки и скверы). Другие специализируются на креативных отраслях и выражают наиболее измельченные дисперсные формы позднеиндустриального производства. То есть ключевое значение приобретают характеристики территории, на которой кластер размещен. [Söllvell, 2009] Кроме

Таблица 1. Источники и определения экономических кластеров

Источник:

составлено автором по [СП 348.1325800.2017], [Шерешева, 2008], [Монастырный, 2006].

[СП 348.1325800.2017]	Совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности (научно-исследовательские, учебно-образовательные, производственные, селитебные), технологически связанных между собой в указанной сфере, вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации
[Шерешева, 2008]	Стратегическая межорганизационная сеть отраслевого и межотраслевого характера, объединяющая ресурсы и ключевые компетенции организаций участников
[Монастырный, 2006]	Географически соседствующая группа взаимосвязанных компаний, сформированная на базе или имеющая в своем составе центры генерации научных знаний, генерации бизнес-идей, центры подготовки высококвалифицированных специалистов, выпускающая продукцию, обладающую долгосрочными конкурентными преимуществами, действующая на перспективных растущих рынках или формирующая новые рынки сбыта

того, становится очевидно, что все периоды деятельности кластера и особенно его современная форма (несмотря на видимое разнообразие) обобщены рядом характеристик.

Методология исследования. Кластеры в пространстве

Пространственное выражение современных тенденций социоэкономических преобразований, обозначенных выше, описывалось в визионерских концепциях еще в 1970-е годы [Jencks, Koolhaas, 2011]. Актуальными формами тогда называли здания-гибриды и те, которые при пространственном расширении становились кластерами. Они отличаются от построек смешанного использования функциональной насыщенностью и программностью, сочетая гибкое зонирование пространства и высокую адаптивность [Fenton, 1985]. Поэтому современный кластер – это не первое, не второе и не третье место, а гибрид.

В понятии «кластер» ясно выражается стремление к акцентированию и разделению его базовых свойств, источников: функциональных совокупностей и территории, чем отличается и каноничное определение Портера.

Экономические определения кластера фокусируются на функциональной составляющей, добавляя пространственное измерение, и выявляет уже отмеченные свойства позднеиндустриальной системы:

- сервисность;
- концепцию новизны;
- сетевую модель управления;
- дробную структуру;
- концентрацию производства в незримой структуре и распределение в городской структуре, которая из-за рыночных отношений неуправляема;

- ограниченность во времени, временность.

Вторая проблема определений, более характерная для городских кластеров, – сосредоточенность на свойствах, в результате чего определения становятся громоздкими и неполными.

В свою очередь «городские» определения акцентируют пространственный аспект, в то время как, по сути, функция и пространство в городском контексте неотделимы, и именно тогда видно противоречие всех определений. Функциональная сторона насыщена «сетевыми связями», а пространство «ограниченно». Кроме того, определения игнорируют преобразовательную природу кластера, причем это особенно парадоксально для городских кластеров, вся институционализация которых основывается на множественных существующих практиках, где они рассматриваются в контексте «было-стало».

Кластер всегда определенная практика: будь то практика городских властей по организации общественной жизни, практика бизнеса по организации «бассейна обогащения» или практика сообщества по завоеванию, присвоению городского пространства за счет присутствия в нем. Значит, кластер – это инструмент; он не возникает, а создается – с планом или без – и оказывает трансформирующее влияние на городскую среду.

Только в описании свойств отмечается, что кластер можно считать «инструментом структурирования городской среды» [Гайкова, 2015], «катализатором преобразования города, превращения его в агломерацию и мегаполис» [Гашенко, Тарасова, 2021]. Однако именно это свойство кластера позволяет говорить, что не столько уникально кластерное образование само по себе, сколько метод, каким он образуется и каким соответственно трансформи-

Таблица 2. Источники и определения городских/градостроительных кластеров
Источник: составлено автором по [Гайкова, 2015], [Благовидова, Юдина, 2019], [Гашенко, Тарасова, 2021].

[Гайкова, 2015]	Объединение в географических рамках отдельной территории элементов городского организма в единое образование с учетом множественности взаимосвязей между ними (пространственных, информационных, экономических, социально-культурных, коммуникационных и пр.) с обеспечением самодостаточности и устойчивости полученной системы
[Благовидова, Юдина, 2019]	Подход к созданию самодостаточного пространственного компонента, структурированного системой внутренних связей профильных производственных предприятий, исследовательских и экспериментальных организаций, коммерческих компаний и государственных институтов на базе существующего урбанизированного образования и в соответствии с его историческим потенциалом
[Гашенко, Тарасова, 2021]	Структурная единица территориально-пространственной организации городской среды, занимающая определенную ограниченную территорию (или совокупность территорий), включающую научно-исследовательский, учебно-образовательный, производственный элементы и соответствующую инфраструктуру, функционально объединенных и взаимосвязанных общим направлением инновационного развития отрасли экономики

рует территорию вокруг себя, что все его свойства – это не причина, а следствие процесса *комбинирования*.

Соответственно, кластер – это форма архитектурно-планировочной организации, построенная на основе принципа территориально-функционального комбинирования. И если в экономическом аспекте кластеры трансформируют понятие индустриальности, то в пространственном аспекте их преобразовательный потенциал заключен в понятии комбинирования.

В данном случае комбинированием выступает объединение в одном промышленном предприятии (комбинате) нескольких технологически связанных, специализированных производств одной или нескольких отраслей [Байнев, 2003]. Все это можно обозначить как концентрацию структурного характера, более сложноорганизованную в пространстве. И чтобы подтвердить генеративный характер кластера и выявить принципы его влияния на традиционную городскую концентрацию, рассмотрим примеры реновации исторических или бывших индустриальных районов, их функциональные, пространственные и социальные трансформации.

Выбор и анализ кейсов

Вопреки распространенному представлению о том, что кластеры не способны функционировать вне крупных городов, имеющих активную и коммерчески развитую среду, проведенный теоретический анализ позволяет предположить, что, во-первых, они скорее являются генераторами такой среды, во-вторых, их локальное влияние, вероятно, более значимо, чем глобальное. Помимо подробно изученных исследователями экономических

эффектов, кластеры оказывают уже упомянутый функционально-пространственный эффект, который прослеживается в динамике развития существующих креативных кластеров. Такие трансформации можно выявить с помощью ретроспективного градостроительного анализа, картографирования планировочных и функциональных изменений, визуального сопоставления панорам и уличных видов, оценки соотношения площадей застройки, незастроенной и озелененной территории до и после организации кластера, общей оценки преобразования окружающей среды.

Вследствие уже упомянутой недостаточной институционализации городского кластера исследователи используют различные критерии классификации и оценки. Поскольку задачей статьи является демонстрация мультимасштабности кластера и его генеративного потенциала, для анализа были выбраны креативные пространства в урбанизированных образованиях разного масштаба: в городе-миллионнике (Москва), крупном городе (Тула), среднем городе (Фолкстон), малом городе (Веленье), поселке городского типа (Обидуш). Работа с отечественными исследованиями многообразия городских креативных кластеров показывает, что признанные примеры выделены только в крупных городах, а инициативы средних и малых городов или пока не проявляют устойчивости, или не имеют территориального измерения, поэтому креативные кластеры в средних и малых городах представлены зарубежными примерами. В временном отношении среди выбранных примеров можно выделить возникающие кластеры (1–3 года), растущие кластеры (5–10 лет), зрелые кластеры (15–25 лет); в пространственном отношении: крупные (креативный рай-

Таблица 3. Характеристики городских кластеров, выбранных для анализа

Название	Масштаб города расположения	Площадь территории	Срок существования
Дизайн-завод (бывш. «Флаконт»)	Город-миллионник	2,5 га	15 лет
«Октава»	Крупный (крупнейший) город	1,3 га	5 лет
Креативный квартал в Фолкстоне	Средний город	2,7 га	25 лет
Креативные пространства в Веленье	Малый город	0,7 га	2 года
Креативный Обидуш	Поселок городского типа	8 га	15 лет

он) – более 5 га, средние (креативный квартал) – 2–3 га, малые (креативное пространство) – менее 1 га. Все эти кластеры обязательно имеют градостроительное измерение, созданы инициативой сверху и пользуются тем или иным статусом объекта креативных индустрий и поддержкой властей.

Оценка генеративного потенциала проводится по динамическим характеристикам кластера в функциональном, пространственном, социальном аспектах и оценке устойчивости трансформаций.

1. Функциональные трансформации – изменение назначения, диверсификация функций.
2. Пространственные трансформации – формирование новых центров, визуальное и пространственное влияние на окружающую среду.
3. Социальные трансформации – изменение состава населения, появление рабочих мест, формирование сообществ.
4. Устойчивость и сущность трансформаций – сопоставление с вложениями ресурсов и финансов, характер пространственного эффекта (например, джентрификация, маргинализация, спин-офф, расползание и др.).

Дизайн-завод «Флаконт», Москва

Дизайн-завод «Флаконт», считающийся одним из пионеров креативных кластеров в России, был создан после выкупа участка бывшей промзоны в 2008 году частной компанией. Он занимает относительно небольшую площадь (полезная – 25 000 м²) и является местным центром: не прилегает непосредственно к кольцу московских вокзалов, не находится в историческом центре. Поблизости проходит ветка наземной железной дороги, с 2019 года МЦД. «Флаконт»

стал не единственным креативным пространством в округе, втянув и соседние промтерритории, не говоря уже о значительном влиянии на окружение.

Функциональные трансформации. Участок полностью сменил профиль с производственного, складского, с обслуживающей производством инфраструктурой, на офисный, чье функциональное и сервисное разнообразие значительно больше. От 4–5 функций флакон перешел к 15–20, значительно расширив разнообразие торговых площадей и досуговых активностей [Ярмошук и др., 2019]. Все площади сдаются в аренду, и от нее (преимущественно долгосрочной) идет основной доход кластера.

Пространственные трансформации. Сравнение планов (рис. 1а) и уличных панорам Дизайн-завода (рис. 1б) до и после трансформации позволяет проследить характерные изменения в планировочном и архитектурном аспекте образования. Во-первых, смена закрытого, огороженного, типа с одним входом-выходом на открытый проходной, вплоть до стирания границ с окружающей территорией. Через территорию «Флаконт» и «Хлебозавода» можно и хочется пройти насквозь в любом направлении, это один из маршрутов при ежедневной рабочей мобильности. Во-вторых, раскрытие территории меняет фронт улицы, ей добавляется пространственный карман; меняется силуэт улицы и цветовое решение. Повышается разнообразие из-за яркой раскраски, дизайна зданий с использованием граффити, плакатов, появления надстроек и пристроек, организации временных и постоянных конструкций отдыха и активности. С другой стороны, улучшаются показатели целостности, когда пустующие или аварийные объекты включаются в городскую жизнь. В-третьих, можно заметить, что после организации «Флаконт» активно пошло обновление соседних

Рис. 1а. Сравнение схем планировки, застройки, границ и озеленения Дизайн-завода в Москве в 2010 и 2024 гг.
Источник: схема автора.

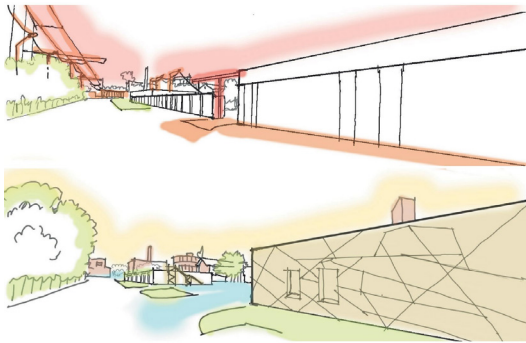

Рис. 1б. Сравнение уличных панорам Дизайн-завода в Москве со стороны Новодмитровской улицы в 2010 и 2024 гг. с выделением основных диссоциирующих и благоприятных визуальных компонентов
Источник: рисунок автора.

зданий, дорог, зеленых зон, было организовано второе креативное пространство «Хлебозавода», построены жилые комплексы «Савеловский Сити» и «Симфония» и др.

Функциональное обогащение территории в архитектурно-планировочном смысле сделало сложную композицию Дизайн-завода еще более дробной. Таким образом появились пристройки, навесы, дополнительные этажи, переходы по крышам и обходным галереям: множество функций, потоков, объемов и формируемых ими пространств переплетаются, что становится одним из импульсов креативности. Эту трансформацию можно назвать гибридизацией. Ее следствием становится смещение понятия центральности. Если традиционно центры приложения труда формировали инфраструктурные и досуговые компоненты вокруг себя, то теперь все вне рабочее взаимодействие, порождающее синергию, происходит в пустотных центрах. И вокруг этих центров продолжают создаваться рабочие места. Такое влияние можно назвать инвертированием центральности.

Социальные трансформации. Первый аспект – появление рабочих мест. По словам основателя кластера Николая Матушевского, «если раньше на Хрустальном заводе имени Калинина работало 328 человек, то сейчас здесь работают 2000 человек...» [Матушевский, 2017]. Данное утверждение спекулятивно, поскольку с 1990-х годов завод находился в упадке

и на момент расформирования насчитывал 328 человек. Однако до распада СССР, как любое предприятие промышленности, завод имел гораздо большую численность. Только в 1928 году – порядка 700, а судя по общему росту производства по Москве и Московской области, к 1970-м завод насчитывал более 2000 работников.

Другое дело, что посещаемость территории выросла в разы и составляла в среднем порядка 2500 человек в день, а в выходные – 10 000 человек. С открытием соседнего «Хлебозавода» увеличилось и количество рабочих мест, и потоки посетителей приблизительно в 1,5–2 раза.

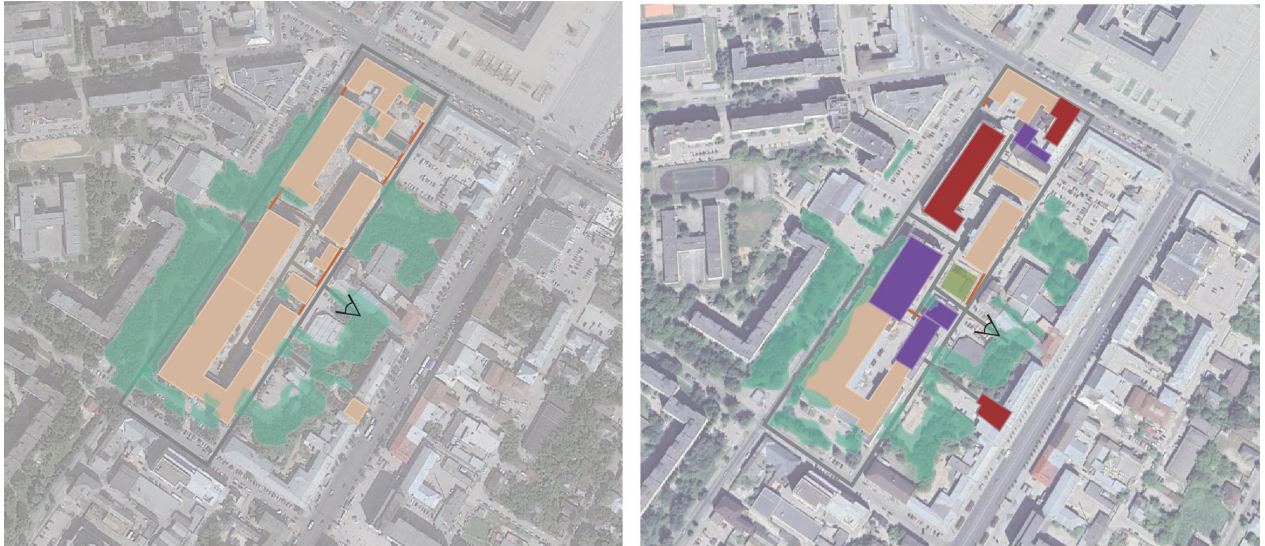
Устойчивость трансформаций. По словам самих же организаторов, размещение кластера оказалось в 2010-е годы более выгодным, чем новое строительство. Территория была восприимчива к развитию, для всего окружения служила стимулом джентрификации и увеличения стоимости ближайших территорий и престижа района в целом.

Креативный кластер «Октава», Тула

Креативные пространства в регионах стали появляться позже, чем в Москве, и сегодня уже не являются удивительными. Но первое тульское креативное пространство примечательно по многим причинам.

Функциональные трансформации. Завод звуковой техники «Октава» сохраняет свою производственную функцию и, более того, активно брендирует и продает свою продукцию по всему миру. Разнообразная производственная занятость туляков во многом повлияла на особую программу кластера. Из производственного цеха здание (полезная площадь – 10 000 м², еще меньше, чем у «Флакона») было приспособлено под функции просвещения (залы, техническая библиотека, мастерская детского и подросткового допобразования, музей станков), образования (Высшая техническая школа в сфере современных промышленных механизмов), индивидуального и экспериментального производства [Петухова, 2019].

Пространственные трансформации. Налицо уже описанная гибридность сооружения не только с совмещением определенного набора функций, но и тем, что фактически и завод с административными и производственными помещениями, и креативное пространство с коворкингами, образовательными, просветительскими и досуговыми организациями находятся

Рис. 2а. Сравнение схем планировки, застройки, границ и озеленения креативного кластера «Октава» в Туле в 2018 и 2024 гг. Источник: схема автора.

в едином объеме и формируют жизнь в целом квартале.

Кластер расположен в центре города, но отделен от туристической части. Закрытый и огороженный режимный объект теперь полностью проницаем для пешеходов и является частью городской среды, его можно пройти насквозь в нескольких направлениях, а ворота являются уже не препятствием, а приглашающей входной аркой. Визуальное разнообразие придает решение фасада с граффити и цветной наружной лестницей ярко-рыжего цвета – визитной карточки «Октавы». Кроме того, повысилась целостность фронта Центрального переулка: одни здания были восстановлены, другие – серьезно отремонтированы и реконструированы, но особенно заметной стала достройка углового здания 56 по Советской улице, которое изящно продолжает линию исторических фасадов улицы так, что нельзя заподозрить в нем новодел. В порядок приведена буйствовавшая кричащими вывесками в 1990-е годы торговая галерея в цехе по ул. Каминского 24А, сейчас там планируется новая очередь кластера. Преобразилась и улица напротив, расчищенная от самостроев гаражей и расцвеченная креативными граффити. Преобразование планировочной организации территории представлено на рис. 2а, изменение панорамы на главный вход креативного пространства – на рис. 2б.

Социальные трансформации. В Туле много рабочей молодежи, однако местное производство отличается высокой технологичностью и требованием серьезных навыков, как оружейное производство и радиоэлектроника. Кластер «Октава» яв-

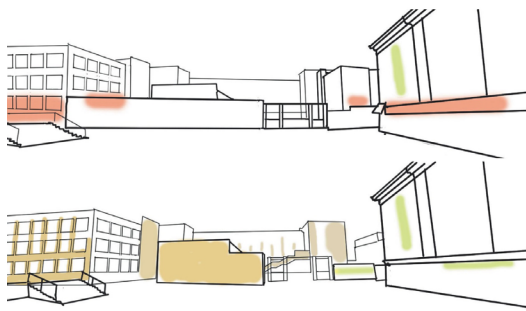
ляется особым креативным пространством и новым инфраструктурным центром с позитивным, но не определяющим на городском уровне эффектом. В данном случае развитие пространства не стало причиной выселения жителей, но помогло избавиться от хаотичного маргинализованного рынка поблизости от «Октавы» и в ее производственных зданиях. Гораздо меньший масштаб Тулы как города, меньшая конкуренция за землю и ее меньшая стоимость позволили избежать негативных социальных последствий.

Устойчивость трансформаций. Проект можно назвать весьма успешным, растущим и социально ориентированным. За 5 лет существования креативное пространство «Октавы» не пришло к кризису и работает по заложенной программе, и есть надежда на сохранение производственной функции.

Креативный Фолкстон, Великобритания

Фолкстон – средний город (53 000 человек) на юге Великобритании. Как портовый город, Фолкстон функционировал до закрытия порта в 2000-х годах, после чего он столкнулся с экономическим кризисом и проблемами пространственного развития – в частности, с повышением разрозненности городской ткани и слабостью инфраструктуры [Kenpe!, 2008]. Решением стали вложения частного фонда в 60 зданий вокруг бухты в старом городе (площадью порядка 5–6 га). Так началось создание кластера, который, при регулярных вложениях, продолжал меняться, сменил собственника в 2019 году и существует по сей день.

Рис. 26. Сравнение уличных панорам со стороны Центрального переулка в Туле в 2018 и 2024 гг. с выделением основных диссонирующих и благоприятных визуальных компонентов
 Источник: рисунок автора.

Функциональные трансформации. Основной задачей преобразования центра города была реновация зданий под смешанное коммерчески-жилое использование, а также строительство образовательно-просветительской инфраструктуры. Можно говорить о функциональной диверсификации, хотя во многом это было восстановление инфраструктуры на современных принципах: как говорили создатели, не на основе потребления, но на основе производства – это происходило за счет привлечения художников и представителей творческих профессий и развития идеи культурного туризма. Насыщение среды и проведение в 2008 году первой Триеннале в Фолкстоне значительно способствовало популярности этого места и восстановило его статус как культурной дестинации.

Пространственные трансформации. В пространственном смысле важнейшей проблемой была разделенность западной и восточной частей города (в том числе по имущественному признаку). Креативный центр с восстановленными домами *Quarterhouse* стал действительно новым связующим узлом города. При этом, поскольку квартал является неотъемлемой частью города, он, безусловно, пронизывает. Сплошной фронт домов на улицах *Quarterhouse* был восстановлен, получил привлекательное колористическое решение, хотя его, скорее, можно назвать коллажем – настолько самобытен каждый из домов. Основной доход квартала идет от аренды апартаментов, магазинов, мастерских. Связность среды продолжает расти с открытием все новых и новых магазинов и мастерских в исторической части города (порядка 30 га) и с появлением арт-объектов в основном вдоль берега пролива.

Важной особенностью влияния кластера на среду стало заполнение пустот, застройка кварталов до единой линии или ровной формы (рис. 3а). То же произо-

шло и с зеленым каркасом – вслед за балансировкой функциональной и пространственной структур из трех разрозненных зеленых участков был создан единый сквер от главного креативного центра к петляющим улицам резиденций, магазинов и кафе. Несмотря на присутствие огромного количества стилей, самых разных цветовых оформлений фасадов, многочисленного стрит-арта, уличные панорамы смотрятся целостно за счет переключки акцентов и единой высоты первого этажа, как, например, у спуска улицы Олд Таун к набережной (рис. 3б).

Социальные трансформации. Первичной, озвученной в официальных документах задачей было создание в Фолкстоне целостного и лояльного сообщества, поскольку образование кластера там совпало со временем серьезных социальных волнений на фоне роста налогов и противоречивых процессов европейской интеграции. Приезжающим художникам предоставлялась поддержка, работали медийные институты, выделялись бюджеты на общественные мероприятия. Активно вовлекались школьники, была создана академия искусств, уже упомянутые профориентационные организации. Во многом искусство помогло сократить отъезд молодежи, потому что часть из них вовлекаются в креативные профессии на ранних этапах или за счет эффекта сообщества. Иной вопрос – прямое замещение населения приезжими работниками креативных индустрий, заметное противопоставление этих социальных групп, подмена идентичности, ассимиляция коренных жителей. И хотя создатели заявляли акцент на восточной, более бедной части города, где постарались разместить социальные объекты и креативные индустрии, данная стратегия не оправдала ожиданий, за исключением просветительских и даже профориентационных проектов *Strange Cargo* и *Metropole Gallery*.

Устойчивость и сущность трансформаций. На первых этапах в развитие было вложено порядка 1,5 млрд фунтов. Успешность запуска кластера сказалась на стоимости земли и способствовала вытеснению более бедных слоев дальше в восточную часть, поэтому данный проект можно классифицировать как джентрификацию по инициативе сверху. Также наблюдается процесс джентрификации инфраструктуры, который оставляет надежду на социальное развитие.

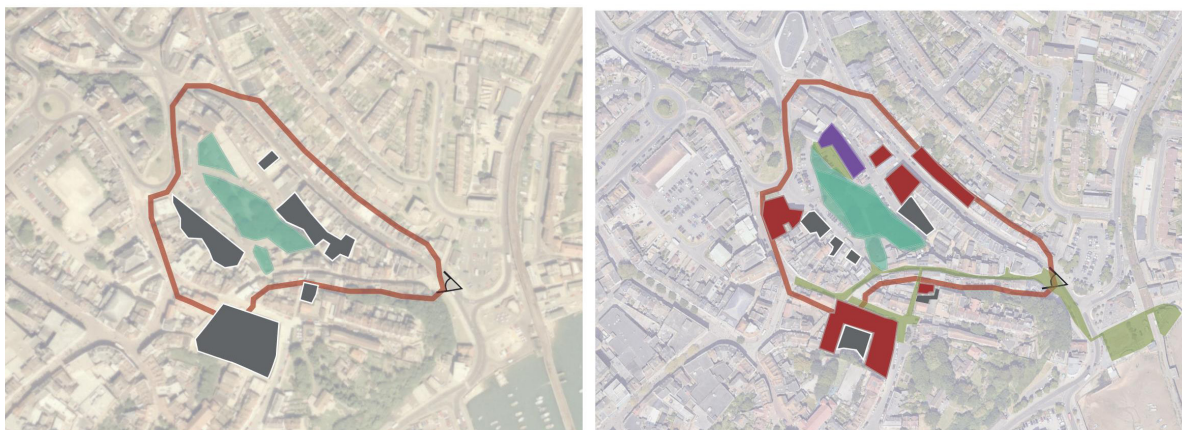

Рис. 3а. Сравнение схем трансформации застройки, пустот и озеленения Креативного квартала в Фолкстоне в 2010 и 2024 гг.
Источник: схема автора.

Креативное пространство в Старом центре города Веленье, Словения

Веленье – туристический город в Словении (население 24 000 человек). После Второй мировой войны в рамках социального строительства город получил план и быстро превратился в современный город, сохраняя исторический центр. В XXI веке Веленье продолжал выполнять производственные функции: в нем находились предприятия энергетической, строительной и металлургической отраслей, работала угольная шахта. В городе была расположена штаб-квартира производителя бытовой техники *Gorenje*. По меркам Словении Веленье очень экономически благополучен, но с 1990-х годов наблюдается ежегодная, пусть и незначительная, убыль населения. Благодаря европейским интеграционным программам все большее развитие получает туристическая и креативная функции.

Функциональные трансформации. Задачей проектов «Пекарня идей» (2019) и Креативный центр *Cuk* (2020) является создание гибридных креативных центров с мастерскими и площадями для малого бизнеса [Prenova in oživitev starotrškega jedra, 2021]. В здании «Пекарни идей», реконструированном на месте бывшей пекарни, расположены пять студий, многофункциональная мастерская, две квартиры, выставочное пространство, которое переплетается с рестораном, и общее пространство для совместной работы креативщиков и проведения различных мероприятий. Управляющим учреждением является молодежный центр «Веленье».

Креативный центр *Cuk* представляет собой бизнес-инкубатор для кустарных производств и малых компаний с офисными помещениями, коворкинг на мансарде. Программа проекта определялась

на основе тендера, когда различные креативные предприятия предлагали свои идеи относительно мероприятий и деятельности в данном центре. Все площади находятся в собственности муниципалитета и сдаются на договорной основе.

Пространственная трансформация. Оба креативных центра находятся рядом и были выполнены по принципу полной реконструкции зданий. Здание креативного центра перестроено на том же месте. Здание пекарни было снесено и перестроено в глубине улицы. Так появился пространственный карман, общественное пространство. Центральной доминантой пространства стал старый могучий каштан, который своим возрастом придает преемственность всему проекту, а своей подчеркнутой вертикалью определяет расположение всей новой площади. Новая площадь стала точкой объединения Старого и Нового города и привлекательным местом для гостей города и точкой встреч для местных жителей. Визуальные характеристики фронта улицы Старая площадь изменились, самые заброшенные здания были приведены в порядок, но главное – в результате преобразований, сноса ряда пристроек и аварийных построек, общественные пространства стали просматриваться со стороны улицы Франтишека Фойта, основной магистрали города.

Планировочная стратегия проекта, как можно видеть на рис. 4а, направлена на активизацию дополнительного центра (выделен фиолетовым) в исторической части города (выделена оранжевым) между современным городским центром севернее (выделен желтым) и древним замком (выделен красным). Формирование «площадей» после сноса сделало территорию более проницаемой, хотя при благоустройстве снова не обошлось без сокращения количества зелени. В то же время глубинные пространства повысили разно-

Рис. 36. Сравнение видов на пере-сечение улиц Олд Таун и Тонтайн в Фолкстоне и 2010 и 2024 гг. с выде-лением основных диссонирующих и благоприятных визуальных компо-нентов
Источник: рисунок автора.

образе уличной панорамы и создали оригинальное взаимодействие боковых фасадов исторической застройки (рис. 46).

Социальные трансформации. В результате проектов креативных пространств Старого города в Веленье изменился и портрет обычного посетителя этой улицы. Местные жители, для которых местом встречи и самовыражения были кофейня *Suk* и старое здание пекарни, вытеснены из центра. Также неизвестно, использует ли молодежное объединение площадку креативного центра, поскольку активность и присутствие на ней не наблюдаются. Местная администрация активно пропагандирует новое пространство, однако периодически появляются объявления о сдаче помещений – вероятно, их арендуют не очень охотно. Студии для работы снимают молодые портретисты, и они периодически организуют мастер-классы.

Устойчивость трансформаций. Безусловно, оба креативных пространства официально открыты только в 2023 году, и оценивать их эффективность для города и сообщества довольно сложно. Однако с точки зрения повышения проницаемости города и создания новых центров притяжения, влияние уже заметно. Стоимость проектов довольно велика, и для двух зданий и локального благоустройства, вероятно, даже завышена. Можно однозначно сказать, что проект является примером джентрификации: при улучшении качества среды ее социальная доступность снизилась.

Креативный Обидуш, Португалия

Поселок городского типа Обидуш (население 3819 человек, в муниципалитете 12 000 человек) расположен на западном берегу Португалии и является образцом средневековой крепостной архитектуры. Обидуш считается столицей шоколадного производства, там проходит фестиваль шо-

колада, и город популярен среди туристов. В 2009 году он стал участником программы креативных городов и начал новый виток развития. Основой трансформации города является стратегия создания некоммерческого креативного кластера в малонаселенных регионах.

Функциональные трансформации. Кластер в Обидуше развивался по модели технологического парка, и большое внимание уделялось роли города как центра сельской территории. Приоритетными отраслями развития, помимо базовых сельскохозяйственных функций, стали туризм, креативное производство и устойчивая трансформация существующих отраслей. По плану трансформации, исторические здания приспособлялись под креативные цели, а для формирования рынков их сбыта организовывались фестивали, распределенные так, чтобы обеспечивать круглогодичную туристическую активность в городе [Musikyan, 2016].

Пространственные трансформации. Исторический центр города довольно компактен, практически все здания отреставрированы и получили новые функции, по крайней мере на уровне первых этажей. Весь центр пронизан для пешеходов, создает ощущение уюта. Цельности среды способствует проект преобразования жилья в гибридные сооружения – творческие резиденции для креативных специалистов. С другой стороны, большинство карманов и площадей пространства не работают как центры концентрации, на них паркуются – именно с этим аспектом город имеет наибольшие проблемы. И хотя сама по себе застройка проницаема, но интересные объекты в ней скрыты в интерьере, отделены от города в визуальном и планировочном плане. Так, разделены структуры жизни и мобильности гостей и местных жителей: для первых доступны витрины и лавки, выходящие на главные улицы, для других – дворики и задворки, которые не просматриваются с главных улиц и не привлекают взгляд туристов. То есть кластер существует в двух уровнях: коммерческом и повседневном.

Помимо размещения новых функций в исторических зданиях (библиотека в церкви Святого Петра, книжный магазин в здании рынка, инкубатор в здании монастыря Сао Мигель), на периферии города было построено здание Технологического парка; таким образом, к северо-востоку от исторического центра создано два очага территориального роста города, одинаково

Рис. 4а. Сравнение схем планировки, застройки, границ и озеленения на территории формирования креативных пространств в Старом городе в Велье в 2020 и 2024 гг. *Источник:* схема автора.

близкие как к исторической части Обидуша, так и к соседнему городу Калдаш-да-Раинья.

В результате реализации креативных программ была охвачена вся территория города, и в то же время произошло расслоение пространства на публичную, туристическую, и частную, локальную среду (рис. 5а). Поэтому мы можем, не обращаясь к ретроспективным картам, сравнить состояние внутри и за пределами кластера. Основная ось притяжения с юга (туристического центра и парковки) на север до городского замка выделена колористически (угловые и цокольные акценты на застройке), имеет обилие декоративных элементов (в зависимости от сезона – лент, гирлянд, тканей, флажков и т.д.), линии улиц испещрены пристройками, верандами, лотками (рис. 5б). В то же время линии застройки и в целом визуальная среда теряют цельность образа и акцентированность осевых доминант. На рис. 5в видно, что вне кластера (область выделена серой обводкой) среда более интегрирована, даже монотонна, четко поделена на уличную и дворовую части, а потому для нее характерно обилие зелени. Зелень на основных туристических маршрутах (выделены красной обводкой) и вспомогательных (выделены оранжевой обводкой) практически утрачена.

Социальные трансформации. В результате преобразований очевидно повышение уровня жизни и инфраструктурного развития. Есть определенное влияние кластера на демографический состав города. Например, сотрудничество с Университетом Коимбра для привлечения креативных идей в инкубатор повышает долю молодежи, студентов в Обидуше. С другой стороны, поток в 200 000 туристов в год представляется весьма обременительным для такого маленького городка и не вызывает

у жителей только положительные эмоции. Основные рабочие места созданы туристической отрасли: гостиницами, магазинами, мероприятиями. При этом креативные производства в основном в области веб-дизайна и мультимедиа преимущественно работают на приезжих.

Устойчивость трансформации. Если сопоставлять финансирование и полученный результат, можно смело говорить о весьма эффективном использовании средств. Значительная сумма финансирования в 80 млн евро позволила создать множество инициатив, жизнеспособность которых доказана почти десятилетней практикой их реализации [De Pinho, 2011]. В данном примере кластер разной специализации охватил практически весь город, при этом создав в существующей среде местных жителей дополнительный, туристический уровень. Общий эффект кластера можно характеризовать как расплывание и расслоение.

«Инновационная» сущность кластера

На основании рассмотренных примеров кластеров можно сделать вывод, что в современной градостроительной практике кластер является экспериментальным образованием с уникальными локальными решениями. В то же время следует отметить, что кластерные структуры оказывают схожие эффекты на городскую среду вне зависимости от масштаба урбанизированного образования.

Функциональные трансформации территории под действием кластера можно охарактеризовать как сочетание диверсификации, гибридизации и расслоения. Разнообразие повышается, образуются нестандартные сочетания и происходит структуризация функций, которая иногда

Рис. 46. Сравнение видов на старое здание пекарни и общественную площадь со зданием «Пекарни идей» в Старом городе в Вельне в 2020 и 2024 гг. с выделением основных диссоциирующих и благоприятных визуальных компонентов
 Источник: рисунок автора.

создает новые центральные районы, а иногда новую структуру поверх существующих.

В частности, можно привести следующие пространственные трансформации, которые следуют за экономическими:

- дисперсия центров – появление новых точек занятости и досуга и перераспределением функций по районам и частям города;
- реструктуризация городской ткани и заполнение пустот – изменение паттернов застройки, вовлечение пустующих, заброшенных и неиспользуемых участков, наполнение городских пустот активностями и смыслами (площади, карманы, скверы);
- повышение проницаемости – создание дополнительных пешеходных каркасов, появление пространственных и визуальных связей;
- повышение плотности потоков и застройки – активизация участка и повышение эффективности его использования с уплотнением полезной функцией, незначительным ростом этажности, более мелким делением арендных лотов;
- диверсификация типов и характеристик застройки – создание соседства различных в планировочном и сценарном плане зданий и помещений, фьюжн-сочетания, мозаичность фасадного дизайна;
- повышение целостности – формирование единого фронта улицы и его разработка, дополнение, акцентирование;
- инверсия центральности – непосредственно связанное с гибридизацией формирование ключевых объектов кластера и вторичная застройка, в том числе временными конструкциями, жесткой и мягкой инфраструктурой в кластере и на соседних территориях.

Социальные трансформации территории заключаются в активном перемещении

(принудительном или непреднамеренном) социальных групп и перераспределении социальных потоков. В зависимости от специализированных черт кластера могут появиться учреждения просвещения, образования, коммуникации и досуга, трансформирующие половозрастную и квалификационный состав населения. Очевидно влияние кластера на миграционные потоки: увеличение иммиграции – это, как правило, обычный и даже планируемый процесс для кластера.

Кластер представляет собой результат определенного процесса целенаправленного комплексного преобразования среды. Концентрированная форма кластера – это, скорее, пережиток традиционной формы организации производства. Кластер предоставляет возможность распределения функций по пространственным точкам, и именно в распределении состоит основная новизна кластерного подхода к городской среде.

Следует отметить, что в текущей экономической ситуации кластер, практически всегда организуясь по принципу «сверху-вниз», действует как центр концентрации и изъятия прибыли, которая следует принципам дисперсии рабочих общностей, сокращения возможностей их объединения по классовым интересам, вытеснения неудобных официальной системе социальных групп и сообществ. В пространственном аспекте джентрификация территорий, на которых происходят кластерные преобразования, поднимает стоимость земли, выводит ее из общественного пользования и создает суррогат общественного пространства, формально включенного в городскую среду, а фактически не принадлежащего городским сообществам.

Вынужденное самой сущностью кластера формирование сетевых сообществ участников кластера, его индивидуальных арендаторов и малого и среднего предпринимательства, если дорастает до низовой инициативы, то, как правило, блокируется владельцами и управленцами кластера, с чем и связаны озвучиваемые в рекламных исследованиях кластеров сроки их функционирования: 5–7 лет для крупных городов и до 1–2 лет (сроки грантового финансирования) для более мелких урбанизированных образований. В тех случаях, когда кластер по размерам сопоставим с городским образованием, в котором функционирует, он функционально и пространственно расслаивает городскую среду, разделяя повседневную и коммерческую жизнь города, что представляет еще

Рис. 5а. Схема границ публичной и частной городской зоны с выделением рефункционализованных объектов и созданных общественных пространств в г. Обидуш
 Источник: схема автора.

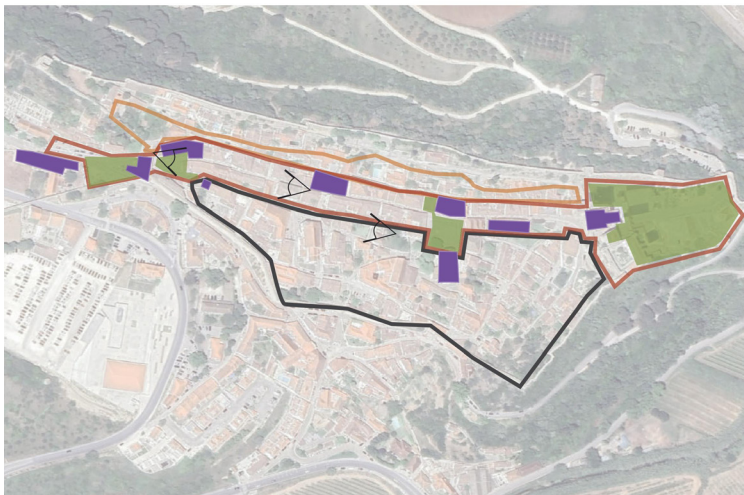

Рис. 5б. Сравнение видов оживленной туристической улицы в публичной части города и улицы в частной части г. Обидуш
 Источник: рисунок автора.

Рис. 5в. Вид на главную туристическую ось г. Обидуш с высоты птичьего полета с выделением основных визуальных доминант и акцентов
 Источник: рисунок автора.

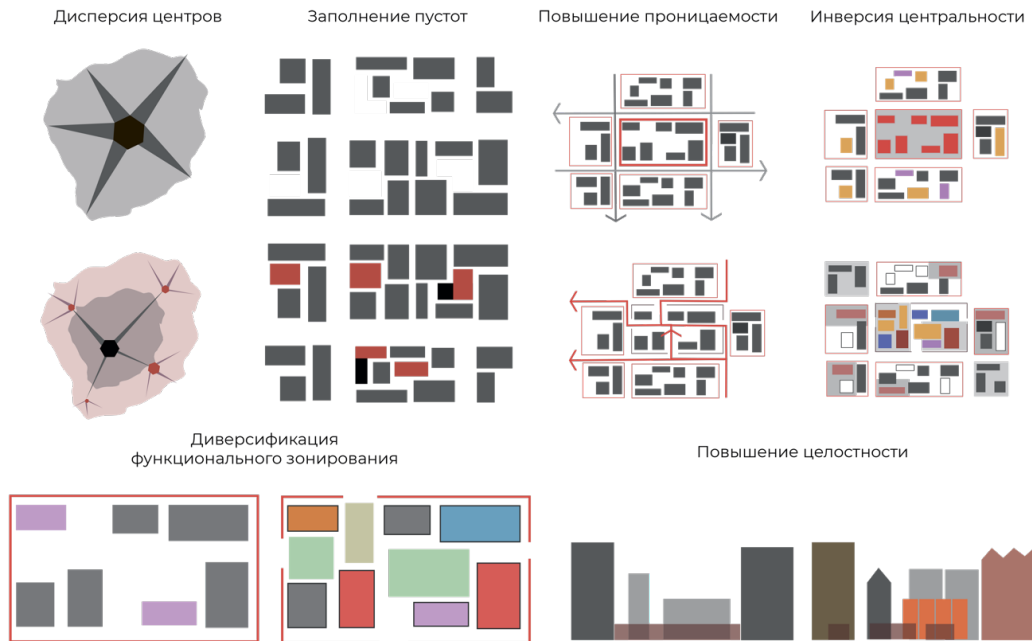
одну форму отчуждения производства от локального сообщества.

Как мы видим, кластер как форма организации городской среды в современных капиталистических условиях связан с той же проблемой социально-экономического неравенства, выраженной в пространственной плоскости. Возможности реализации принципов социальной справедливости в кластере связаны с его изначальным формированием. С архитектурно-градостроительной точки зрения это предполагает создание недискриминирующего открытого комплекса социальных

активностей, мелкомасштабное производство на общем оборудовании и площадках, внутренний оборот ресурсов и прибыли для вложения в дальнейшее развитие кластера, по аналогии с «особой экономической зоной», выступающей особой социальной зоной.

Благодаря кластерам город, как пространственная форма, может стать не квинт-эссенцией разделения, но отправной точкой объединения, обеспечить воплощение в планировочных решениях эффективного социально-ориентированного производства, организованного распределения про-

Рис. 6. Принципы влияния кластеров на пространственные трансформации городской среды
 Источник: иллюстрация и принципы автора.

изведенных товаров и их обмена. В противоположность существующей стратегии городского развития, когда крупные города втягивают мелкие и расползаются, кластерные образования могут способствовать процессу локализации городского развития и не паразитического, а симбиотического единства с проектируемым городским образованием или существующим поселением с целью его функционального обогащения. Кластер также должен быть переосмыслен на практике как социально-ориентированное образование, причем это переосмысление должно произойти у самих его пользователей и бенефициаров – местных сообществ, в руках которых находится возможность «присвоения» кластера как концепции и использования его в борьбе за городское пространство.

Источники

Багрова Е. В. (2017) Критический анализ реализации постиндустриализма в современном обществе // *Философская мысль*. № 11. С. 67–75. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.11.21308.

Байнев В. Ф. (2003) Экономика предприятия и организация производства. Мн.: БГУ.

Белл Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia.

Бандман М. К. (1980) Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск: Наука.

Благовидова Н. Г., Юдина Н. В. (2019) Кластерный метод формирования устойчивых исторических поселений // *Architecture and Modern Information Technologies*. Vol. 49. № 4. С. 183–200.

Болтански Л., Эскер А. (2021) Обогащение. Критика товара. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

Гайкова Л. В. (2015) Полицентризм как парадигма развития российских городов // *Архитектон: известия вузов*. Vol. 50. № 2. С. 69–81.

Гашенко А., Тарасова Ю. (2021) Кластер и преобразование городского пространства // *Проект Байкал*. Т. 18. № 67. С. 76–81.

Гранберг А. Г. (2003) Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ.

Лёш А. (2007) Пространственная организация хозяйства. М.: Наука.

Гэлбрейт Д. (2004) Новое индустриальное общество. М: АСТ; СПб.: Транзиткнига.

Кастельс М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ.

Колосовский Н. Н. (1969) Вопросы типологии производственно-территориальных сочетаний (комплексов). Тезисы доклада // Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль. С. 142–148.

Лефевр А. (2002) Идеи для концепции нового урбанизма // *Социологическое обозрение*. Т. 2. № 3. С. 19–26.

Малов В. Ю. (2019) ТПК и кластеры: общее, особенное, частное // *Всероссийский журнал «ЭКО»*. Vol. 11. № 2. С. 2–18. DOI: <https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2006-11-2-18>.

Марков Л. С. (2015) Теоретико-методологические основы кластерного подхода. Новосибирск: ИЗОПП СО РАН.

Матушевский Н. (2017) Как создать востребованное креативное пространство: рассказывает владелец дизайн-завода Flacon // *Inc. Russia*. Режим доступа: <https://incrussia.ru/understand/kak-sozdat-vostrebovannoe-kreativnoe-prostranstvo-rasskazyvaet-vladelets-dizayn-zavoda-flacon/> (дата обращения: 25.11.2023).

- Монастырный Е. А. (2006) Инновационный кластер//Иновации. Vol. 89. № 2. С. 38–43.
- Пилипенко И.В. (2011) Кластеры и территориально-производственные комплексы в региональном развитии//Региональное развитие и региональная политика России в переходный период/Под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана. С. 191–208.
- Петухова Е. (2019) Эдуард Моро и Екатерина Гольдберг: «Методика работы над общественным пространством не менее важна, чем дизайн». Интервью. 20.08.2019//Archi.ru. Режим доступа: <https://archi.ru/russia/82437/eduard-moro-i-ekaterina-goldberg-metodika-raboty-nad-obschestvennym-prostranstvom-ne-menee-vazhna-chem-dizain> (дата обращения: 15.11.2023).
- Портер М. (2003) Конкуренция. М.: Издательский дом «Вильямс».
- Тоффлер Э. (2002) Шок будущего. М.: АСТ.
- Харви Д. (2019) Город и социальная справедливость. М.: НЛО.
- Шерешева М.Ю. (2008) Проблемы создания инновационных кластеров в регионах России//Наука, инновации, образование. Альманах. М.: Знак. Т. 4. С. 213–230.
- Юсов А.Б. (2011) Критика теории постиндустриального общества//Проблемы современной экономики. №1. С. 36–38.
- Ярмошук Я. и др. (2019) Сносить нельзя ревитализировать. Практическое руководство по созданию креативного кластера. М.: Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)».
- Boudeville J. (1966) Problems of regional economic planning. Edinburg: Edinburgh U.P.
- Brenner N., Schmid C. (2015) Towards a new epistemology of the urban?//City: Analysis of Urban Trends. Vol. 19. № 2–3. P. 151–182.
- De Pinho L.M. F. (2011) Creative business entrepreneurship: the Portuguese creative business incubators//International Journal of Transitions and Innovation Systems. Vol. 1. № 4. P. 367. DOI: <https://doi.org/10.1504/ijtis.2011.044891>.
- Fenton J. (1985) Pamphlet Architecture 11: Hybrid Buildings. N.Y.: Princeton Architectural Press.
- Jencks C., Koolhaas R. (2011) Radical Post-Modernism and Content: Charles Jencks and Rem Koolhaas debate the issue//Architectural Design. Vol. 81. № 5. P. 32–45. DOI: <https://doi.org/10.1002/ad.1293>.
- Kennell J. (2008) Arts-led regeneration and community cohesion: a study of Folkestone, Kent//Sport, Leisure, Culture and Social Capital: Discourse and Practice/K. Holmes, A. Slater, M. Robinson. Eastbourne: Leisure Studies Association. P. 139–154.
- Musikyan S. (2016) The Influence of Creative Tourism on Sustainable Development of Tourism and Reduction of Seasonality – Case Study of Óbidos. School of Tourism and Maritime Technology of Polytechnic Institute of Leiria [Dissertation].
- Prenova in oživitev starotrškega jedra (2021)//Staro Velenje. Режим доступа: <https://staro.velenje.si/revitalizacija/> (дата обращения: 25.11.2023).
- Rosenfeld S.A. (2003) Expanding Opportunities: Cluster Strategies That Reach More People and More Places 1//European Planning Studies. Vol. 11. № 4. P. 359–377. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654310303643>.
- Sölvell Ö. (2009). Clusters: Balancing Evolutionary and Constructive Forces (2. ed). Ivory Tower.

URBAN CLUSTERS: FROM THE CONVERSION OF INDUSTRIALISM TO THE CONVERSION OF AGGREGATION

Natalia D. Azarenkova, Senior Lecturer of the Department of Architecture of Public buildings, Moscow Architectural Institute (State Academy) (MArchI), 11/4 Rozdestvenka Street, Moscow, 107031, Russian Federation. E-mail: yuna2508@yandex.ru

This article studies urban clusters and defines them as spatial phenomena. It investigates the late-industrial transition in a city's economy, which is accompanied by a dispersion of production facilities. Corresponding changes in the territorial aspect, in theories described as part of the "spatial turn" in the sociology and anthropology of the city, lay the foundations for the formation of hybrid forms of urban organization. However, the use of a cluster in practice shows its methodological nature. It is argued that clusters have now become the reason for the transformation of industrial processes, so the formation of traditional clusters in space makes us think about the relevance of traditional forms of the economy. During the evolutionary development of cluster theory, the duality of the cluster and its methodological potential were revealed. Criticism of modern terminology shows that the description of a cluster based on its features does not highlight its unique, essential characteristics as a tool, therefore a definition of an urban cluster is given based on the organization method. The article discusses the specificities of cluster impacts on towns of different scales and identifies how they are expressed in the fabric of the city. The case-studies make it possible to formulate the transformative capability of the cluster, draw conclusions about its innovative spatial essence, and consider the prospects for its use as a tool for urban development.

Keywords: urban cluster; late-industrial transformation; transformative capability; combination; dispersed aggregation

Citation: Azarenkova N.D. (2024) Urban Clusters: From the Conversion of Industrialism to the Conversion of Aggregation. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no. 4, pp. 91-109. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp94202491-109> (in Russian)

References

- Bagrova E.V. (2017) Kriticheskiy analiz realizatsii postindustrializma v sovremennom obshchestve [A Critical Analysis of the Implementation of Post-Industrialism in Modern Society]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], no 11, pp. 67-75. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.11.21308. (in Russian)
- Bandman M.K. (1980) Territorial'no-proizvodstvennyye komplekxy: teoriya i praktika predplanovykh issledovaniy [Territorial-Production Complexes: Theory and Practice of Pre-Planning Studies]. Novosibirsk: Nauka (Sibirskoye otdelenie). (in Russian)
- Baynev V.F. (2003) Ekonomika predpriyatiya i organizatsiya proizvodstva [Enterprise Economics and Production Organization]. Minsk: BGU. (in Russian)
- Bell D. (2004) Gryaduchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Academia. (in Russian)
- Blagovidova N.G., Yudina N.V. (2019) Klasternyy metod formirovaniya ustoychivyykh istoricheskikh poseleyniy [Cluster Method for the Formation of Sustainable Historical Settlements]. *Architecture and Modern Information Technologies*, vol. 49, no 4, pp. 183-200. (in Russian)
- Boltanski L., Esquerre A. (2021) Obogashchenie. Kritika tovara [Enrichment: A Critique of Commodities]. Moscow: Saint Petersburg: Gaidar Institute Press; Faculty of Liberal Arts and Sciences, Saint Petersburg State University. (in Russian)
- Boudeville J. (1966) Problems of Regional Economic Planning. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Brenner N., Schmid C. (2015) Towards a New Epistemology of the Urban? City: Analysis of Urban Trends, vol. 19, no 2-3, pp. 151-182.
- Castells M. (2000) Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society, and Culture]. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- De Pinho L.M.F. (2011) Creative Business Entrepreneurship: The Portuguese Creative Business Incubators. *International Journal of Transitions and Innovation Systems*, vol. 1, no 4, p. 367. DOI: <https://doi.org/10.1504/ij-tis.2011.044891>.
- Fenton J. (1985) Pamphlet Architecture 11: Hybrid Buildings. New York: Princeton Architectural Press.
- Galbraith J.K. (2004) Novoe industrial'noe obshchestvo [The New Industrial State]. Moscow: AST; Saint Petersburg: Tranzitkniga. (in Russian)
- Gashenko A., Tarasova Yu. (2021) Klaster i preobrazovanie gorodskogo prostranstva [Clusters and the Transformation of Urban Space]. *Proekt Baykal* [Project Baikal], vol. 18, no 67, pp. 76-81. (in Russian)
- Gaykova L.V. (2015) Politsentrizm kak paradigma razvitiya rossiyskikh gorodov [Polycentrism as a Paradigm for the Development of Russian Cities]. *Arkhitekton: Izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of Universities], vol. 50, no 2, pp. 69-81. (in Russian)
- Granberg A.G. (2003) Osnovy regional'noy ekonomiki [Fundamentals of Regional Economics]. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- Harvey D. (2019) Gorod i sotsial'naya spravedlivost' [The City and Social Justice]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian)
- Jencks C., Koolhaas R. (2011) Radical Post-Modernism and Content: Charles Jencks and Rem Koolhaas Debate the Issue. *Architectural Design*, vol. 81, no 5, pp. 32-45. DOI: <https://doi.org/10.1002/ad.1293>.
- Kennell J. (2008) Arts-Led Regeneration and Community Cohesion: A Study of Folkestone, Kent. *Sport, Leisure, Culture and Social Capital: Discourse and Practice*/Ed. by K. Holmes, A. Slater, M. Robinson. Eastbourne: Leisure Studies Association, pp. 139-154.
- Kolosovskiy N.N. (1969) Voprosy tipologii proizvodstvenno-territorial'nykh sochetaniy (kompleksov). Tezisy doklada [Issues of Typology of Production-Territorial Combinations (Complexes). Abstracts of the Report]. In: Kolosovskiy N.N. *Teoriya ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Theory of Economic Zoning]. Moscow: Mysl', pp. 142-148. (in Russian)
- Lefebvre A. (2002) Idei dlya kontseptsii novogo urbanizma [Ideas for a New Urbanism Concept]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], vol. 2, no 3, pp. 19-26. (in Russian)
- Lösch A. (2007) Prostranstvennaya organizatsiya khozyaystva [The

- Spatial Organization of the Economy]. Moscow: Nauka. (in Russian)
- Malov V.Yu. (2019) TPK i klastery: obshchee, osobennoe, chastnoe [TPCs and Clusters: General, Specific, and Particular]. *Vserossiyskiy zhurnal «EKO»* [Russian Journal "ECO"], vol. 11, no 2, pp. 2–18. DOI: <https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2006-11-2-18>. (in Russian)
- Markov L.S. (2015) Teoretiko-metodologicheskie osnovy klaster-nogo podkhoda [Theoretical and Methodological Foundations of the Cluster Approach]. Novosibirsk: IEOPP SB RAS. (in Russian)
- Matushevsky N. (2017) Kak sozdat' vostrebovannoe kreativnoe prostranstvo: rasskazyvaet vladelets dizayn-zavoda Flacon [How to Create a Popular Creative Space: The Owner of Flacon Design Factory Speaks]. *Inc. Russia*. Available at: <https://incrussia.ru/understand/kak-sozdat-vostrebovannoe-kreativnoe-prostranstvo-rasskazyvaet-vladelets-dizayn-zavoda-flacon/> (accessed: 25.11.2023). (in Russian)
- Monastyrnyy E.A. (2006) Innovatsionnyy klaster [Innovation Cluster]. *Innovatsii* [Innovations], vol. 89, no 2, pp. 38–43. (in Russian)
- Musikyan S. (2016) The Influence of Creative Tourism on Sustainable Development of Tourism and Reduction of Seasonality – Case Study of Óbidos. *School of Tourism and Maritime Technology of Polytechnic Institute of Leiria* [Dissertation].
- Petukhova E. (2019) Eduard Moro i Ekaterina Goldberg: «Metodika raboty nad obshchestvennym prostranstvom ne menea vazhna, chem dizayn» [Eduard Moro and Ekaterina Goldberg: "The Methodology of Working on Public Space Is No Less Important Than Design"]. Interview, August 20, 2019. *Archi.ru*. Available at: <https://archi.ru/russia/82437/eduard-moro-i-ekaterina-goldberg-metodika-raboty-nad-obshchestvennym-prostranstvom-ne-menea-vazhna-chem-dizain> (accessed: 15.11.2023). (in Russian)
- Pilipenko I.V. (2011) Klastery i territorial'no-proizvodstvennye komplekxy v regional'nom razvitii [Clusters and Territorial-Production Complexes in Regional Development]. *Regional'noye razvitiye i regional'naya politika Rossii v perekhodnyy period* [Regional Development and Regional Policy of Russia During the Transition Period]/Ed. by S. Artobolevskiy, O. Glezera Moscow: Publishing House of Moscow State Technical University, pp. 191–208.
- Porter M. (2003) Konkurentsiya [On Competition]. Moscow: Williams Publishing House. (in Russian)
- Prenova in oživitev starotrškega jedra [Renovation and Revitalization of the Old Market Center] (2021). *Staro Velenje*. Available at: <https://staro.velenje.si/revitalizacija/> (accessed: 25.11.2023). (in Slovenian)
- Rosenfeld S.A. (2003) Expanding Opportunities: Cluster Strategies That Reach More People and More Places. *European Planning Studies*, vol. 11, no 4, pp. 359–377. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654310303643>.
- Sheresheva M.Yu. (2008) Problemy sozdaniya innovatsionnykh klasterov v regionakh Rossii [Challenges of Creating Innovative Clusters in Russian Regions]. *Nauka, innovatsii, obrazovanie. Al'manakh* [Science, Innovation, Education. Almanac]. Moscow: Znak, vol. 4, pp. 213–230. (in Russian)
- Sölvell Ö. (2009). Clusters: Balancing Evolutionary and Constructive Forces (2. ed). Ivory Tower.
- Toffler A. (2002) Shok budushchego [Future Shock]. Moscow: AST. (in Russian)
- Yarmoshchuk Ya. et al. (2019) Snosit' nel'zya revitalizirovat'. Prakticheskoe rukovodstvo po sozdaniyu kreativnogo klastera [Demolish or Revitalize: A Practical Guide to Creating a Creative Cluster]. Moscow: Federal State Unitary Enterprise "Information Telegraph Agency of Russia (ITAR-TASS)". (in Russian)
- Yusov A.B. (2011) Kritika teorii postindustrial'nogo obshchestva [A Critique of the Theory of Post-Industrial Society]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Issues of Modern Economics], no 1, pp. 36–38. (in Russian)

Сценарии неформального использования локальными сообществами пространства магазина «у дома» в ходе социального проекта «Центры местного сообщества»*

Анна Гусейнова

Исследуя повседневную жизнь в развитых западных обществах, французский этнограф Марк Оже в монографии «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» предложил концепцию социокультурного контекста, названного им гипермодерном (*surmodernite*) [Оже, 2001]. Концепция Марка Оже представляет собой критический анализ современного общества и культуры, в котором автор рассматривает такие явления, как глобализация, индивидуализм, фрагментация и утрата традиционных ценностей. Исследователь развивает идею «антропологи-

Гусейнова Анна Леоновна, социальный антрополог, соавтор и методолог проекта «Центры местного сообщества» ФТС «Пятерочка»; Российская Федерация, 191025, г. Санкт-Петербург, Невский пр-кт, д. 90/92
E-mail: aguseinova@gmail.com

Представлено исследование практической реализации социального проекта «Центры местного сообщества» в магазинах торговой сети «Пятерочка» (2020–2023), суть которого заключалась в предложении и проектной поддержке социально ориентированных практик на площадке магазинов шаговой доступности. Основная задача проекта – формирование среды, способствующей самоорганизации жителей вокруг инициатив, нацеленных на развитие добрососедства и взаимопомощи через создание и поддержание регулярной работы сети комьюнити-центров в магазинах. Приведен анализ трансформации пространства магазина шаговой доступности в связи с предложенными проектными социальными инициативами, проведена оценка социокультурного потенциала таких изменений, а именно: развитие горизонтальных социальных связей между жителями одного района (населенного пункта), развитие среды, способствующей укреплению культуры заботы о сообществе и добрососедства. Также в статье предпринята попытка проанализировать, как политика корпоративной социальной ответственности, реализуемая в сетевом продуктовом магазине (практики заботы, благотворительность и т. п.), изменяет восприятие местными жителями привычного магазина в шаговой доступности в зависимости от множества переменных.

Ключевые слова: локальная идентичность; локальные сообщества; коммуникация с потребителями; концепция «не-места»; сетевые продуктовые магазины; социальные практики; социальные связи; социокультурная трансформация городского пространства

Цитирование: Гусейнова А. Л. (2024) Сценарии неформального использования локальными сообществами пространства магазина «у дома» в ходе социального проекта «Центры местного сообщества» // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 110–120. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp942024110-120>

* Подробную информацию о проекте можно найти, перейдя по QR-коду

ческого места», понимаемого им как смыслоорганизуемая территория, территория производства ценностей. По его мнению, именно в таких местах происходит формирование идентичности [Павлов, 2019, с. 206].

Рассматривая современные общественные институты с точки зрения антропологии, в качестве одной из ключевых особенностей урбанистических обществ Оже предлагает ввести понятие «не-мест», то есть общественных пространств, не принадлежащих в отдельности никому из членов общества, но обладающих утилитарным смыслом. Эти «не-места» представляют собой места быстрого транзита и потребления, лишённые истории, связей и индивидуальности, где люди находятся анонимно и временно. Такие пространства включают в себя аэропорты, автостанции, торговые центры и другие места, где происходит мимолетное взаимодействие и которые не приобретают глубокого социокультурного значения для индивида [Павлов, 2019, с. 207–208].

Оже исследует, как эти не-места влияют на человеческую идентичность, социальные связи и восприятие окружающего мира в условиях современного общества гипермодерна. При этом, по мнению исследователя, «не-места» имеют свою социализирующую роль для индивида, учитывая частоту их посещения и количество времени, проводимого посетителями, и формируют облик современного горожанина, ориентированного на ценности глобализма и лишённого корней и традиций [Павлов, 2019, с. 213].

В повседневных действиях каждого современного человека происходит неизбежное взаимодействие с другими людьми: официанты в кафе, консультанты в торговых центрах, люди, стоящие с нами в одной очереди в кассу супермаркета, и т. д. Исследования мимолетных столкновений в публичных пространствах проводили символические интеракционисты [Блокланд, 2023, с. 91]. В частности, исследования Ирвинга Гофмана показывают, что по большей части в публичной сфере мы следуем правилу вежливого невнимания: каждый из нас осознаёт присутствие другого, но действует так, будто игнорирует его [Гоффман, 2017, с. 155]. К таким мимолетным столкновениям относятся любые незапланированные взаимодействия в многолюдном общественном месте. Так, Георг Зиммель считал, что подобные контакты производят стимулы, способствующие еще большей замкнутости отдельного человека, что приводит к неизбежной атомизации городского населения [Зиммель, 2018, с. 64]. Дэвид Кишик в книге «Теория города» пишет: «Люди просто проходят мимо друг друга. Может быть, консенсус пешеходов (от *con-sensing*, «разделяемое ощущение») проявляется в молчаливом согласии... [Кишик, 2023, с. 84]. Джейн Джекобс подтверждает выводы коллег: человек для своего ближнего не друг и не враг, а просто чужой. Своих соседей не любят и не ненавидят; к ним просто равнодушно. Городские улицы и общественные про-

странства ежедневно сводят потоки незнакомых людей, не знающих друг друга частным порядком и в большинстве случаев не желающих знать [Джекобс, 2011, с. 68].

Одним из показательных примеров «не-мест» могут служить и сетевые магазины шаговой доступности. Но так ли это? Если присмотреться к производимым магазином «у дома» функциям, то возникнет сразу несколько умозрительных наблюдений. Это общественное пространство, куда ежедневно приходят сотни и тысячи местных жителей, зачастую одни и те же люди, так как основной формат – это магазин «у дома». Сами магазины работают круглый год, иногда круглосуточно и «проживают» коллективом сотрудников, а также совместно с посетителями весь годовой, сезонный цикл, в том числе цикл праздников, как федеральных, так и микролокальных событий, в неразрывности со всей социальной жизнедеятельностью территории присутствия. Такая плотная, ритмичная, системная коммуникация делает пространство магазина местом с характерным для возникновения некоторых форм социальности потенциалом.

Наши полевые наблюдения показали, что некоторые из магазинов могут являться социальными «узлами». Эти проявления свойственны магазинам не только в деревнях и поселках, но также в отдельных городских районах. В таких магазинах посетители и продавцы вступают в различные формы коммуникации, выходящие за границы стандартных взаимодействий. В таком случае к стандартным взаимодействиям мы отнесем все практики, сформированные вокруг главной функции, предписанной для магазина, а именно вокруг продаж. Но даже внутри таких взаимодействий есть множество вариаций возникающих коммуникативных посылов, не входящих в установленные корпорацией должностные обязанности сотрудника: создание соседского чата, в котором сообщается о поступлении тех или иных товаров, оповещение соседей о выгодных ценах, сбор и доставка продуктов под заказ там, где еще не принята централизованная программа доставки, и т. д. К нестандартным же мы отнесем такие практики, как, например, совместное празднование в пространстве магазина календарных праздников, сбор помощи для локальных нуждающихся, участие магазина в поиске пропавших домашних животных и т. д. Довольно часто такие практики становятся укорененной составляющей культуры повседневности в данной местности.

Таким образом, можно предположить, что такое общественное пространство, как магазин рядом с домом, может стать как «не-местом», так и пространством производства устойчивых социокультурных ценностей локального уровня.

Описание проекта

В 2020–2021 годах магазин «Пятерочка» в поисках органичной идеи для развития корпоративной со-

циальной программы провел антропологические и социологические исследования, с помощью которых выявил запросы сотрудников и гостей. Опросы среди сотрудников розницы и полевые исследования магазинов показали, что практики заботы об обществе не только интересны сотрудникам, но уже давно стали повседневными для некоторых магазинов сети. Исследование же мнения гостей магазинов подтвердило факт, что люди мало знают друг друга и 57% хотят иметь больше знакомых по соседству (1000 опрошенных горожан, опрос проводился в Москве, Екатеринбурге и в Краснодарском крае).

На основании полученных данных была разработана первичная концепция социального проекта – «Центры местного сообщества» (далее – ЦМС), которая отвечала интересам сотрудников и гостей магазинов. В итоге ЦМС стал масштабным проектом торговой сети «Пятерочка», помогающим реализовывать социальные инициативы сотрудников магазинов, жителей и организаций одной территории.

Первые ЦМС на базе магазинов были запущены в работу в августе 2021 года по инициативе торговой сети [Центры местного сообщества]. ЦМС представляют собой комплекс социальных, культурных и экологических инициатив, организованных внутри и вокруг магазинов «Пятерочка». Проектирование ЦМС предполагало, что это не отдельно существующий проект и не временная программа, а интегральная часть магазина «Пятерочка» и инструмент для реализации всех направлений корпоративной социальной программы «Пятерочка с заботой». В центре внимания была забота о пожилых, детях, благотворительность, создание инклюзивной среды, здоровый образ жизни и т. д. Развитие программ заботы о местных сообществах зафиксировано как ключевой приоритет в стратегии устойчивого развития X5 Group, куда также входит ТС «Пятерочка» [Sustainability Report, 2022].

Сценарии взаимодействия гостя с «Пятерочкой» расширяются благодаря работе центров местного сообщества – посмотреть на выставку работ учеников местной художественной школы, разместить объявление, узнать о районном мероприятии, участвовать в сборе продуктов для нуждающихся и т. д. Согласно идее проекта, все это и многое другое естественным образом встраивается в обычные сценарии посещения магазина и использования цифровых сервисов «Пятерочки». Участие сотрудников сети всех уровней в развитии и поддержке центров местного сообщества позволит им чувствовать себя ближе к гостям, а также ощущать дополнительную ценность своей работы за счет смыслообразующих социальных инициатив.

Основная задача проекта – создание среды, действующей самоорганизации жителей вокруг инициатив, нацеленных на развитие добрососедства и взаимопомощи через создание и поддержание регулярной работы сети комьюнити-центров в магазинах.

По собранной по итогам исследований модели ЦМС в 2021–2022 годах реализованы два пилота – сначала на пяти, затем – на пятидесяти магазинах в четырех регионах: Москва, Московская область, Краснодарский край, Свердловская область.

В 2022–2023 годах проект был тиражирован на 354 магазина в девяти регионах. До конца 2023 года планировалось открыть еще 1000 центров в 32 регионах.

Проект имеет два фокуса управления – локальный и федеральный.

Локальный уровень управления подразумевает появление таких конкретных изменений в магазинах «Пятерочка» и вокруг них, как:

- оснащение магазина, предназначенное для взаимодействия местных жителей: доска объявлений, шкаф для обмена книгами, выставочный стенд; а также организация зоны отдыха у магазина: клумбы, мини-парк и т. д.;
- проведение регулярных культурных, социальных и благотворительных акций в магазинах;
- информационная работа с сотрудниками магазинов;
- информационная работа с жителями прилегающих территорий – о создании ЦМС на базе «Пятерочки» и проводимых активностях.

Эта работа осуществляется силами подготовленных комьюнити-менеджеров из числа команды проекта.

На федеральном уровне происходят:

- бюджетирование проекта;
- стратегическое и тактическое управление проектом;
- набор, подготовка, обучение комьюнити-менеджеров;
- координация их работы, обеспечение инвентарем, информационными и методическими материалами, консультирование при решении ими оперативных задач;
- интеграция проекта в корпоративные процессы и процедуры;
- оценка эффективности проекта и т. д.

Мероприятия ЦМС «Пятерочка» нацелены на то, чтобы жители прилегающих территорий находили здесь новые сценарии для самореализации, учились новому, благоустраивали территорию, получали поддержку в трудную минуту, находили друзей и т. д.

Кроме того, предоставляя площадки для проведения благотворительных акций партнерским НКО и местным инициативам, ЦМС стимулируют развитие инфраструктуры благотворительности и волонтерства на территории, где в дальнейшем люди начинают проектировать собственные социальные и культурные акции, получают ресурсы для их реализации, выходят с этими инициативами на широкую аудиторию, приобретают опыт организации событий и т. д.

Помимо вышесказанного, в задачи проекта также включена забота о сотрудниках компании. Возможность участия в различных активностях в рамках проекта позволяет сотрудникам развиваться в различных направлениях, не связанных напрямую с их должностными обязанностями: проявить свои таланты, креативность, заботу об окружающих, развить социальную компетентность, повысить творческую и интеллектуальную активность, а в некоторых случаях – реализовать свои давние мечты. В отдельных магазинах с приобретением статуса ЦМС директора отмечают, что активное вовлечение сотрудников в мероприятия способствует сплочению рабочего коллектива.

Отсутствие или наличие мотивации у директора магазина и сотрудников участвовать в проекте – один из ключевых факторов, влияющих на результативность проекта в конкретном магазине.

Ключевых целевых аудиторий проекта две: это посетители магазинов (местное сообщество), которых вовлекают в активности, предлагаемые ЦМС, а также сотрудники магазинов «Пятерочка».

Местное сообщество – важный стейкхолдер проекта, главной целью которого является предоставление возможности с помощью различных активностей развить и усилить горизонтальные связи в сообществе, помогать местным сообществам почувствовать собственный потенциал, способствует развитию культуры добрососедства и взаимопомощи.

Цель данной статьи – дать емкое описание проекта в нескольких аспектах:

- факторы, влияющие на возможное развитие в конкретном магазине проектных инициатив;
- роли в проекте, оказывающие влияние на результаты;
- пространство магазина и его адаптация под различные проектные сюжеты;
- вариации и приоритизация объединяющих практик, проявленных в ходе проекта.

В качестве эмпирических данных были использованы доступные материалы исследования, которое проводилось в ноябре 2022-го – январе 2023 года специалистами благотворительного фонда «Культура благотворительности» для оценки социальных эффектов проекта и включало в себя следующие этапы:

1. Кабинетное исследование (28.11.2022–05.12.2022) – знакомство с документами проекта, информацией о проекте из открытых источников, выбор модели для анализа воздействия проекта.

2. Качественное исследование (08.12.2022–12.01.2023) – проведение интервью и фокус-групп с основными стейкхолдерами проекта:

- координатор проекта от ТС «Пятерочка»;
- команда проекта, фондов-партнеров «Добрый город Петербург» и «Хорошие истории»;

- директора и сотрудники магазинов;
- стейкхолдеры из местных сообществ – организаторы мероприятий на базе ЦМС.

Помимо этого, автор провела контент-анализ для систематического и объективного описания проекта, исходя из накопленного к моменту написания данной статьи релевантного фактического материала.

Факторы, влияющие на успешность развития проектных инициатив в конкретном магазине

Каждый горожанин хорошо знает и быстро назовет «свои» магазины, находящиеся в шаговой доступности. Идеальный магазин, по мнению среднего российского потребителя, – круглосуточный супермаркет крупной сети в 10 минутах от дома, с фермерскими продуктами, скидками и низкими ценами. Сетевым магазинам больше доверяют 78 % опрошенных, а небольшим локальным магазинам – лишь 22 % [Обзор покупательского потребления россиян]. Но, как показали наблюдения, приоритет в выборе любимого магазина зависит не только от близости расположения, есть множество факторов, влияющих на выбор «своего» магазина. При этом два магазина даже одной сети, расположенных буквально в нескольких сотнях метров друг от друга, могут разительно отличаться по многим параметрам: площадь, концепт магазина (новый или старый), формат отдельно стоящего здания или помещения как части торгового центра, наличие самораздвижных дверей, пандусов, ширина проемов между стеллажами с продуктами, наличие касс самообслуживания, сопутствующих торговых точек субарендаторов, банкоматов и аптек, а также множество других притягательных опций для посетителя магазина.

Но сколько бы ни перечислять удобства и создающие комфорт условия для совершения повседневной покупки, список никогда не будет полным, если не дополнить его особенно важным пунктом – атмосфера доброжелательности и гостеприимства, которая создается коллективом сотрудников в магазине. На выбор респондентами торговых точек оказывает влияние эмоциональный и чувственный опыт, возникающий во время посещения конкретного магазина, поэтому при равной удаленности магазинов приблизительно с одинаковым ассортиментом выбор будет отдан магазину с более доброжелательными сотрудниками, которые внимательно и тепло относятся к каждому покупателю, узнают своих постоянных покупателей, заинтересованы в них и готовы оказать им помощь.

Приведем такой ответ одной из респонденток:

«У моего дома почти в равной удаленности расположено два магазина, приблизительно с одинаковым ассортиментом. Я постоянно хожу в тот, в котором работают мои любимые кассирши. Они всегда

улыбаются, внимательно относятся ко мне, спрашивают о моих делах. Мне нравится, что меня узнают в магазине» (женщина, москвичка, 56 лет).

Или вот еще один комментарий:

«Как-то ходил с загипсованной рукой за покупками, стоял у прилавка с овощами и зубами буквально удерживал пакет, так вот продавец отвернулся, чтобы лишний раз не помогать мне, хотя я раньше ходил в этот магазин часто, но после этого случая совсем перестал» (мужчина, москвич, 38 лет).

Очевидно, что важным фактором для развития дополнительной социальной программы, такой как ЦМС, можно только с добровольного желания социально активных сотрудников конкретного магазина. Каждый магазин – это отдельный мир со своей атмосферой, которая зависит от конкретного коллектива. Конечно, невозможно было бы тиражировать бизнес-проект без разработанных стандартов сервисного обслуживания. Однако на местах в жизни магазина происходит множество различных повседневных сюжетов, на которые не прописаны скрипты для «правильного» реагирования; так возникают сценарии, выходящие за рамки сервисного стандарта. В пространстве магазина ежедневно происходит множество разнообразных социальных коммуникаций между сотрудниками магазина и гостями, что обусловлено практически неограниченным разнообразием жизненного опыта людей их различных социальных групп. Именно этот аспект стал одним из ключевых в проектировании ЦМС.

Так, в 2021 году совместно с бюро «Ценципер» было проведено исследование, которое должно было лечь в основу проектирования будущего ЦМС. В ходе исследования, в котором приняли участие 156 человек, было выявлено, что для восприятия магазина как «заботливого соседа» важны такие факторы, как сверхнормативное реагирование магазина (в лице его сотрудников), не просто как аффилированного, учрежденного ответственным лицом – бизнесом, представителя на потребности покупателей, включенность и реагирование на личном уровне в локальные социальные ситуации, а также отдельная социальная роль в поддержке общего фона благополучия.

Таким образом, магазины, в которых среди сотрудников есть те, кто проявляет участие и заботу в жизни сообщества, становятся наиболее притягательными для клиентов; кроме того, за счет таких магазинов происходит репутационная социализация не только конкретной точки, но и бренда в целом.

Выявив этот наиважнейший фактор, влияющий на восприятие магазина как места, которому подходит роль пространства для встреч с соседями, ме-

ста, где можно получить или оказать помощь, – было принято решение распространять проект в первую очередь на те точки, сотрудники которых уже практикуют общественную заботу¹ или очень хотят начать практиковать подобные инициативы.

Можно с достаточной долей уверенности сказать, что заинтересованность сотрудников в запуске на своей площадке таких инициатив, как ЦМС, – самый важный фактор, стоящий выше всех остальных факторов.

Одним из дополнительных факторов, влияющих на проект, является наличие активных сообществ и НКО в местах присутствия ЦМС. В ряде случаев проект ЦМС оказался особенно успешным за счет того, что люди в населенном пункте уже были знакомы и взаимодействовали друг с другом; в этих случаях ЦМС стал площадкой и источником новых возможностей для такого взаимодействия. Такое было отмечено, в частности, в работе с магазинами в станциях и небольших городах Краснодарского края. Здесь пространство магазинов буквально с первого дня запуска проекта стало использоваться местным казачьим хором для проведения концертов или хабом программы «Мамин выходной», которая получила старт, используя ресурсы ЦМС, что позднее позволило выиграть президентский грант на развитие масштабной программы [Проект «Мамин выходной»]. То есть фактор успешности ЦМС – наличие среди стейкхолдеров организаций, заинтересованных в выходе на сообщество и имеющих возможность предложить людям интересные форматы и активности. Такие успешные партнерства можно отметить, в частности, в Москве и Московской области с БФ «Синдром любви», в Пермском крае с БФ «Территория успеха», в Санкт-Петербурге с БФ «Пушдомик», АНО «Дар в будущее».

Наибольшим спросом программы ЦМС, по данным опроса, пользовались среди жителей компактных населенных пунктов, а также среди предприятий, связанных с организацией досуга (библиотеки, дома творчества, социальные досуговые центры и т.д.). Приведем примеры ответов респондентов:

«Станица – маленькая, все друг друга знают, все приходят с предложениями, каждому бы хотелось что-то сделать, это для них реклама, продвижение. В станице намного проще провести мероприятие, чем в городе. Тут нет такой ответственности и стеснения, как в городе. Тут одна семья, все хотят прийти, увидеть, поддержать» (организатор мероприятий, женщина, 52 года, представитель библиотеки, г. Можайск).

«...у нас проходило несколько акций. И сразу же, как была предоставлена возможность, мы, конечно, ей сразу же воспользовались. Например, мы запустили акцию – фотовыставка рисунков детей, запу-

1. Под общественной заботой (*community care*) автор понимает заботу, оказываемую людьми друг другом по месту жительства различными акторами – представителями местного сообщества.

стили в сети интернет, а также после этого распечатали ее и разместили во многих магазинах города Санкт-Петербурга в Пятерочках» (организатор мероприятий, женщина, 47 лет, представитель НКО, г. Пермь).

Сильные стороны проекта ЦМС, как следует из приведенных выше примеров и цитат, обусловлены во многом его концепцией и дизайном, которые очень удачно встроены в инфраструктуру магазинов и соответствуют политике корпоративной социальной ответственности компании, а также одновременно способствуют вовлечению в социальную активность сотрудников магазинов «Пятерочка» и отвечают потребностям самых разных заинтересованных сторон в местных сообществах.

Роли в проекте, влияющие на значимые результаты

Участие в развитии местного сообщества на локальном уровне подразумевает для сотрудников конкретного магазина необходимость быть активными членами местного сообщества не в качестве официального представителя торговой сети, а в гораздо более личном проявлении. Такой формат участия может быть выбран на любом управленческом уровне. Пример: региональный директор по маркетингу расписывает с местными детьми витрины магазина к празднику. Органическое же включение на локальном уровне получает распространение чаще всего среди сотрудников магазинов.

В задачи проекта также входит забота о сотрудниках компании. Основными существенными результатами проекта для директора и сотрудников, исходя из анализа интервью, являются:

- улучшение настроения, положительные эмоции от работы и участия в мероприятиях ЦМС;
- сплочение рабочего коллектива;
- реализация своих талантов и идей;
- повышение лояльности к магазину и гордость за бренд работодателя.

Отсутствие или наличие мотивации у директора и сотрудников участвовать в проекте – один из ключевых факторов, влияющих на принятие проекта в конкретном магазине.

Так, в деревне Солнечногорского района автор проекта записала историю, как 65-летняя жительница деревни, одинокая мать сына с тяжелой формой инвалидности, устроилась на работу дворником в магазин, но устройство это было практически формальным. В результате местные жители, особенно в зимнее время, когда выпадает снег, приходят ей на помощь и расчищают снег вместе с женщиной, а иногда и вместо нее. Это продолжается уже длительное время, более четырех лет. Еще один пример: директор с поддержкой коллектива магазина в Санкт-Петербурге организуют ремеслен-

ные профориентационные мастер-классы для детей из детских домов.

Во многих социально активных магазинах проводились конкурсы рисунков, организуются традиционные календарные праздники, локальные сборы помощи, субботники, посадка на прилегающих территориях цветов и деревьев, выезды в дома престарелых, организация праздников для детских домов и т.д.

Центры местного сообщества, в которых есть заинтересованный в большей социальной роли сотрудник как хозяин этого пространства, стали платформой, соединяющей местные бизнесы и некоммерческие организации, волонтеров, активистов и местных жителей.

Задача сотрудников магазина – поделиться ресурсами для общения, взаимопомощи, совместного досуга, а иногда и решения общих локальных проблем. С помощью проекта люди, живущие рядом, могут больше общаться, делиться новостями о районе, организовывать совместные мероприятия, заниматься волонтерством и благотворительностью и оказывать персональную помощь друг другу.

Среди других участников проекта – НКО/благотворительные фонды, госучреждения, бизнес и отдельные личности/местные активисты.

В ходе интервью и фокус-групп с заинтересованными сторонами проекта стало понятно, что разные участники могут по-разному представлять себе проект и в связи с этим определять его приоритеты, а также ключевые цели и задачи. Так, в ходе исследования при обсуждении того, кто является ключевым стейкхолдером (заинтересованной стороной) проекта, были озвучены следующие мнения:

- Ключевые стейкхолдеры – сотрудники и директора магазинов, где работают ЦМС, потому что именно для них ЦМС дает дополнительные возможности для самореализации через социальную включенность на работе, в то же время без них невозможен успешный запуск и работа ЦМС.
- Ключевые стейкхолдеры – гости магазина и те, кто приходит специально на мероприятия ЦМС, потому что именно среди них проект стремится создать атмосферу доверия, взаимной поддержки и добрососедства. Для них «Пятерочка» должна стать больше чем просто магазином, где можно купить продукты, создать площадку для формирования сообщества.
- Ключевые стейкхолдеры – организаторы мероприятий: коммерческие и некоммерческие организации, волонтеры, активные и творческие граждане и т.д. Именно им ЦМС дает площадку и аудиторию для самореализации, экспериментов и привлечения внимания к себе и к тем социальным проблемам, которые они решают своей работой. Для таких людей и организаций ЦМС – это ценный (в некоторых случаях – еще недооцененный) ресурс, который они могут ис-

пользовать безвозмездно для выхода на новые аудитории, становления и развития.

Нельзя сказать, что из представленных точек зрения какая-то одна является абсолютно верной, а остальные – ошибочными. Скорее, нужно отметить, что в проекте ЦМС, поскольку он имеет дело с разнообразными сообществами, круг заинтересованных сторон широк, поэтому выделить какую-то одну сторону и строить всю деятельность, исходя исключительно из ее интересов, не представляется возможным.

Все затрагиваемые стороны критически важны для проекта: ЦМС нельзя запустить без взаимодействия с директором и сотрудниками магазинов, его сложно наполнить осмысленной и значимой деятельностью без местных стейкхолдеров, а без гостей магазина и участников мероприятий нельзя сформировать сообщество. Таким образом, проект обладает сложной структурой еще и потому, что в нем нужно учитывать и балансировать интересы как минимум трех ключевых заинтересованных сторон.

Пространство магазина и его адаптация под различные проектные сюжеты

На этапе проектирования группа дизайнеров и креаторов адаптации помещения магазина для дополнительных сценариев провели соответствующее исследование. Был проведен аудит на предмет возможности адаптации стандартного торгового зала для различных социальных практик.

Перед проектировщиками стояла задача, чтобы оснащение, указывающее на наличие у магазина статуса ЦМС, стало частью естественных сценариев посещения магазина и разместилось в пространстве удобно и органично. Для этого было важно разработать систему правил и сделать оснащение частью формата торговой точки.

Задача добавочного проектного оснащения магазинов – создать дополнительные сценарии, поддерживающие взаимодействие местных жителей между собой. Таким образом, после полевого исследования и анализа собранных примеров из жизни был собран список основных атрибутов, которые стали бы вещественным основанием формирования проекта ЦМС в пространстве магазина. «Стандартный пакет» оснащения ЦМС, который появляется в каждом магазине:

- информационная доска, сообщающая, что можно приходить со своими инициативами в «Пятерочку», на доске можно размещать объявления частным лицам, локальному бизнесу и НКО;
- шкаф для обмена книгами, домашними растениями, настольными играми и игрушками;
- выставки фотографий и/или рисунков;
- бюро находок, куда люди могут складывать найденные вещи.

Данный список не окончательный. Так, в некоторых магазинах, где позволяет площадь, созданы оранжереи или соседские общественные огороды, зоны с большим стационарным столом для настольных игр и мастер-классов, экспозиционные зоны для выставок фото и картин, проведено благоустройство прилегающей территории – клумбы, сады, кормушки для птиц, зоны отдыха и т. д. Но даже без специального оснащения просто теплое, красивое, светлое пространство магазина используется в том числе такими неожиданными способами, как концерты, танцевальные шоу и другие перформансы.

Особенное место среди пользования пространством магазина занимают разнообразные выставки. Среди выставок по характеру экспозиционных материалов – художественные, естественно-научные, литературные, фотовыставки, выставки предметов ручного труда местных рукодельниц и мастеров и т. д. Эти выставки почти всегда имеют временный характер и проводятся периодически, как правило, в преддверии календарных праздников либо представляют собой отдельные социальные проекты.

Приведем несколько примеров таких выставок. Дети из московской художественной мастерской Ляли Вагановой сделали огромные цветы для выставки в московском супермаркете «Пятерочка» на Васильевской улице. Эта выставка была частью социального проекта художницы, целью которого было показать людям, что мир намного больше и прекраснее, чем кажется. Выставка портретов известных людей, которые сделала сама художница, также проходила в нескольких магазинах Москвы. Ляля Ваганова назвала выставку в магазине своим личным социальным проектом. Она хотела, чтобы, покупая продукты, люди видели портреты классиков и вспоминали, что искусство может сделать мир лучше.

Большой общественный резонанс вызвала выставка коломенского художника Александра Климина «Продуктивное искусство» под слоганом «Пакет оказался сильнее?», которая для жителей Коломны стала настоящим событием. Тридцать экспонатов были размещены внутри супермаркета «Пятерочка», для экспозиции были использованы продуктовые корзины, полки, пространство под потолком и даже морозильные камеры. Выставка проходила всего один день. За это время художник наблюдал за реакцией людей на его работы и за тем, как они взаимодействуют с искусством в непривычном окружении.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Пятерочка» прошла выставка картин наивного искусства, организованная совместно с АНО «СПИРО» Творческий Тандем». В мероприятии приняли участие художники старше 75 лет и люди с ограниченными возможностями. Их картины были показаны в 15 городах и поселках России, всего прошло более 40 выставок. На каждой картине был QR-код с информацией о проекте и художниках, благодаря которому люди могли узнать

больше о проекте и его авторах [В «Пятерочке» прошли выставки наивного искусства].

Ученица школы в Борисове (Можайский район Московской области), под руководством учителя биологии Светланы Николайченко, подготовила экспозицию о природе родного края. Информационные плакаты, представленные в магазине «Пятерочка», рассказывают о редких растениях, охраняемых природных территориях и животных региона. Недавно на стене этого же здания была организована выставка, посвященная истории села Борисово и его основателю Борису Годунову. А в селе Камышла Самарской области для экспозиции в магазине «Пятерочка» местная учительница истории собрала материалы о памятниках и значимых местах населенного пункта [Гусейнова, 2023].

Очевидно, что выставки работ местных талантов останутся одной из самых востребованных практик из сотен, реализованных в проекте ЦМС, так как к этому, с одной стороны, располагает как внутреннее пространство магазина, так и его внешние фасады, которые активно используются под такую новую функцию; а с другой стороны, мы видим заинтересованность в подобной практике у местного сообщества.

Вариации и приоритизация объединяющих практик

На текущий момент собрано свыше 300 разнообразных практик в проектную копилку кейсов, которые в качестве инструкций передаются новым магазинам – участникам на этапе тиражирования. Успешными мы считаем те практики, которые соответствуют цели проекта, находят заинтересованность среди гостей и сотрудников.

Анализ проекта показывает, что в части стимулирования идеи общественной заботы и поддержания этого тренда в сообществе ЦМС выступают инициаторами и непосредственными организаторами идеологий и практик общественной заботы в следующих направлениях:

- продвижение идей общественной заботы и взаимоподдержки через выставки, объявления, просветительские акции;
- организация и проведение выставок на своей территории;
- передача навыков проведения подобных же событий на других площадках другим участникам сообщества.

Если попробовать описать форматы и типы активностей, то получается следующий список, который нельзя считать полным, поскольку ежедневно возникают новые конфигурации из-за многообразия локальных социокультурных ресурсов и интересов:

- выставки внутри магазина и на внешних фасадах;
- событийные акции (к праздникам);

- инициативы, нацеленные на заботу о людях, нуждающихся в поддержке (пожилых, людях в трудной жизненной ситуации и др.);
- арт-события и поддержка мастеров искусства;
- творческие мастер-классы;
- краеведение (экскурсии, квесты, локальные события);
- экологические акции, благоустройство;
- акции в поддержку животных;
- материальный и нематериальный обмен между соседями (обмен не только книгами, домашними цветами, настольными играми, но и новостями, знаниями, навыками);
- популяризация здорового образа жизни, спорта;
- просветительские акции.

Данный список лег в основу рубрикатора копилки кейсов, который предлагается как инструкция для тиражирования проекта на новых точках, планирующих присоединиться к проекту.

Вопрос о наиболее актуальных направлениях и темах мероприятий был задан в ходе фокус-групп всем участникам исследования по проекту ЦМС, и на него были получены разнообразные ответы, на основании которых можно сделать следующие выводы:

1. Многие респонденты, включая сотрудников магазинов, а также других участников проекта, отмечают высокую востребованность и положительное отношение гостей к мероприятиям, которые проводятся для детей и с участием детей.

Приведем такой ответ респондента:

«Ну в любом случае, как бы, допустим, взять мой магазин, так и получается, что, когда мы проводим какие-то акции, мероприятия для детей, мам, праздники и мастер-классы, у нас увеличилось количество гостей, у нас увеличилось количество положительных отзывов, то есть и желание сотрудников в позитиве работать» (директор магазина, участник фокус-группы).

2. На втором месте по частоте упоминаний находятся мероприятия, направленные на помощь животным, также актуальны проекты помощи пожилым людям.

«У нас тоже спальный район, но на самом деле у нас участвуют широкие массы, у нас очень популярны мероприятия, когда проводит приют для животных, приходят и маленькие, и взрослые, и разные возрастные группы. Также у нас проводились оздоровительные мероприятия, больше для людей пожилого возраста, выдавались методички по поводу того, какие делать упражнения, чтобы не заболела спина. Также проводилось мероприятие оздоровительное, тоже пришли в основном люди старшего возраста» (директор магазина, участник фокус-группы).

3. Тем не менее все участники отмечают, что универсальной темы, которая гарантированно будет

востребована в любом ЦМС, нет, потому что это зависит от ряда факторов, включая состав, возрастные характеристики и интересы сотрудников и жителей в районе ЦМС, а также темы, с которыми работают наиболее активные НКО и другие стейкхолдеры в сообществе.

По мнениям, высказанным участниками фокус-групп, был сформирован список основных результатов, которые достигаются благодаря проекту:

- в пространстве магазина и вокруг него формируется среда, способствующая развитию культуры добрососедства и взаимопомощи;
- расширяется круг общения у всех участников проектов;
- появляются новые источники получения знаний и навыков;
- участие в благотворительности (в том числе волонтерство) становится более понятным и доступным;
- улучшается эмоциональное/психологическое самочувствие у участников.

Проиллюстрируем данные результаты ответами участников фокус-группы:

«Отношение покупателей поменялось, они стали более добрыми и веселыми, более объединенными, даже вот по лицу можно понять, что угрюмость уходит, когда особенно идут какие-то мероприятия, какие-то положительные эмоции» (директор магазина, участник фокус-группы).

«...у людей бы вырабатывалась постоянная привычка контакта с этим магазином не только для покупок, но и для некой социальной функции. Вот мы приводили акцию “Крышечки добра” – это мероприятие, с которого легче всего заходить на ответственное потребление, проще всего собрать крышечки. Людям не надо там тащить куда-то, я просто в карман положил и сдал, и уже как бы социальное включение такого человека есть – “О, я сделал доброе дело!”. Дело небольшое, но внутри ему стало уже хорошо» (команда проекта, участник фокус-группы).

«Не очень много людей ходят сейчас в театры, в музеи, на выставки. У нас администрация города очень много выставок летом делает, на той же самой набережной. Но не все туда ездят. А сейчас столько людей, которые тоже стараются развиваться художественно, или фотографиями очень много кто занимается. Может, они скрывают свой талант, а мы могли бы им помочь сделать выставку в магазине» (директор магазина, участник фокус-группы).

«И каждый раз, когда люди заинтересованы, приходят, и когда мы рассказываем, что приют – это еще и творческая составляющая, что можно помогать не только там уборками и выгулом, а и что

можно проводить или участвовать в мероприятиях, что вы можете нам помогать проводить мастер-классы и тем самым помогать животным. Что есть очень много вариантов и возможностей. Очень много людей, конечно, этим начинают интересоваться» (организатор мероприятий, участник фокус-группы).

«Летом мы проводили экскурсии пешие, то есть они абсолютно бесплатны для всех, но для нас это большой опыт. Мы это делаем с целью, чтобы привлечь новых участников к этому проекту, ребята пробуют себя в качестве экскурсоводов. Ораторское мастерство, повесить словарный состав, углубить знания. Но самое главное – наладить коммуникации, научиться общаться со знакомыми и с незнакомыми людьми» (организатор мероприятий, участник фокус-группы).

«Допустим, приходили раньше без проекта, был контингент, который приходил потрепать нервы, выплеснуть эмоции, нечем заняться, вот они пришли, проводят время, по магазину ходят, учиняют конфликты на кассе. Сейчас те же самые люди, которые приходили потрепать нервы, узнав о яблоках, выставках, зарядке, мастер-классах, они все это впитали, понимают, увидев все то, что происходит для них, они извлекли из этого пользу, и отношение к магазину у них совсем другое, эти покупатели становятся более лояльными» (команда проекта, участник фокус-группы).

Выводы

По итогам исследования результатов проекта «Центры местного сообщества», проведенного торговой сетью «Пятерочка» в 2020–2023 годах, можно сформулировать следующие выводы:

1. Сетевой магазин шаговой доступности (магазин «у дома») представляет собой пример общественного пространства современного города, которое одновременно является как местом быстрого транзита и потребления, отвечающим признакам «не-места» в концепции Оже, так и пространством социальной коммуникации, в котором есть потенциал для формирования или поддержки существующей локальной идентичности. Магазин «у дома» обладает возможностями формирования среды, способствующей развитию горизонтальных социальных связей и усилению культуры добрососедства и взаимопомощи.

2. В ходе анализа проекта выявлены факторы, влияющие на положительное восприятие магазина «у дома» местными жителями. К ним относятся сверхнормативное реагирование магазина на потребности покупателей, включенность на личном уровне в локальные социальные ситуации, а также отдельная социальная роль магазина в поддержке общего фона социального благополучия.

3. Определены социальные группы, в наибольшей степени заинтересованные в развитии про-

грамм «Центров местного сообщества», в том числе активные и творческие горожане, волонтеры, представители НКО, благотворительных фондов, коммерческих организаций и государственных учреждений.

4. Описаны наиболее успешные социальные практики взаимодействия магазина и местного сообщества, среди них информационные доски; организация пространства для экологичного обмена вещами (буккроссинг и т. д.); проведение мастер-классов и знакомство с местными ремесленниками и хендмейд-брендами; создание экспозиционных зон и проведение выставок, посвященных локальным городским и общим социальным темам.

5. Выделены общественные функции социальных практик, реализуемых сетевыми торговыми магазинами: продвижение идей общественной заботы и взаимоподдержки; просвещение; саморазвитие и самореализация; расширение круга общения; формирование локальной городской идентичности, чувства принадлежности к городскому сообществу.

Нужно признать, что данная попытка описания ЦМС – это только первый исследовательский подход к кейсу, отдельные аспекты проекта нуждаются в более глубоком и тщательном изучении, которое, возможно, поможет прояснить многие возникающие вопросы. Могут ли небольшие позитивные изменения, предложенные в магазинах и вокруг них, повлиять на изменение общей среды проживания? Возникают ли новые устойчивые социальные сети на фоне обучения пользованию инструментами проекта? Влияет ли на степень солидаризации местных сообществ корпоративный социальный проект, поддерживающий принципы демократической культуры участия? Также предстоит описать возникающие нормы доверия вокруг новых предлагаемых проектом ресурсов и процессы (не)монополизации лидерским ядром из местного сообщества этих ресурсов.

Проект ЦМС интенсивно обрастает универсальными повторяющимися практиками, но в то же время мы наблюдаем повсеместные сбои и органическое возникновение новых. Для осмысления этих изменений требуется микро- и макрооптика, а с ней – новые языки описания и исследовательские фокусы.

Источники

- Блокланд Т. (2023) Сообщество как городская практика. М.: Новое литературное обозрение.
- Гоффман Э. (2017) Поведение в публичных местах. М.: Элементарные формы.
- Зиммель Г. (2018) Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press.
- В «Пятерочке» прошли выставки наивного искусства (2023) // Комсомольская правда. 16 мая. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27503/4763389/> (дата обращения: 17.12.2023).
- Гусейнова А. (2023) Как магазин «у дома» становится местом встречи с искусством // Бизнес&Общество. 04.08.2023. Режим доступа: <https://www.b-soc.ru/blogs/>

[kak-magazin-u-doma-stanovitsya-mestom-vstrechi-i-s-iskusstvom/](https://www.kak-magazin-u-doma-stanovitsya-mestom-vstrechi-i-s-iskusstvom/) (дата обращения: 17.12.2023).

- Джейкобс Д. (2011) Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство.
- Кишик Д. (2023) Манхэттенский проект. Теория города. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Оже М. (2001) Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение.
- Павлов А. (2019). Постпостмодернизм. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Проект «Мамин выходной» (2022) // Фонд президентских грантов. Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=ec433b80-4d97-4a75-bdd1-01264c4ba284&ysclid=lqaak1maf3769811751> (дата обращения: 17.12.2023).
- Центры местного сообщества (2022) // X5Group. Для сообщества. Режим доступа: <https://x5vmeste.ru/initiatives/community-centers/?ysclid=lq01shv7kg374148407> (дата обращения: 17.12.2023).
- Обзор покупательского потребления россиян (2017) // Анкетолог. 27.02.2017. Режим доступа: <https://iom.anketolog.ru/2019/02/26/magaziny?fbclid=IwAR1I0W9S1-pqRMNEB3t-XYsDUums4-rhQk5UzhsQfotXAQ24-a3l4wH4TCK> (дата обращения: 17.12.2023).
- Sustainability Report 2022 (2022) // X5Group. ESG reports. Режим доступа: <https://www.x5.ru/en/investors/esg-reports/> (дата обращения: 17.12.2023).

GIVING NON-SPACES SOCIAL SIGNIFICANCE THROUGH COMMUNITY INITIATIVES: THE SOCIAL PROJECT "LOCAL COMMUNITY CENTERS"

Anna L. Guseynova, social anthropologist, leading expert of Local Community Centers project, FCS Pyaterochka;
90/92 Nevsky Prospect, Saint Petersburg, 191025, Russian Federation.
E-mail: aguseynova@gmail.com

Based on an ethnographic analysis of an architectural and urban planning company in St. Petersburg, this article examines the use of the concept of "identity" in the practice of architects and urban planners. In recent years, the concept of identity has become an important element of Russian architectural and urban discourse. It is present in research, project portfolios, and official urban planning documents, influencing the policies and practices of city planning. However, despite its popularity and influence, this concept is strikingly ambiguous: it can refer to a citizen's sense of belonging, the collective image of a city, the contextuality and traditionality of a building, or, conversely, its uniqueness and originality. For an architect, "identity" can be created, revealed, or preserved. Why, despite this, does it remain in such high demand, and what does it actually mean? How and for what purposes is it used? This article answers these questions using anthropological methods and considering the design process as a form of communication in which the concept of "identity" has its own pragmatics of use.
Keywords: local identity; local communities; non-places; retail spaces; chain grocery stores; community engagement; social ties; urban transformation; place-making

Citation: Guseynova A.L. (2024) Giving Non-spaces Social Significance Through Community Initiatives: The Social Project "Local Community Centers". *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp. 110–120. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp942024110-120> (in Russian)

References

- Auge M. (2001). *Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Introduction to an Anthropology of Hypermodernity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian)
- Blokland T. (2023) *Soobshchestvo kak gorodskaya praktika* [Community as an urban practice]/Trans. by N. Prochenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian)
- Goffman E. (2017) *Povedenie v publichnykh mestakh* [Behavior in Public Places]. Moscow: Elementarnye formy.
- Guseynova A. (2023). *Kak magazin «u doma» stanovitsya mestom vstrechi s iskusstvom* [How a Neighborhood Store Becomes a Meeting Place with Art]. *Biznes & Obshchestvo*. 04 August 2023. Available at: <https://www.b-soc.ru/blogs/kak-magazin-u-doma-stanovitsya-mestom-vstrechi-s-iskusstvom/> (accessed: 17.12.2023). (in Russian)
- Jacobs J. (2011). *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow: Novoe izdanie (in Russian).
- Kishik D. (2023). *Manhettenskiy projekt. Teoriya goroda* [The Manhattan Project. Urban Theory]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russian)
- Obzor pokupatel'skogo potrebleniya rossiyan [Overview of Russian Consumer Spending] (2017). *Anketolog*. 27 February. Available at: <https://iom.anketolog.ru/2019/02/26/magaziny?fbclid=I->

- [wAR1IOW9S1-pqRMNEB3t-XYsDUums4-rh-Qk5UzhsQfotXAQ24-a3l4wH4Tck](https://www.war1iow9s1-pqRMNEB3t-XYsDUums4-rh-Qk5UzhsQfotXAQ24-a3l4wH4Tck) (accessed: 17.12.2023). (in Russian)
- Pavlov A. (2019). *Postpostmodernizm* [Post-Postmodernism]. Moscow: Izdatel'skiy dom "DeLo" RANKhIGS (in Russian).
- Proekt «Mamin vykhodnoy» [Project "Mom's Day Off"] (2022). *Fond prezidentskikh grantov*. Available at: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=ec433b80-4d97-4a75-bdd1-01264c4ba284&sys-clid=lqaak1maf3769811751> (accessed: 17.12.2023). (in Russian)
- Simmel G. *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [The Metropolis and Mental Life]. (in Russian)
- Sustainability Report 2022 (2022). *X5Group. ESG reports*. Available at: <https://www.x5.ru/en/investors/esg-reports/> (accessed: 17.12.2023).
- Tsentry mestnogo soobshchestva [Local Community Centers]. *X5Group. Dlya soobshchestva*. Available at: <https://x5vmeste.ru/initiatives/community-centers/?sys-clid=lq01shv7kg374148407> (accessed: 17.12.2023). (in Russian)
- V «Pyaterochke» proshli vystavki naivnogo iskusstva [Naïve Art Exhibitions Held at "Pyaterochka"] (2023). *Komsomol'skaya pravda*. 16 May 2023. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27503/4763389/> (accessed: 17.12.2023). (in Russian)

Разделенный город: генпланы и реальность в развитии Нового Уренгоя в 1970– 1980-е годы

Максим Мочалин

Городское планирование при социализме

В последние годы ученые все чаще обращаются к истории социалистического градостроительства как к способу осмысления прошлого стран Восточного блока [Sammartino, 2023, p. 1404–1405]. Благодаря изучению и анализу практик городского планирования представляется возможность оценить влияние генеральных планов на пространственное развитие социалистических городов. Исследователи изучают феномен планирования в соцстранах в попытках найти подходы, актуальные для современного городского строительства [Milojevic, Kuvac, 2023, p. 51; Engel, 2022, p. 675]. Авторами неоднократно отмечалось, что в наши дни градостроительство в бывших странах «народной демократии» до сих пор продолжает развивать практики, унаследованные от социалистического периода [Tandarić, 2019, s. 39]. Междисциплинарный анализ истории городского планирования зачастую основывается на поиске неких общих тенденций и особенностей, определявших пути развития социалистических городов [Ильченко, 2016, с. 56–57]. В центре внимания таких исследований нередко находится проблематика градостроительного дискурса, который воспроизводился в планировочной документации, преимущественно в генпланах. Анализ этого дискурса является немаловажным фактором для осмысления и переоценки результатов творческой деятельности советских архитекторов.

Ученые зачастую рассматривают советские генпланы как источник, свидетельствующий об особенностях и специфике социалистического городского планирования и градостроительной культуры в целом.

Мочалин Максим Сергеевич, аспирант кафедры истории, Тюменский государственный университет (ТюмГУ), Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: mochaln732@mail.ru

В статье раскрывается история эволюции генеральных планов города Новый Уренгой в 1970–1980-е годы. В начале работы описываются основные точки зрения на городское планирование при социализме и проблема незавершенности строительства советских городов. Опираясь в первую очередь на интерпретацию городского планирования в СССР как акта перформанса, автор описывает частую корректировку генеральных планов Нового Уренгоя. С точки зрения современников-проектировщиков, разработка новых генпланов обуславливалась перерасчетами численности населения города. Однако автор статьи подчеркивает, что постоянная незавершенность, подталкивающая к корректировке генпланов, была скорее проявлением практики и образа жизни в городском строительстве и планировании, феноменом постоянной импровизации. Также в статье показана эволюция градостроительного дискурса при проектировании Нового Уренгоя, где со временем усиливался поворот к человеку и экологии, но при этом не снималось противоречие между проектами города, которые подразумевали многоэтажную капитальную застройку и озеленение, и реальной стихийной средой города газовиков.

Ключевые слова: Новый Уренгой; генеральный план; Гипрогор; городское планирование; градостроительство

Цитирование: Мочалин М. С. (2024) Разделенный город: генпланы и реальность в развитии Нового Уренгоя в 1970–1980-е годы // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 121–133. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp942024121-133>

Так, изучая проекты реконструкции Москвы в первые годы советской власти, историк архитектуры Галина Яковлева отмечает, что советское городское планирование во многом находилось под влиянием культуры эпохи социализма [Яковлева, 2018, с. 292]. Исследовательница констатирует, что «каждый этап проектирования – это этап советской культуры» [Там же]. Она предлагает обратить внимание на социалистические генпланы как на источник, отражающий элементы и специфику архитектуры советского периода: «история планов развития Москвы (вплоть до 1970-х гг.) – это концентрированная история советской культуры» [Там же].

Исследователи истории архитектуры отмечают тенденцию некоего подражания генпланов советских провинциальных городов опыту столичного планирования [Старостенко, 2018, с. 356, 358]. Такое положение дел способствовало однообразию и дублированию приемов строительства в городах СССР. Это могло объясняться тем, что планированием городов в Советском Союзе во многом занимались крупные столичные проектные институты, из-за чего повторение в проектах застройки и реконструкции городов становилось практически неизбежным [Там же, с. 358]. Однако были и исключения. Некоторые города имели свои местные проектные организации. Так, в советском Львове с 1940 года действовал филиал Государственного института городского проектирования, который принимал участие при разработке генплана города [Otrishchenko, 2023, p. 260]. Аналогичный подход был реализован в социалистической Хорватии в послевоенный период: в Загребе, Сплите и Риэке организовывались филиалы Хорватского института городского планирования (УПИК) [Tandarić, 2019, s. 12]. Очевидно, что подобная практика способствовала более эффективному планированию, учитывающему местные градостроительные особенности и специфику конкретного города.

Еще одним важным аспектом исследований является сам процесс городского проектирования и разработки советского генплана. Так, в своих исследованиях историк архитектуры Евгения Конышева указывает на то, что формирование городской структуры соцгородов проходило синхронно с разработкой генпланов, из-за чего нередко возникала проблема отсутствия архитектурно-планировочного единства и целостности пространства го-

рода [Конышева, 2008, с. 236]. В 1930-е годы процесс планирования соцгородов-новостроек сопровождался постоянно меняющимися условиями и обстоятельствами городского строительства. Так, историк Александр Думчиков описывает, как в связи с изменением показателей народно-хозяйственного плана и административно-территориальными переменами местным проектным организациям не удавалось завершить составление генплана города Свердловска в течение десятилетия [Думчиков, 2023, с. 37–44]. Примером данного явления является кейс городского планирования в Хорватии времен социализма, где из-за постоянных реформ и корректировок в сфере градостроительного законодательства «городское планирование практиковалось в постоянно меняющихся условиях» [Tandarić, 2019, s. 37].

Известный исследователь советского градостроительства Марк Меерович утверждал, что неконтролируемая миграция и частый пересмотр Госпланом СССР расчетных показателей численности населения новых промышленных городов вынуждали советских архитекторов непрерывно корректировать утвержденные генпланы. Меерович был убежден, что в Советском Союзе «сфера проектирования вслед за официальной идеологией исходила из принципа: не следовать сложившимся условиям, а преобразовывать их и формировать ту среду, которая нужна» [Меерович, 2018, с. 931]. Иными словами, планирование и строительство городов в СССР 1920–1930-х годов зачастую во многом развивалось стихийно, вне каких-либо утвержденных инструкций и правил. Историк отечественной архитектуры Юлия Косенкова указывает, что «слабость государственной системы руководства застройкой городов проявилась уже в первые годы советской власти» [Косенкова, 2018, с. 19]. Более того, само советское градостроительное законодательство в данный период находилось еще на стадии своего становления [Вайтенс, 2006, с. 98–99].

Американская исследовательница Кристина Э. Кроуфорд выдвигает тезис о том, что в практике советского городского планирования именно контекстуальные условия строительства определяли дизайн будущего города. Нередко физические реалии соцгородов-новостроек стояли на пути реализации многих архитектурных решений [Crawford, 2022, p. 184]. По мнению Хизер ДеХаан, градостроительная

реальность 1930-х годов служила предпосылкой для некоего архитектурного «перформанса», своего рода творческого акта импровизации советских архитекторов при разработке генеральных планов социалистических городов [DeHaan, 2013, p. 102–103]. Стихийность и несистемность планирования в виде сиюминутных архитектурных решений, вероятно, в большинстве случаев приводила к неудачам в осуществлении многих градостроительных проектов.

Проблема незавершенности

Особенно интересна исследовательская оптика, позиционирующая понятие *незавершенности* в качестве отличительной черты социалистического строительства. ДеХаан рассматривает проблему незавершенности и нереализованности советских градостроительных проектов, используя в качестве примера историю проектирования и строительства города Горький. Исследовательница приводит высказывание директора горьковского Парка культуры и отдыха в Сормово: «Градостроительный план не соответствовал повседневным потребностям горожан в настоящем времени. Его (генплана. – М. М.) амбиции были слишком широки, а технологические требования – слишком высокими» [DeHaan, 2013, p. 164]. Иными словами, ДеХаан указывает на то, что местным городским властям не хватало административных и финансовых инструментов, необходимых для осуществления строительства согласно разработанному генплану. Немецкий историк Томас Бон также считал, что нереализованность реконструкции Минска была обусловлена высокой миграцией и дороговизной строительства [Бон, 2013, с. 106, 154]. По мнению норвежского архитектора Питера Хеммерсама, несмотря на расчетливость и прагматичность советского городского планирования в Арктике, фактическое развитие северных городов часто оказывалось ошибочным и неверным. В связи с этим строительство социалистических городов на Крайнем Севере нередко оставалось незавершенным или вовсе нереализованным [Hemmersam, 2021, p. 70].

Схожую проблему в отечественной историографии рассматривали авторы Юлия Мылова и Николай Крадин. Основываясь на исследовании кейса города Комсомольска-на-Амуре, они пришли к выводу, что причиной незавершенности возведения города являлись утопичность

проектов и несоответствие планов и реальности самого городского строительства [Мылова, Крадин, 2014, с. 365]. Американский исследователь Марк Д. Стейнберг рассматривает историю раннего советского градостроительства и архитектуры через концепцию «утопии». Ученый полагает, что «архитектура и утопия долгое время были союзниками; они вместе боролись за преодоление материальных ограничений жизни такой, какой она являлась» [Steinberg, 2021, p. 428]. Отечественные историки Ксения Пименова и Александр Думчиков описывали нереализованное строительство Уралхиммаш-строя с помощью категорий *shelf-* или *zombie-projects*, заимствованных у Э. Карс и Д. Ниса и отражающих невоплощенность идей [Думчиков, Пименова, 2023, с. 1458]. В своем исследовании они также отмечали влияние нереализованного архитектурного проекта на развитие топосов, а также указывали на тот факт, что образ невоплощенной стройки продолжал жить в пространстве дискурса [Думчиков, Пименова, 2023, с. 1448, 1459].

В своих исследованиях архитектор Сергей Духанов характеризует проблему незавершенности и нереализованности советских градостроительных проектов через призму закономерных явлений, присущих социалистическому городскому планированию [Духанов, 2017, с. 51–52]. Так, основываясь на архивных источниках, автор утверждает, что стоимость строительства новых городов была выше стоимости возведения их градообразующих предприятий [Там же]. В связи с чем феномен недостроенного города в Западной Сибири 1930-х годов во многом был характерным и закономерным явлением для советской практики градостроительства тех лет.

Историк Михаил Ильченко предлагает нам отказаться от определения понятия незавершенности как показателя для оценки реализации генплана, так как, по мнению автора, феномен советского градостроительства оказывается настолько сложным и многогранным явлением, что его просто невозможно рассматривать с точки зрения устоявшихся норм и стандартов [Ильченко, 2017, с. 73].

По большому счету, проблема нереализованных и несовершенных социалистических проектов городского строительства чаще всего учеными представляется как атрибут или особенность развития советского города. В настоящей статье мы предлагаем проанализи-

зировать один кейс такой незавершенности советского города. Речь пойдет об эволюции архитектурно-планировочного городского пространства и градостроительного дискурса при разработке генпланов города Новый Уренгой в период нефтегазового освоения Ямало-Ненецкого округа в 1970–1980-е годы.

Генпланы эпохи социализма служат ценным источником для выявления и анализа проявления градостроительного дискурса. Во многом именно генеральные планы наиболее информативно отражают доминирующий дискурс планировщиков относительно проектов городского развития. Исследование развития градостроительной мысли посредством анализа эволюции генпланов и проектов детальных планировок позволит нам сделать выводы о том, как воспринимался образ северного города в проектах архитекторов и каковы были замыслы планировщиков касательно дальнейшего архитектурно-планировочного развития Нового Уренгоя. Архитектурно-проектная документация в данном случае выступает в роли некоего свидетельства об условном дискурсивном языке узкой группы профильных специалистов, определявших будущий облик городского пространства.

Отличительной архитектурно-планировочной особенностью Нового Уренгоя является его размещение на двух площадках между рекой Седэ-Яха. Эта проектируемая и реальная разделенность городского пространства обусловлена не только географическим положением, но и активным градостроительным развитием Нового Уренгоя в годы интенсивного ресурсного освоения региона¹. Но город ямальских газодобытчиков отличало не только специфическое территориальное расположение. В большинстве своем в градостроительной истории Нового Уренгоя также присутствовала некая двойственность, выраженная в проблеме расхождения между планированием и строительством города. Иными словами, реальность строительства Нового Уренгоя была несколько отдалена от проектов и планов архитекторов, предусматривающих комплексное развитие города согласно утвержденной системе расселения. Поэтому в статье мы и используем метафору разделенного города, подчеркивающую реальную фрагментированность пространства Нового

Уренгоя на две основные площадки, а также несоответствие реального строительства проектным идеям.

Первые генпланы Нового Уренгоя

Создание города Новый Уренгой было обусловлено необходимостью в добыче газа на Уренгойском месторождении, открытом 6 июня 1966 года бригадой В. П. Полупанова [Колева, 2022, с. 150]. Идея возведения города при промысле была озвучена еще в 1968 году на конференции по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области [Фейгина, 1968, с. 21]. Так, согласно принятой системе «централизованного» варианта расселения, предполагалось возвести один большой город в пределах Ямало-Ненецкого округа для всех групп месторождений, которые предстояло эксплуатировать с помощью вахтовых поселков [Стась, 2014, с. 138]. Намеченным планам суждено было сбыться только спустя 5 лет, в декабре 1973 года, когда из поселка Пангоды направилась автотракторная колонна для обустройства в Пуровском районе базы газодобытчиков при Уренгойском месторождении [Колева, 2022, с. 210].

В 1974 году в связи с обустройством и эксплуатацией Уренгойского газового месторождения Государственный институт проектирования городов (Гипрогор) разработал генеральный план города Уренгоя. Официально генплан был утвержден решением Тюменского облисполкома в сентябре 1974 года. Численность населения предусматривалась на расчетный срок 25–30 лет 30 тыс. человек и 18 тыс. человек до 1980 года [Стась, 2014, с. 142]. Генеральный план рассматривал дальнейшее развитие населенного пункта как промышленного центра добычи газа в Тюменской области. Отдельно стоит отметить, что в плане уже было заложено четкое функциональное зонирование территории с выделением селитебных и промышленно-коммунальных зон². Согласно генплану, намеченная территория позволяла разместить требуемые объемы жилищно-гражданского и промышленного строительства с обеспечением необходимого резерва [Отрадных, 2004, с. 214]. Генплан предполагал возведение капитального жилья в 4, 9 и 12 этажей, а также наличие полного инженерного оборудования

1. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 72.

2. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 5425. Л. 150.

и благоустройства. Немаловажным является тот факт, что окружным и областным руководством было принято решение о строительстве в первую очередь культурно-бытовых и спортивных учреждений в городе³.

В целом первый генплан Нового Уренгоя демонстрирует подход советского государства к освоению региона в контексте уже упомянутого «централизованного» варианта расселения [Стась, 2013а, с. 102–103], суть которого заключалась в возведении базового города до 80 тыс. человек на весь район газодобычи [Стась, 2014, с. 134]. Руководство округа и области избегало идеи создания временного поселения, а, напротив, выступало за строительство капитального и благоустроенного базового города для дальнейшего промышленного освоения Уренгойского месторождения. Тем не менее генплан 1974 года в полной мере так и не был реализован. Во многом причиной срыва явился массовый стихийный самострой, который привел к тому, что поселок разрастался быстрыми темпами⁴. Также до конца 1970-х годов в Новом Уренгое практически не велось капитального строительства, что было недопустимо в рамках принятого генплана. Например, авторы Виктор Карпов и Галина Колева указывают, что пересмотр перспектив развития города был напрямую связан с переоценкой утвержденных запасов Уренгойского месторождения, что впоследствии влекло к перерасчету прогнозируемого количества горожан в сторону увеличения [Карпов, Колева, 2011, с. 141].

Спустя пять лет, в 1979 году, Тюменским облисполкомом был утвержден новый генеральный план Нового Уренгоя⁵, в разработке которого принимал участие проектный институт Гипрогор. В связи с прогнозируемым ростом численности населения до 70 тыс. жителей на расчетный срок в 25–30 лет было принято решение о корректировке генерального плана 1974 года⁶. Как уже было сказано, с точки зрения Марка Мееровича, пересмотр роста численности горожан был основной причиной разработки новых генпланов. В случае с Новым Уренгоем

об этом же говорили и сами проектировщики.

Второй план города предполагал размещение под массовое жилищное строительство в наиболее благоприятных в природном и градостроительном отношении территориях с увеличением площади городской застройки до 500 га на первую очередь строительства и 1005 га – к концу расчетного срока. Архитектурно-планировочное решение было направлено на развитие и улучшение планировочной структуры города с учетом сложившихся градостроительных факторов и природных условий⁷. При капитальной застройке города авторами генплана планировалось применять серию дома 111–112, которую выпускал Надымский домостроительный комбинат (Надымский ДСК). Данная серия позволяла осуществлять жилищное строительство в Новом Уренгое с учетом всех необходимых градостроительных требований, применяемых к городам, возводимым в северных широтах⁸. В проектах обращалось внимание на то, что архитекторы стремились улучшить планировочную структуру города в соответствии с климатическими условиями Крайнего Севера.

По большому счету, второй генеральный план Нового Уренгоя просто продолжал положения и традиции предыдущего плана города. Авторы генплана, как и прежде, следовали идее создания базового города, но рассчитанного уже не на 30 тыс. человек, а на 80 тыс. жителей в период реализации проекта. Единственное, что делало генплан 1979 года по-настоящему новым, так это развитие градостроительного дискурса в сторону возведения жилых домов с учетом природно-климатических условий региона. В целом генеральный план 1979 года, скорее, стоит рассматривать как стандартную корректировку предыдущего плана, а не как некое архитектурное новшество, предлагавшее совершенно новые подходы и концепции в практике планирования города.

Таким образом, первые планы градостроительного развития Нового Уренгоя отражали общий дискурс планировщиков о необходимости возведения базового города близ месторождения. Градостроительный дискурс Нового Уренгоя 1970-х

3. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 5425. Л. 152–153.

4. Архив города Сургута Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 129.

5. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 193.

6. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 130.

7. Там же.

8. Там же.

годов развивался в логике поиска и выра-
ботки более свершенных и удачных ре-
цептов архитектурно-планировочного раз-
вития северного города. Это в конечном
итоге привело к утверждению в градо-
строительных документах идеи о необхо-
димости возведения капитального жилья
с учетом местных климатических условий
региона.

Однако реальность Нового Уренгоя
была очень далека от проектов архитекто-
ров, предусматривавших превращение
маленького поселка в крупный благо-
устроенный и комфортный город ямаль-
ских газодобытчиков. Так, например, к на-
чалу 1979 года в поселке проживало
8,5 тыс. человек. На тот момент жилищ-
ный фонд был представлен малоэтажны-
ми деревянными домами. Полностью от-
сутствовало капитальное многоэтажное
строительство, имело место возведение
в значительном объеме временных посел-
ков, вагон-городков и балков на террито-
риях, предназначенных для капитальной
жилой застройки⁹. Отставало строитель-
ство объектов культурно-бытового назна-
чения, коммунального хозяйства и орга-
низация благоустройства. Отмечалось
наличие прецедентов незаконного строи-
тельства. Например, в западной части по-
селка был возведен аэродром класса «В»,
который не был ранее предусмотрен
в генплане Нового Уренгоя¹⁰. Подобные
акты стихийного строительства препят-
ствовали планомерному территориально-
му росту города согласно намеченному
плану развития.

Поворот к человеку в разделенном городе

Спустя всего лишь три года, в 1982 году,
руководством Тюменской области был
принят новый, по счету уже третий, ген-
план города, разработанный все тем же
проектным институтом Гипрогор¹¹. Со-
гласно пояснительной записке, причиной
принятия нового плана Нового Уренгоя
стало прогнозируемое увеличение объе-
мов добычи газа (до 250 млрд м³)¹², сле-
довательно, и рост численности градо-
образующей группы населения. Что
опять же подтверждает объяснение Мее-
ровича.

9. Там же. Л. 129.

10. Там же.

11. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 2 об.

12. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 5.

13. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 72.

Авторами нового генплана выступили
архитекторы М. Г. Савидова, А. Н. Отрад-
нов, Т. Г. Джейранашвили, Э. Я. Фейгина
и М. Г. Крестмейн. В плане 1982 года явно
прослеживалась тенденция адаптивности
к климату Крайнего Севера. Внутри архи-
тектурно-планировочного проекта стала
доминировать новая риторика, посвящен-
ная созданию системы пешеходных про-
странств в центральной части города.
По мнению планировщиков, пешеходные
зоны должны были представлять пассажи
и небольшие площадки, галереи и зимние
сады, а также бульвары вдоль фасадов
улиц-пассажей для прогулок в теплое вре-
мя года.

Возможно, что это решение было
не просто нетипичным подходом советских
архитекторов к планированию и застройке
северного города. В этом проекте мы так-
же можем наблюдать проявление совет-
ского идеологического дискурса о подчи-
нении природы интересам человека
[Калеменова, 2017, с. 93–94], который
в данном случае выражался в стремлении
планировщиков уберечь горожан от влия-
ния сурового ямальского климата. Историк
Екатерина Калеменова пишет, что в 1950-е
годы внутри общественного дискурса на-
чинала доминировать условная «формула»,
которая предполагала, что рабочие Севера
должны иметь аналогичные или даже
более привилегированные жилищные
условия, чем жители других регионов
страны. В связи с этим советским архитек-
торам предстояло разработать проекты
северных городов, учитывающих влияние
климата на повседневную жизнь человека
[Kalemeneva, 2019, p. 440–441].

Данный генплан предполагал развитие
города на двух площадках, разделенных
широкой поймой реки Седэ-Яха. Проекти-
ровщики определили северную площадку
Нового Уренгоя как территорию, которая
должна была выполнять функции город-
ского центра, а также выступать новой ар-
хитектурной доминантой города¹³. Север-
ная жилая площадка предназначалась для
размещения капитального средне- и мно-
гоэтажного жилья. Разработчики нового
генерального плана Нового Уренгоя отме-
чали, что градостроительная ситуация
крайне неблагоприятна, так как город из-
начально размещался на малопригодной

Рис. 1. Генеральный план Нового Уренгоя 1982 г. Основной чертёж
 Источник: ГБУТО ГАТО. Ф.Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 74.

для строительства территории, ввиду чего было решено расположить часть новых микрорайонов города на противоположном берегу реки Седэ-Яха.

Новый подход планировщиков во многом определил будущую разделенность внутренней структуры города. Как отмечали сами архитекторы, отрицательной стороной данного архитектурно-планировочного решения являлось нарушение принципа компактности городской застройки, что было крайне нежелательным для суровых климатических условий ЯНАО¹⁴. Стоит заметить, что в проекте также достаточно большое внимание уделялось территории, которая разделяла два района, то есть пойме рек Седэ-Яха и Ева-Яха. Планировщики поставили цель по превращению пойменной зоны в важный структурно связующий элемент. В проекте эта территория трактовалась как городская зеленая зона отдыха¹⁵.

Но реальное положение дел в процессе застройки города сильно отличалось от намеченных планов. Как свидетельствует городская газета «Правда Севера», в начале 1980-х годов три четверти горожан

проживало в неблагоустроенном жилье, представленном в виде вагончиков и двухэтажных деревянных домов¹⁶. Главный архитектор Нового Уренгоя И. Казебрид сообщал: «Уренгой уже сейчас занимает солидную площадь: 14 километров в длину, 4 километра в ширину... Но среди тысяч гектаров пока нет ни одного клочка благоустроенной территории»¹⁷. Впоследствии для анализа медленных темпов жилищно-гражданского строительства в городе даже была привлечена комиссия Госгражданстроя [Колева, 2007, с. 242].

Итак, третий генплан демонстрировал подход планировщиков, нацеленный на совершенствование городского пространства, адаптированного к климатическим условиям проектируемого города. Генплан 1982 года (рис. 1) является первым планом Нового Уренгоя, в котором архитекторами были заложены зеленые рекреационные зоны, что в первую очередь указывает нам на высказанный Екатериной Калеменовой поворот к человеку, воплощенный в стремлении повышения уровня благоустройства в строящемся городе.

Вместе с тем, сопоставив планы и реальность города, можно сделать выводы о том, что Новый Уренгой существовал как бы в двух разделенных измерениях. С одной стороны, город в макетах архитекторов и на страницах генпланов – хорошо спланированный, благоустроенный и самостоятельный городской организм. С другой же стороны, Новый Уренгой – реальный, являвшийся деструктивным и нецелостным городским пространством, в котором к тому же практически отсутствовало капитальное и благоустроенное жилье как таковое.

В 1987 году Гипрогор разработал новый генеральный план города Нового Уренгоя (рис. 2) на 200 тыс. человек. Создание нового генплана было вызвано все той же отмечаемой в источниках причиной – стремительным ростом численности жителей города. В новом проекте рассчитывалось, что уже к 1990 году население Нового Уренгоя будет составлять 150 тыс. человек¹⁸. Этот рост прогнозировался в том числе в связи с открытием и обустройством крупного Ямбургского газового ме-

14. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 71.

15. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 73.

16. Центральная пресса о нашем городе // Правда Севера. 1981. 27 октября. № 113.

17. Там же.

18. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 6658. Л. 13.

Рис. 2. Генеральный план Нового Уренгоя 1987 г. Очередность строительства районов города
 Источник: ГБУТО ГАТО. Ф.Р-1933. Оп. 9. Д. 306. Л. 198.

сторождения¹⁹. В генплане указывалось, что дальнейшее расширение и развитие города должно было происходить на Северной площадке, которая, по замыслу архитекторов, была более удачной и перспективной для высокоэтажной микрорайонной застройки.

В новом генплане, как и в предыдущем, получила дальнейшее продвижение идея о строительстве системы крытых переходов и галерей, которые были призваны оградить горожан от холода и ветра в зимнее время года. Так, один из авторов генерального плана М. Г. Савидова сообщала, что главная улица города будет создана в виде пассажа (по аналогии с известным Петровским пассажем в Москве), который должен был протянуться на полтора километра [Трутнев, 1989, с. 149].

Одновременно с этим планировщики делали акцент на сохранении существующей

растительности в черте города: проектом предусматривалось создание системы зеленых насаждений общего пользования – садов, скверов и бульваров. Основным зеленым ядром в системе озеленения города намечался парк в пойменной части рек Седэ-Яха и Томчаруяха, мысль о создании которого была прописана еще в предыдущем генплане 1982 года. Эта парковая территория планировалась как связующая зона между южной и северной частями города²⁰. Один из авторов генплана В. Н. Коган отмечал: «В новом Уренгое остро ощущается дефицит общедоступных зеленых насаждений в закрытых помещениях. В соответствии со строительными нормами в этом проекте уже предусмотрены специальные зимние сады. Между тем зеленые насаждения можно разместить и в первых этажах отдельных жилых домов, расположенных на участках улиц с интенсивным пешеходным движением»²¹.

В итоге генпланы 1980-х годов отличались повышенным вниманием к озеленению и благоустройству территорий. Не исключено, что такая тенденция была реакцией на усиливающееся загрязнение окружающей среды в процессе нефтегазового освоения Севера Тюменской области [Стась, 2017, с. 99]. По мнению историка Игоря Стася, во второй половине 1980-х годов в архитектурно-градостроительном сообществе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) последовало доминирование «экологического дискурса» [Там же, с. 101], и потому вопросы сохранения уязвимой природы Севера играли значительную роль при разработке генпланов городов нефтяников и газовиков.

***

Генеральные планы Нового Уренгоя 1974, 1979, 1982, 1987 годов демонстрируют эволюцию подходов к планированию города, обусловленных адаптацией к природно-климатической специфике региона. Если первые генпланы 1970-х годов больше характеризовались особой планировкой и проектами возведения зданий в «северном исполнении», то проекты 1980-х годов уже стали включать в себя системы улиц-пассажей и крытых галерей, отдельно стал выделяться центр будущего города, также была сформирована концепция

19. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 306. Л. 4.

20. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 306. Л. 114.

21. Новый Уренгой в третьем тысячелетии // Правда Севера. 1988. 25 февраля. № 23.

зеленых рекреационных зон в городской черте. С нашей точки зрения, такое изменение подхода к проектированию арктического города и поворот к человеку и экологии свидетельствует о серьезном дискурсивном сдвиге в архитектурно-планировочной документации Нового Уренгоя. Вероятно, подобная эволюция градостроительного дискурса была характерна не только при генпланировании городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [Стась, 2017, с. 101], но и в целом при разработке генпланов во всей стране.

Несмотря на то что частая смена генпланов была типичным явлением в практике советского градостроительства, случай Нового Уренгоя кажется весьма уникальным. Бывший главный архитектор Тюменской области Анатолий Отраднов вспоминал: «За 13 лет генеральный план Уренгоя корректировался 4 раза. В 1974 году институт «Гипрогор» разработал генеральный план города на 30 тыс., в 1979 году – на 70 тыс., в 1982 году – на 160 тыс., в 1987 году – на 200 тыс. человек» [Отраднов, 2004, с. 215]. С одной стороны, следует согласиться с известным городским историком Марком Мееровичем, поскольку источники напрямую указывают, что перерасчеты численности населения городов выступали основным обоснованием корректировки генпланов. С другой – важно учитывать региональный контекст, в рамках которого постоянная разработка новых генпланов могла обуславливаться меняющимся сценарием программы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Так, историк В. Л. Некрасов пишет, что «в 1970-е годы управление развитием ЗСНГК происходило в режиме скорее прямого реагирования, чем перспективного планирования» [Некрасов, 2008, с. 259].

Следуя интерпретации ДеХаан, смеем предположить, что сама концепция развития «по плану» являлась больше образом социалистической жизни, а не ее сутью [DeHaan, 2013, p. 12]. Как разработка концепции строительства нефтегазового комплекса, так и планирование города газовиков по своей природе были живым и творческим процессом, где городское развитие проходило вне линейной и механизированной логики. Стремительное развитие нефтегазовой отрасли зачастую требовало изменений и новых адаптаций внутри архитектурно-планировочных проектов городов-новостроек Тюменского Севера 1960–1980-х годов.

В данном случае суть феномена незавершенности и нереализованного градостроительного проекта выражается в двойственности процесса планирования и застройки города. В целом ни один из планов города так до конца и не был реализован. Возможно, что воплощению замыслов архитекторов препятствовали стихийное строительство²², отсутствие местной базы строительной индустрии, удаленность Нового Уренгоя от промышленных центров Советского Союза, специфика климатических условий региона и т.д. [Отраднов, 2004, с. 213]. Также нельзя исключать факт неопределенного юридического статуса генеральных планов. Например, историк Игорь Стась указывает на то, что «большинство генпланов городов не подтверждались общесоюзными и республиканскими законами» [Стась, 2013б, с. 135]. Одновременно с этим несоответствие планов и реальности в большинстве своем может легко объясняться неравным соотношением сил и объемов городского строительства, намеченных в проектах развития города [Мурзин, 1998, с. 72].

Мы же хотим подчеркнуть, что категория «незавершенности» не отражает в полной мере степень оценки осуществления градостроительного проекта. Постоянная незавершенность, подталкивающая к корректировке генпланов, скорее показывает феномен практики советского планирования и образа жизни в городском строительстве в СССР, основанном на импровизации и перформансе. Исходя из этого, архитектурно-планировочное развитие Нового Уренгоя и его градостроительного дискурса в 1970–1980-е годы отражает общие закономерности и тенденции, характерные для процесса социалистической урбанизации.

Источники

- Бон Т. (2013) «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны/Пер. Е. Слепович. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Бугров К. Д. (2023) Столичная идентичность и градостроительное развитие Екатеринбурга (конец XIX – начало XXI в.) // Уральский исторический вестник. Vol. 80. № 3. С. 17–27.
- Вайтенс А. Г. (2006) Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI века. Опыт исторического исследования. Обнинск: Институт муниципального управления.

22. Архив города Сургута Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 129.

- Думчиков А.А., Пименова К.Д. (2023) Нереализованный гигант машиностроения на Урале: мобилизационная политика и практика строительства // *Quaestio Rossica*. Vol. 11 № 4. С. 1445–1463.
- Думчиков А.А. (2023) Разработка генерального плана Свердловска в 1930-е гг.: проблемы и особенности // *Уральский исторический вестник*. Vol. 80. № 3. С. 37–44.
- Духанов С.С. (2017) Проблемы «Недостроенного города» в Западной Сибири 1930-х гг. // *Сибирские исторические исследования*. №2. С. 38–55.
- Ильченко М.С. (2016) Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг. // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3. С. 55–71.
- Ильченко М.С. (2017) Незавершенный проект как форма восприятия советского градостроительства 1920–1930-х гг.: опыт социалистических городов // *Сибирские исторические исследования*. № 2. С. 56–79.
- Калеменова Е.А. (2017) Северный климат как «враг» и как ресурс в советских урбанистических проектах арктических городов 1940-х гг. // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. Vol. 51. № 6. С. 89–95.
- Карпов В.П., Колева Г.Ю. (2011) От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири. Тюмень: ТЮМГНГУ.
- Колева Г.Ю. (2007) Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960–1980-е годы // *Вестник Тюменского государственного университета*. № 1. С. 237–244.
- Колева Г.Ю., Колев Ж.М. (2022) Газовая промышленность Тюменской области: от Березовского до Медвежьего: монография. Тюмень: ТИУ.
- Коньшева Е.В. (2008) Генеральные планы советского Челябинска (1936, 1947, 1967): диалог сквозь десятилетия // *Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI века* / Под ред. Е.В. Коньшева, С.А. Баканов, Л.В. Никитина. Челябинск: Изд-во ЧГПУ. С. 223–253.
- Корнилов Г.Г. (2011) Особенности формирования поселенческой сети ЯНАО в период активного промышленного освоения (1970–1980-е гг.) // *Проблемы модернизации Сибирского Севера: Сборник научных трудов* / Под ред. В.П. Карпов. Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет. С. 92–100.
- Косенкова Ю.Л. (2018) Представления о будущей организации градостроительства в первые годы советской власти // *Советское градостроительство 1917–1941: в 2 кн.* / Под ред. Ю.Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция. Кн. 1. С. 19–30.
- Меерович М.Г. (2018) Межведомственная борьба внутри государственной системы проектного дела в СССР // *Советское градостроительство 1917–1941: в 2 кн.* / Под ред. Ю.Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция. Кн. 2. С. 919–941.
- Мурзин В.В. (1998) Прикосновение к Уренгюю. М.: Поликом-Росс, 1998. С. 72.
- Мылова Ю.А., Крадин Н.П. (2014) Специфика формирования архитектурно-градостроительной среды советского города середины XX в. (на примере г. Комсомольска-на-Амуре, Хабаровский край) // *Баландинские чтения*. Vol. № 8. № 1. С. 359–367.
- Некрасов В.Л. (2008) Долгосрочная комплексная программа развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: исторический аспект // *Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сборник материалов II региональной молодежной научной конференции* / А.К. Кириллов (ред.). Новосибирск. С. 255–262.
- Отрадных А.Н. (2004) Города, как люди // *Нефтегазостроители Западной Сибири: в 2 кн.* Кн. 2: Антология. М.: Российский Союз нефтегазостроителей.
- Старостенко Ю.Д. (2018) Проблема ансамбля в советском градостроительстве 1920–1930-х гг. в теории и на практике // *Советское градостроительство 1917–1941: в 2 кн.* / Под ред. Ю. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция. Кн. 1. С. 327–366.
- Стась И.Н. (2013а) Борьба интересов в градостроительном освоении нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960–1970-е гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. № 375. С. 102–105.
- Стась И.Н. (2013б) Генеральные планы городов нефтяников в ретроспективе градостроительной политики Тюменской области // *Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: материалы третьей научно-практической конференции, город Сургут, 26–29 ноября 2013 г.: [посвящ. 50-летию МБУК «Сургутский краеведческий музей»]* в 2 ч. Ч. 2 / Под общ. ред. Т.А. Исаевой. Сургут: Изд.-полиграф. комплекс. С. 130–137.
- Стась И.Н. (2014) Города или гостиницы? Вопросы строительства городов газовиков в Ямало-Ненецком округе в конце 1960-х гг. // *Арктика и Север*. №16. С. 132–143.
- Стась И.Н. (2017) Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.) // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. № 6 (51). С. 96–103.
- Трутнев А.В. (1989) Энергия века. М.: Недра. С. 149.
- Фейгина Э.Я. (1968) Проблемы расселения и планировки населенных пунктов районов Тюменского Севера // *Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газонасыщенных районах Тюменской области. 26–28 июня 1968 г. [Тезисы докладов]*. Тюмень. С. 21.
- Яковлева Г.Н. (2018) Три проекта реконструкции Москвы (1918–1925) // *Советское градостроительство 1917–1941: в 2 кн.* / Под ред. Ю. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция. Кн. 1. С. 273–326.
- Crawford Ch. (2022) *Spatial Revolution: Architecture and Planning in the Early Soviet Union*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- DeHaan H. (2013) *Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power*. Toronto: University of Toronto Press.
- Engel B., Hein C. (ed.) (2022) *The Concept of the Socialist City: Plans and Patterns of*

- Soviet Urbanism//International Planning History Society Proceedings, 19th IPHS Conference, City-Space-Transformation, TU Delft, 5-6 July, 2022, TU Delft Open. P. 663-678.
- Hemmersam P. (2021) Making the Arctic City: The History and Future of Urbanism in the Circumpolar North. London: Bloomsbury Publishing.
- Kalmeneva E. (2019) From New Socialist Cities to Thaw Experimentation in Arctic Townscapes: Leningrad Architects Attempt to Modernise the Soviet North//Europe-Asia Studies. Vol. 71. № 3. P. 426-449.
- Milojevic B., Kuvac I. (2023) Recognizing Principles of Integrated Urban Planning in Historical Development of the City: A Case Study of Banja Luka//Journal of Urban History. Vol. 49. № 2. P. 290-308.
- Otrishchenko N. (2023) Urban Planners Between Secrecy, Automation, and Human-Centered Design: Visions of Environment Management in Late Soviet City//European Review of History: Revue européenne d'histoire. Vol. 30. № 2. P. 257-277.
- Sammartino A. (2023) The Socialist City of Tomorrow in Retrospect//Journal of Urban History. Vol. 49. № 6. P. 1404-1409.
- Steinberg M.D. (2021) The New Socialist City: Building Utopia in the USSR, 1917-1934//International Critical Thought. Vol 11. № 3. P. 427-449.
- Tandarić N. (2019) Urban planning in socialist Croatia//Hrvatski Geografski Glasnik. Vol. 81. № 2. S. 5-41.
- A DIVIDED CITY: GENERAL PLANS AND REALITY IN THE DEVELOPMENT OF NOVY URENGOY IN THE 1970S-1980S**
- Maxim S. Mochalin, post-graduate student of the Department of History, University of Tyumen (UTMN), 6 Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russian Federation. E-mail: mochalin732@mail.ru
- This article reveals the evolution of the general plans of the city of Novy Urengoy in the 1970s and 1980s. The work outlines the main perspectives on urban planning under socialism and the problem of the incomplete construction of Soviet cities. Relying primarily on the interpretation of urban planning in the USSR as an act of performance, the author shows the frequent adjustments to the master plans of Novy Urengoy. From the point of view of Soviet designers, the development of new master plans was conditioned by recalculations of the city's population. However, the author emphasizes that the constant incompleteness, pushing for the adjustment of general plans, was a manifestation of the practice and lifestyle in urban construction and planning, a phenomenon of constant improvisation. The article also shows the evolution of urban planning discourse in the design of Novy Urengoy, where the turn towards people and ecology increased over time. However, the contradiction between the city's projects, which implied multistorey capital buildings and landscaping, and the real natural environment of a city of gas workers was not overcome.
- Keywords:** Novy Urengoy; general plan; Giprogor; urban planning; urban planning
- Citation:** Mochalin M.S. (2024) A Divided City: General Plans and Reality in the Development of Novy Urengoy in the 1970s-1980s. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp. 121-133. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp942024121-133> (in Russian)
- References**
- Bon T. (2013) "Minskiy fenomen". Gorodskoe planirovanie i urbanizatsiya v Sovetskom Soyuze posle Vtoroy mirovoy voyny [The "Minsk Phenomenon": Urban Planning and Urbanization in the Soviet Union After World War II]/Transl. by E. Slepovich. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (in Russian)
- Bugrov K.D. (2023) Stolichnaya identichnost' i gradostroitel'noe razvitiye Yekaterinburga (konets XIX - nachalo XXI v.) [Metropolitan Identity and Urban Development of Yekaterinburg (Late 19th - Early 21st Century)]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, vol. 80, no 3, pp. 17-27. (in Russian)
- Crawford Ch. (2022) Spatial Revolution: Architecture and Planning in the Early Soviet Union. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- DeHaan H. (2013) Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power. Toronto: University of Toronto Press.
- Dukhanov S.S. (2017) Problemy "Nedostroennogo goroda" v Zapadnoy Sibiri 1930-kh gg. [The Issues of the "Unfinished City" in Western Siberia in the 1930s]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya*, no 2, pp. 38-55. (in Russian)
- Dumchikov A.A., Pimenova K.D. (2023) Nerealizovanny gigant mashinostroeniya na Urale: mobilizatsionnaya politika i praktika stroitel'stva [An Unrealized Giant of Mechanical Engineering in the Urals: Mobilization Policy and Construction Practices]. *Quaestio Rossica*, vol. 11, no 4, pp. 1445-1463. (in Russian)
- Dumchikov A.A. (2023) Razrabotka general'nogo plana Sverdlovskaya v 1930-e gg.: problemy i osobennosti [The Development of Sverdlovsk's Master Plan in the 1930s: Issues and Features]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, vol. 80, no 3, pp. 37-44. (in Russian)
- Engel B., Hein C. (ed.) (2022) The Concept of the Socialist City: Plans and Patterns of Soviet Urbanism. *International Planning History Society Proceedings*, 19th IPHS Conference, City-Space-Transformation, TU Delft, 5-6 July, 2022, TU Delft Open, pp. 663-678.
- Feigina E.Ya. (1968) Problemy rasseleniya i planirovki naselyonnykh punktov rayonav Tyumenskogo Severa [Problems of Settlement and Planning of Settlements in the Tyumen North Regions]. *Nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya po problemam gradostroitel'stva v gazonosnykh rayonakh Tyumenskoy oblasti*. 26-28 iyunya 1968 g. [Theses of Reports]. Tyumen, p. 21. (in Russian)
- Hemmersam P. (2021) Making the Arctic City: The History and Future of Urbanism in the Circumpolar North. London: Bloomsbury Publishing.

- Il'chenko M.S. (2017) Nezavershennyi projekt kak forma vospriyatiya sovetskogo gradostroitel'stva 1920–1930-kh gg.: opyt sotsialisticheskikh gorodov [The Unfinished Project as a Perception of Soviet Urban Planning in the 1920s–1930s: The Experience of Socialist Cities]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya*, no 2, pp. 56–79. (in Russian)
- Il'chenko M.S. (2016) Opyt Uralmasha v arkhitekture sovetskogo avangarda: gradostroitel'nyy eksperiment 1920–1930-kh gg. [The Uralmash Experience in Soviet Avant-Garde Architecture: An Urban Planning Experiment of the 1920s–1930s]. *Quaestio Rossica*, vol. 4, no 3, pp. 55–71. (in Russian)
- Kalemeneva E. (2019) From New Socialist Cities to Thaw Experimentation in Arctic Townscapes: Leningrad Architects Attempt to Modernise the Soviet North. *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 3, pp. 426–449.
- Kalemeneva E.A. (2017) Severnyy klimat kak "vrag" i kak resurs v sovetskikh urbanisticheskikh projektakh arkticheskikh gorodov 1940-kh gg. [The Northern Climate as an "Enemy" and a Resource in Soviet Urban Planning Projects for Arctic Cities of the 1940s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 51, no 6, pp. 89–95. (in Russian)
- Karpov V.P., Koleva G.Yu. (2011) Ot Berezovo do Yamburga: 45 let gazovoy promyshlennosti Zapadnoy Sibiri [From Berezovo to Yamburg: 45 Years of the Gas Industry in Western Siberia]. Tyumen: TyumGNGU. (in Russian)
- Koleva G.Yu. (2007) Stroitel'stvo gorodov v rayonakh novogo promyshlennogo osvoeniya v 1960–1980-e gody [City Building in the Areas of New Industrial Development in the 1960s–1980s]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 1, pp. 237–244. (in Russian)
- Koleva G.Yu., Kolev Zh.M. (2022) Gazovaya promyshlennost' Tyumenskoy oblasti: ot Berezovskogo do Medvezhego: monografiya [The Gas Industry of the Tyumen Region: From Berezovskoye to Medvezheye: A Monograph]. Tyumen: TIU. (in Russian)
- Konyisheva E.V. (2008) General'nye plany sovetskogo Chelyabinska (1936, 1947, 1967): dialog skvoz' desyatiletiiya [Master Plans of Soviet Chelyabinsk (1936, 1947, 1967): A Dialogue Across Decades]. *Gorod v zerkale genplana: panorama gradostroitel'nykh projektov v rossiyskoy provintsii XVIII–nachala XXI vekov* [The City in the Mirror of the Master Plan: A Panorama of Urban Planning Projects in Russian Provinces from the 18th to the Early 21st Century]/Ed. by E.V. Konyisheva, S.A. Bakanov, L.V. Nikitina. Chelyabinsk: Izdatel'stvo ChGPU, pp. 223–253. (in Russian)
- Kornilov G.G. (2011) Osobennosti formirovaniya poselencheskoy seti YNAO v period aktivnogo promyshlennogo osvoeniya (1970–e–1980-e gg.) [Features of the Formation of the Settlement Network of Yamal-Nenets Autonomous Okrug During the Active Industrial Development (1970s–1980s)]. *Problemy modernizatsii Sibirskiy Severa: Sbornik nauchnykh trudov* [Problems of the Modernization of the Siberian North: A Collection of Scientific Works]/Ed. by V.P. Karpov. Tyumen: Tyumenskiy gosudarstvennyy neftegazovyy universitet, pp. 92–100. (in Russian)
- Kosenkova Yu.L. (2018) Predstavleniya o budushchey organizatsii gradostroitel'stva v pervyye gody sovetskoy vlasti [Concepts of Future Urban Planning in the Early Years of Soviet Power]. *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1917–1941: v 2 kn.* [Soviet Urban Planning 1917–1941: In 2 vols.]/Ed. by Yu.L. Kosenkova. Moscow: Progress-Traditsiya, vol. 1, pp. 19–30. (in Russian)
- Meerovich M.G. (2018) Mezhdomstvennaya bor'ba vnuti gosudarstvennoy sistemy projektnoye dela v SSSR [Interdepartmental Struggles Within the State System of Project Affairs in the USSR]. *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1917–1941: V 2 kn.* [Soviet Urban Planning 1917–1941: In 2 vols.]/Ed. by Yu.L. Kosenkova. Moscow: Progress-Traditsiya, vol. 2, pp. 919–941. (in Russian)
- Milojevic B., Kuvac I. (2023) Recognizing Principles of Integrated Urban Planning in Historical Development of the City: A Case Study of Banja Luka. *Journal of Urban History*, vol. 49, no 2, pp. 290–308.
- Murzin V.V. (1998) Prikosnovenie k Urengoyu [Touching Upon Urengoy]. Moscow: Polikom-Ross, 1998, p. 72. (in Russian)
- Mylova Yu.A., Kradin N.P. (2014) Spektifikatsiya formirovaniya arkhitekturno-gradostroitel'noy sredy sovetskogo goroda serediny XX v. (na primere g. Komsomol'ska-na-Amure, Khabarovskiy kray) [Specificity of Forming the Architectural and Urban Environment of the Soviet City in the Mid-20th Century (The Example of Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Krai)]. *Balandinskiye chteniya*, vol. 8, no 1, pp. 359–367. (in Russian)
- Nekrasov V.L. (2008) Dolgosrochnaya kompleksnaya programma razvitiya Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa: istoricheskiy aspekt [Long-Term Comprehensive Development Program for the Western Siberian Oil and Gas Complex: A Historical Perspective]. *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy: sbornik materialov II regional'noy molodyozhnoy nauchnoy konferentsii* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects: Proceedings of the II Regional Youth Scientific Conference]/Ed. by A.K. Kirillov. Novosibirsk, pp. 255–262. (in Russian)
- Otradnov A.N. (2004) Goroda, kak lyudi [Cities as People]. *Neftegazostroitel'i Zapadnoy Sibiri: v 2 kn. Kn. 2: Antologiya* [Oil and Gas Builders of Western Siberia: In 2 Vols. Vol. 2: An Anthology]. Moscow: Rossiyskiy Soyuz neftegazostroiteley. (in Russian)
- Otrishchenko N. (2023) Urban Planners Between Secrecy, Automation, and Human-Centered Design: Visions of Environment Management in Late Soviet City. *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, vol. 30, no 2, pp. 257–277.
- Sammartino A. (2023) The Socialist City of Tomorrow in Retrospect. *Journal of Urban History*, vol. 49, no 6, pp. 1404–1409.
- Starostenko Yu.D. (2018) Problema ansamblya v sovetskom gradostroitel'stve 1920–1930-kh gg. v teoretike i na praktike [The Problem of the Ensemble in Soviet Urban Planning of the 1920s–1930s: Theory and Practice]. *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1917–1941: V 2 kn.* [Soviet Urban Planning 1917–1941: In 2 Vols.]/Ed. by Yu. Kosenkov. Moscow: Progress-Traditsiya, vol. 1, pp. 327–366. (in Russian)
- Stas' I.N. (2013a) Bor'ba interesov v gradostroitel'nom osvoenii nefteobnyayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1960–1970-e gg.) [Conflict of Interests in Urban Development of Oil-Producing Regions in

- Western Siberia (1960s–1970s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 375, pp. 102–105. (in Russian)
- Stas' I.N. (2013b) General'nye plany gorodov neftyannikov v retrospektive gradostroitel'noy politiki Tyumenskoy oblasti [Master Plans of Oil Cities in Retrospective of the Urban Policy of the Tyumen Region]. *Zapadnaya Sibiry v akademicheskikh i muzeinnykh issledovaniyakh: materialy tretyey nauchno-prakticheskoy konferentsii, gorod Surgut*, 26–29 noyabrya 2013 g.: [posvyashch. 50-letiyu MBUK "Surgutskiy kraevedcheskiy muzey"] [Western Siberia in Academic and Museum Studies: Proceedings of the Third Scientific-Practical Conference, Surgut, November 26–29, 2013: Dedicated to the 50th Anniversary of the MBUK "Surgut Local History Museum"]/Ed. by T.A. Isaeva. Surgut: Izdatel'stvo-Poligraf. Kompleks, vol. 2, part 2, pp. 130–137. (in Russian)
- Stas' I.N. (2014) Goroda ili gostinitsy? Vopros o stroitel'stve gorodov gazovikov v Yamalo-Nenetskom okruge v kontse 1960-kh gg. [Cities or Hotels? The Issue of Building Gas Worker Cities in the Yamal-Nenets Autonomous District in the Late 1960s]. *Arktika i Sever*, no 16, pp. 132–143. (in Russian)
- Stas' I.N. (2017) Kontseptsii ozeleeniya i ekologicheskaya problematika v sovetskikh genplanakh Surguta (1964–1990 gg.) [Concepts of Greening and Environmental Issues in Soviet Master Plans of Surgut (1964–1990)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 51, no 6, pp. 96–103. (in Russian)
- Steinberg M.D. (2021) The New Socialist City: Building Utopia in the USSR, 1917–1934. *International Critical Thought*, vol. 11, no 3, pp. 427–449.
- Tandarić N. (2019) Urban Planning in Socialist Croatia. *Hrvatski Geografski Glasnik*, vol. 81, no 2, pp. 5–41.
- Trutnev A.V. (1989) Energiya veka [Energy of the Century]. Moscow: Nedra, p. 149. (in Russian)
- Vaytens A.G. (2006) Razvitie pravovykh osnov gradostroitel'stva v Rossii XVIII–nachala XXI veka. Opyt istoricheskogo issledovaniya [Development of Legal Foundations for Urban Planning in Russia from the 18th to the Early 21st Century: A Historical Study]. Obninsk: Institut munitsipal'nogo upravleniya. (in Russian)
- Yakovleva G.N. (2018) Tri proekta rekonstruktsii Moskvy (1918–1925) [Three Projects for the Reconstruction of Moscow (1918–1925)]. *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1917–1941: v 2 kn.* [Soviet Urban Planning 1917–1941: In 2 Vols.]/Ed. by Yu. Kosenkov. Moscow: Progress-Traditsiya, vol. 1, pp. 273–326. (in Russian)

Опыт построения обоснованной теории на материале молодежного сообщества Китай-города

Иван Сапогов

Настоящая работа представляет собой итог попыток вывести этнографическое описание молодежного сообщества КГ (Китай-город), собиравшегося в районе станции метро «Китай-город» Московского метрополитена для совместного проведения досуга, из конвенциональных теоретических взглядов на общественную жизнь молодежи и образуемые в ней структуры. Теоретические поиски привели нас к тому, что мы решили, оставаясь в рамках российской научной дискуссии о молодежи, построить обоснованную теорию (*grounded theory*), не отдавая предпочтения какой-либо конкретной концептуальной рамке и показывая, как отдельные теоретические положения актуализируются в жизни современного молодежного сообщества. Мы ставили перед собой вопрос о том, как время и пространство влияют на жизнь сообщества и какие теоретические подходы, используемые для описания молодежи, сохраняют свою актуальность применительно к собранному нами этнографическому материалу.

От субкультуры – к обоснованной теории: литературный обзор и постановка исследовательского вопроса

Российские исследователи описывают молодежь в городе чаще всего в терминах субкультур. В таких работах «субкультура» выделяется как фундаментальное понятие молодежных исследований [Кудряшов, 2014]. Представление о том, что для молодежи характерна субкультурность, столь распространено, что фигурирует даже в школьном курсе обще-

Сапогов Иван Андреевич, магистрант, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6.
E-mail: sapogovivan@gmail.com

В статье описывается молодежное сообщество Китай-города (далее – КГ) в Москве. Автор предлагает попытку построения обоснованной теории на полевом материале. Анализируется пространственный аспект жизни сообщества и его изменчивость во времени. Автор приходит к выводу о том, что занимающий важное место при описании городской молодежи в России субкультурный подход демонстрирует ригидность в ряде случаев, однако некоторые его положения сохраняют актуальность. Сообщество КГ в статье описывается как городской аттракцион, привязанный к уличному алколандшафту (*outdoor drinkscape*) и реализующий городскую функцию развлечения для жителей периферии агломерации, не имеющих как возможности подобного досуга в местах своего жительства, так и возможности статусного потребления алкоголя. Отмечается, что столкновения кэжэшников с представителями других молодежных групп в поздний период существования сообщества выводит нас на широкую проблематику структурного устройства молодежного конфликта.

Ключевые слова: КГ; Китай-город; городское сообщество; уличный алколандшафт; обоснованная теория; городская молодежь

Цитирование: Сапогов И. А. (2024) Опыт построения обоснованной теории на материале молодежного сообщества Китай-города // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 134–144. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp942024134-144>

ствознания [Котова, Лискова, 2019, с. 33; Боголюбов, Лазебникова, Литвинов, 2017, с. 198–200; Тишков, 2020, с. 64]. Однако это понятие стало характерным для описания молодежи сравнительно недавно. Советская наука его не знала, а молодежь не рассматривалась как носитель иной (прогрессивной или реакционной) культуры [Социализм и молодежь, 1967, с. 182–191].

Широкое распространение понятие «субкультура» для описания городской молодежи получило после выхода работы Татьяны Щепанской «Символика молодежной субкультуры» [Щепанская, 1993]. Оригинальная семиотическая концепция Щепанской не получила большого распространения, однако этнографическая составляющая ее работ, внимание к одежде и сленгу, повлияла на облик российских молодежных исследований. В 2000-х годах трудно представить себе работу данного тематического направления, в котором, по примеру работы Щепанской, не содержалось бы описания внешнего облика типичного представителя данной субкультуры и распространенной среди них лексики.

Так, в вышедшем в 2009 году сборнике «Молодежные субкультуры Москвы» Венера Халикова прилагает к своей статье словарь сленга BMX-райдеров, как если бы без этого элемента описание субкультуры не было полным [Халикова, 2009]. Сергей Беликов описывает «комплекс одежды» у скинхедов [Беликов, 2009]. Александра Баркова, работавшая среди толкинистов, прибегает к семиотическим моделям интерпретации их внешнего вида [Баркова, 2009]. Описывая трезвенников-стрейтэйджеров, Алексей Брешин также обращает внимание на их одежду [Брешин, 2009]. Даже когда речь идет о молодых коммунистах, ощущается инерция этого подхода: три абзаца Дмитрий Громов посвящает их сленгу [Громов, 2009а].

Однако исследователи также стали обращать внимание на то, что, помимо «неформального», имеется и обратный ему, как бы «формальный» полюс, который, в отсутствие поддерживаемых государством массовых организаций молодежи, занимают уличные группировки *пацанов* («агрессивно-конформистская субкультура» [Писарева, 1992]) со своеобразным способом регуляции общественных, и в первую очередь гендерных, норм в городском пространстве [Громов и др., 2009; см. об этом также: Стивенсон 2017; Захарова, 2017]. Между этими полюсами находится «нормальная молодежь», не участвующая ни в стилевых играх «неформалов», ни в организованном насилии *пацанов* [Гончарова и др., 2005].

Распространение понятия «субкультура» и его привязка к молодежной среде не ограничились этой дискуссией. По сей день в историографии есть большой конгломерат текстов, в которых антиэндемический классификационный аппарат советских представлений о «неформальных молодежных объединениях» существует в практически полной неприкосновенности, лишь поменяв терминологиче-

скую вывеску. «...[П]онятие „субкультура“, – пишет Максим Кудряшов, – стало ригидным и бесчувственным к реальной молодежи, превратившись почти в аналогию понятий этноса, расы или даже биологического вида и практически потеряв свою социологичность» [Кудряшов, 2014, с. 24].

К примеру, в сборнике «Молодежные субкультуры Санкт-Петербурга», изданном в 2011 году и преследующем цель «...дать заинтересованным специалистам, работающим с подростками и молодежью, общее (а не научно-подробное) представление об основных субкультурах, их особенностях, отличительных чертах...», можно прочесть о таких «субкультурах», как «зеленые», «сатанисты», «экстрималы» (так! – И. С.), «гопники», «хулиганс» и «мазафакеры» [Армер и др., 2011, с. 2–3]. Степан Козловский, предъявив своим студентам для «опознания» список из 34 «субкультур» (среди прочего – «фитоняш», «винишко-тян», «верующих», «атеистов», «тусеров», «шмотов», «фриков» и «косплей»), получил в ответ еще с десятков подобного рода означающих [Козловский, 2020, с. 136], что может свидетельствовать не только о ригидизации концепта «субкультуры», но и о том, что он перешел из круга научных понятий в широкий общественный дискурс.

Нередко можно встретить классификацию субкультур на просоциальные, асоциальные и антисоциальные – не только в научных работах [Левашова, 2012; Куропаткина, 2014, с. 12], но и в таких источниках, как статья на сайте екатеринбургского детско-юношеского центра «Галактика» [Григорьева, 2018] или Методические рекомендации Минобрнауки по профилактике зацепинга [Минобрнауки РФ, 2017]. Отмечается, что это представление восходит к позднесоветской классификации «неформальных молодежных объединений» [Омельченко, 2004] – термин «субкультура» в связи с этой классификацией восходит, вероятнее всего, к Владимиру Лисовскому [Лисовский, 2000].

Подобного рода борхесовские перечисления и укорененные в позднесоветском дискурсе классификации справедливо вызывают упреки в нехватке этнографичности, «зоологическом», *бестиарном* [Кудряшов, 2014, с. 24] или педагогическом, оценочном подходе [Громов, 2009b, с. 11], сведении многообразия общественной жизни молодых людей к «биополитическому конструкту молодежи» [Омельченко, 2006]. Некоторые исследователи отказываются от понятия «субкультура» как по причине его теоретической пролиферации, так и в силу того, что это понятие в зарубежной социологии практически полностью вышло из оборота.

На место «субкультур» как ключевого аналитического концепта молодежных исследований представители коллектива Елены Омельченко (ульяновский НИЦ «Регион» и Центр молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург) предлагают установить понятие «молодежной культурной сцены». Впрочем, этот исследовательский концепт кажется находящимся в стадии разработки и далеким

от окончательной операциональной ясности. «Сцена» – это и точка сборки различных социологических концептов, и «стиль жизни», и «место», причем место – это и физический объект, и символ, и часть пространства интернета [Омельченко, Поляков, 2017, с. 116–117]. В сборнике 2020 года у Святослава Полякова «культура» и «солидарность» – разные темы внутри описания одной сцены [Поляков, 2020, с. 403], у Натальи Гончаровой внутри сцены пересекаются уже стили и бурлит «миксовое состояние солидарности» [Гончарова, 2020, с. 366], а Эльвира Ариф описывает сцену как набор «культурных репертуаров» и машину по производству смыслов (а именно идентичностей) [Ариф, 2020].

Учитывая национальное своеобразие представления о молодежных субкультурах и некоторую концептуальную разногласию теоретических дискуссий по данному вопросу, представляется естественным, что сегодня некоторые исследователи отказываются от теоретических рамок, складывавшихся в ходе описанной нами выше дискуссии, и обращаются к обоснованной теории, отталкивающейся от непосредственно наблюдаемых в поле фактов [Желнина, Зиновьев, Кулина, 2013; Крутских, 2019].

Наукой накоплено множество сведений о разнообразных формах «социального творчества молодежи». Если попеременно прикладывать к нашему материалу разные теоретические рамки, то окажется, что каждая из них в чем-то подтверждает, а в чем-то опровергает наш полевой материал.

Прибегая к обоснованной теории, мы не хотим просто отделаться от всех дискуссий относительно общественной жизни молодых горожан, но, напротив, пытаемся поставить вопрос несколько иным образом. Вместо того чтобы отвечать на вопрос о том, что перед нами – субкультура, солидарность, сцена или какой-либо иной объект теоретического конструирования, – мы предпочитаем интересоваться, как работает изучаемое молодежное сообщество, как оно утверждает свое право на город, каким образом его участники устанавливают и оспаривают символические границы. Следуя этому вопросу, мы и будем восходить к обоснованной теории.

Методология исследования

Исследование проводилось в 2018–2021 годах в городе Москве. В качестве метода исследования использовалось полуструктурированное глубинное интервью. В ходе полевых изысканий было опрошено 15 человек. Самому младшему информанту было 14 лет, самому старшему – 31 год; возраст последнего можно считать выбросом выборки, поскольку в среднем возраст наших собеседников колебался между 14 и 21 годами. Информантов мы находили по принципу «снежного кома», спрашивая рекомен-

дации новых информантов у уже опрошенных. Также мы беседовали непосредственно в поле в ходе выездов в парк «Горка» с теми, кто встречался нам в этой локации и был готов отвечать на наши вопросы. Опросник был построен по принципу биографического интервью (*life histories*) [Sharma, Barron, 2021]: помимо получения фактических материалов об устройстве КГ, мы беседовали с информантами об их биографии, отношении к различным явлениям общественной жизни, о занятиях вне КГ, их «карьере» внутри сообщества.

Для обозначения общности, объединенной местом *тусовки* и наименованием «КГ», мы использовали термин «сообщество». Этот термин – внешний, этный; сами информанты не обозначали свою общность таким образом, говоря о *тусовке*, *движухе* или разных *волнах КГ*.

Полевые материалы были расшифрованы с диктофонных записей и анонимизированы¹. Ссылаясь на полевые материалы, мы будем обозначать в круглых скобках лишь пол («М.» или «Ж.») и через запятую возраст информанта.

Время и место

Традиция исследований молодежи в своем наиболее кристаллизованном виде, выпадающем в осадок в виде побочных жанров вроде школьного реферата, поурочной разработки к соответствующей теме по курсу обществознания или методических рекомендаций Минобрнауки, наделяет субкультуры качеством универсальности. Имплицитно полагается, что в рамках данной культуры существует некоторый набор субкультур молодежи, в ряде случаев, вроде описанных выше, формулирующийся в виде заданного списка, своего рода «китайской энциклопедии» [Козловский, 2020; Григорьева, 2018; Минобрнауки РФ, 2017]. Несмотря на то что в рамках данного подхода не исключается возможность образования новых субкультур [Куропаткина, 2008], внутренняя изменчивость субкультур (в отличие, скажем, от динамики группировок [Стивенсон, 2017, с. 265–269]) редко попадает в поле зрения исследователя.

То же касается и локального аспекта молодежной социальности. Было бы ошибкой утверждать, что этот аспект вовсе никогда и никем не рассматривался, однако исследований, которые ставили бы своей целью показать, чем отличаются, скажем, панки Рязани от панков Владивостока или металлисты Серпухова от металлистов Северодвинска, нам не встречалось. Окрестности площади Ногина (а именно они станут той ареной, на которой развернется действие нашего повествования) мелькают в милицейских сводках конца 1980-х годов как место столкновения «неформалов» и «люберов». Места *тусовки* также упоминаются в научных работах, но внимательного изучения этого самого места

1. Мы благодарим тех друзей и коллег, которые помогли нам с расшифровкой.

и его специфических особенностей как будто не хватает исследованиям молодежи.

Время и место – вот что, на наш взгляд, стало «слепым пятном» устоявшегося концептуального аппарата. Возьмем их за отправную точку при изучении *Китай-города* и начнем строить наше этнографическое описание отсюда.

На развалинах алколандшафта

До благоустройства парк «Горка», в этном языке сообщества *Китай-города* имевший название *Полигон* или *Батуты*, представлял из себя пустырь, образовавшийся напротив Московской хоральной синагоги после сноса поликлиники в 2010 году. Местные жители боролись за то, чтобы на месте пустыря разбили парк. Они опасались, что участок уйдет под высотную застройку, но в 2013 году муниципальные депутаты проголосовали за перевод земель в категорию общего пользования [Иваницкая, 2017]. С 2013 по 2016 год пустырь у синагоги был «ничьим» пространством – идеальным ландшафтом для тех, кто не имеет возможности в силу различных ограничений выпивать в барах и при этом не хочет попасться полиции и преследоваться в административном порядке за распитие алкоголя в общественном месте. Такие места Саманта Уилкинсон [Wilkinson, 2015] называет уличным городским алколандшафтом (*outdoor city drinkscape*).

Культурные ландшафты – это, по определению классика отечественного ландшафтоведения Бориса Родомана, такие ландшафты, «в создании которых люди сыграли значительную роль, а в узком <...> значении <...> благоприятные для населения ландшафты» [Родоман, 1980, с. 118]. Когда мы говорим о таком частном случае культурного ландшафта, как алколандшафт, благоприятность можно понимать как аффорданс, свойства материальной среды, предполагающей возможность использовать ее определенным образом [Гибсон, 1988; Gibson, 1979] – в данном случае для употребления алкоголя².

Как замечает Уилкинсон, специфика уличного алколандшафта в том, что он формируется теми, кто лишен возможности по-другому включиться в ночную экономику города. Неосвященные в ночное и вечернее время алколандшафты формируют эмоциональную атмосферу спокойствия, близости и веселья, как показывает Уилкинсон на материале, собранном в пригородах Манчестера [Wilkinson, 2016, p. 12].

Четырьмя функциями индустриального города, согласно Ле Корбюзье, являются жилье, работа, передвижение и отдых [Le Corbusier, 1957]. В случае

Москвы (как и во многих других случаях) функция развлечения достигает наивысшей концентрации в историческом центре города, в то время как жилища располагаются на его окраинах. Ивановская горка предоставляет желающим выпить достаточно укромных мест, являясь при этом, несомненно, частью «центра Москвы», что может объяснять рекреационное использование именно данной территории.

Несмотря на то что модель исключительного сосредоточения развлекательной функции в центре города в настоящее время подвергается критике [Wilkinson, 2015], на нашем материале она обнаруживает свою приближенность к реальности. Все наши информанты проживали либо на окраинах города, либо в городах ближнего Подмосковья. Не будет большим преувеличением сказать, что для того, чтобы встроиться в алколандшафт, подобный *кэгэшному*, молодой человек должен подвергнуться как бы двойному исключению. С одной стороны, досуг в спальном районе должен быть для него невозможен или неинтересен – как заметил один информант, «вся не гоп молодежь³ Москвы стремится в центр» (М., 20). С другой стороны, коммерциализированный досуг, встраивание в неуличный алколандшафт (*indoor drinkscape*) также должно быть для него невозможно – в силу объективных или субъективных причин. Для *кэгэшника* нет места ни в спальном районе, ни в центре; покидая периферию, он и в центре оказывается на своего рода периферии.

Одно место отталкивает *кэгэшника*, другое притягивает. Рефлексируя над причинами, которые привели их на КГ, информанты часто говорили о личном неприятии того, что принято у них в семье, например: «Отец... меня бил, за слова бил, а на *Китай-городе* такого не было» (Ж., 19). Или: «На КГ можно было то, что мне с детства запрещали, на что у меня было некое табу. <...> Там вообще было свободно – можно было пить-курить и никто тебя за это не осуждал. Там все было по-другому» (Ж., 19).

Такого рода свидетельства, с одной стороны, отсылают нас к проблематике сборки особой эмоциональной атмосферы вокруг алколандшафта [Wilkinson, 2015], с другой – возвращают к другой, чрезвычайно важной теме, которую представители бирмингемской школы культурных исследований называли «сопротивлением через ритуалы» [Hall, Jefferson, 1976].

Желая преодолеть ригидность и известный эссенциализм субкультурного подхода, некоторые российские исследователи обращаются к перформативистским метафорам сцены, обращают внимание на идентичность и формы солидаризации молодежи – при таком подходе необходимость

2. О правомерности такого понимания, связывающего ландшафт с аффордабельностью и рекреационными практиками, см.: [Родоман, 1969].

3. Примечательна аналитическая конструкция в роли предиката, насколько нам известно, не описанная в лингвистической литературе (ср. также в речи молодежи *топ* в знач. *топовый*: «там был весь топ народ» или «это топ вуз»); *-гол-* здесь – та же основа, что в слове *гопник*. Необходимо отметить, что слово *гопник* для обозначения представителя уличной группировки является для самих этих группировок внешним, см.: [Громов, 2020].

в рассуждениях о «конфликте отцов и детей» отпадает сама собой. Светлана Ерпылева, исследуя политическое участие школьников, показывает на полевых материалах, что ее информанты склонны солидаризироваться с родителями [Ерпылева, 2015, 2020]. Тем не менее на нашем материале пресловутое сопротивление «экстернальной» (выражение Татьяны Щепанской [Щепанская 1993, с. 12]), или «родительской», культуре присутствует во вполне явном виде.

Речь не о том, что в этом пространстве сопротивления нет место перформансу: «[Нужно] быть не таким как все, наверное... Пытаешься максимально корежиться, изображать из себя ненормально-го», – свидетельствует информант (М., 18). Дело в том, что перформансом происходящее не исчерпывается, и измерение пресловутого «сопротивления» в социальности *Китай-города* играет далеко не последнюю роль; перформанс входит в пространство символического сопротивления, не исключая его.

Вместе с тем «формульность» форм внешнего выражения, столь подробно описанная и в зарубежной, и в отечественной литературе, судя во всему, осталась во времени «больших субкультур». Следуя традиции, мы старательно искали внешнюю атрибутику, которая выделяла бы *кэгэшника* в молодежной среде, однако не смогли ее обнаружить: разные информанты давали разные описания, из которых едва ли можно было выделить что-то типическое, какой-либо, хотя бы и размытый, «комплекс народного костюма».

Алколандшафт Ивановской горки изменчив, и границы его меняют вполне человеческие акторы. Первой из известных нам по полевым материалам точек сбора оказывается *Крыса* («двор с крысами», *Крысямба*) – двор на нечетной стороне Маросейки в районе «Макдональдса», названный так его посетителями в начале 2010-х годов ввиду обилия там этих грызунов. Шум, который создавали *кэгэшники*, привлекал внимание соседей, и вскоре тусовка в этом месте прекратила собираться, перебравшись на бесхозный пустырь, названный *Полигоном*. Через некоторое время *Полигон* благоустроят, и на месте пустыря построят парк «Горка» – радикально иное, чем пустырь, пространство, где, как выразился один из моих собеседников, «все чинно-благородно» (М., 21). На месте *Полигона* появится площадка с общедоступными батутами, отсюда и второе название, которое приобретет *Полигон*, – *Батуты*.

Появление хорошо освещенного парка на месте пустыря, как казалось, должно было бы разрушить ту эмоциональную атмосферу, которая царствовала над старым *Полигоном*. Однако благоустройство дало дополнительную связность этого пространства, и сообщество начало стремительно осваивать его, открывая неожиданные аффордансы. Так, к примеру, была освоена заброшенная часть общежития Института иностранных языков, которую *кэгэшники* использовали для того, чтобы уединиться и заняться

сексом или справить естественную нужду. Распространение влияния сообщества и его практик затронуло также и довольно удаленную локацию – «Яму» на Хохловской площади (подробнее о «Яме» см.: [Legut, 2020]). Завсегдатаи *КГ* находили способы обезопасить себя от задержания, хорошо освоившись в пространстве, – «и они [полицейские – И. С.] не тебя первого вяжут, если сидишь нормально» (Ж., 21).

Итак, мы имеем перед собой сообщество молодых людей, сообщество нелокальное, но городское. Это сообщество связано общим самоназванием – *Китай-город*, или *КГ*, – непосредственно отсылающим к пространству, которое сообщество использует для своих специфических досуговых практик. Пространство *КГ* представляет собой место, пригодное для этих практик, – уличный алколандшафт. *Кэгэшники* по-особому вписаны в пространство города: с одной стороны, они не включаются в досуговые практики своего спального района, с другой – исключены из конвенциональных способов проведения досуга с алкоголем, которые предлагает городской центр.

Выше мы уже коснулись немного темпорального аспекта, когда говорили о том, как расширилось пространство *КГ* после благоустройства. Теперь следует уделить этой теме более пристальное внимание.

Римляне и варвары Китай-города

Время на *Китай-городе* течет быстро. Когда мы спросили одну из наших собеседниц о том, как давно была разогнана *Крыса*, то получили такой ответ: «Очень давно, три года назад» (Ж., 15).

Ландшафт не агент сам по себе – социальные взаимодействия от него неотделимы. Социальные взаимодействия не статичны, они меняются с течением времени. Несомненно, физическое пространство важно, но не менее важно пространство социальное. Когда пустырь превратился в парк, алколандшафт со всеми его сложными эмоциональными сборками будто бы должен был рассыпаться в одночасье, увлекая за собой и социальные структуры, организованные вокруг употребления спиртного. Тем не менее связанная с алколандшафтом Ивановской горки социальная структура не только не рассыпалась, но даже упрочилась, укрепились функционально, гипертрофировала эту функцию – но, правда, в конце концов развалилась под своей собственной тяжестью.

Полигон до благоустройства некоторые информанты описывали как место не только для употребления алкоголя, но как особое пространство свободы, где можно было не только делать практически все, что угодно, найти себе близкого человека, «солмейта», «половинку». Это не очень большое сообщество. Едва ли не все друг друга знают лично. Упоминается роль *гигóсов*, то есть концертов, на которых за умеренную плату играют несколько

малоизвестных музыкальных групп – посетители этих концертов порой знакомятся с *кэгэшниками* и вливаются в сообщество, которое представляет собой нечто вроде бесконечной афтерпати. Этот факт возвращает нас к проблематике сцен (*scenes*) в классическом понимании [Straw, 1991], то есть музыки и связанных с ней потребительских практик.

Важной операцией в методологии историй жизни является повторное обращение к информанту [Sharma, Baron, 2021, p. 5]. Желая получить подтверждение связи раннего *КГ* с музыкой, я обсудил эту гипотезу с одной из своих собеседниц; она подняла меня на смех: «[Это был] коллектив таких творческих наркоманов, группы возникали сами собой. Они были дерьмовыми, склепанными на коленке, такая контркультура. Есть те, кто не слушает музыку, но нет тех, кто не употребляет». Вместе с тем она не отрицала важность концертов, однако интерпретировала этот вид досуга по-иному: «[А что касается *гигов*, то] ты туда не ходишь с *КГ*, ты там встречаешь чуваков с *КГ*» (Ж., 21).

Впрочем, информантка по возрасту и времени вхождения в сообщество занимала промежуточное состояние между старыми посетителями *Полигона* (их она уважительно называла *старичками* и очень гордилась, что *старички* добавили ее в свой чат) и новыми *кэгэшниками*, которым затруднительно было бы представить на этом месте не *Батуты*, а пустырь. Другой информант, которого также можно отнести к этой промежуточной прослойке, на вопрос о дружбе на *КГ* ответил: «Было приятельство» (М., 18). Возможно, это свидетельствует о постепенном изменении принятых в сообществе норм.

«Это, по факту, люди, которые сделали *Китай-городу* все плохое, что можно было ему сделать как месту для отвисания» – так отзывается один из информантов (М., 21) о последней волне *кэгэшников*, пришедшей в парк после его благоустройства. По его словам, в этот момент *КГ* становится более массовым, чем когда-либо, границы его делаются куда более проницаемыми – в беседу, по словам собеседника, добавляют всех – десантников, которые праздновали день ВДВ, случайных прохожих.

«А вот если малолетки, которым действительно нечем заняться и которых не могут куда пристроить их родители, или этим малолеткам ничего не интересно», – характеризует новую волну другая информантка (Ж., 21). *Китай-город* становится не только больше, но и моложе: «Да как будто эволюция пошла в другую степь. Дети с каждым годом становятся все младше и младше, которые тусят на *Китай-городе*. Когда я там тусила, самый маленький возраст, который мог быть, это 14 лет. <...> А сейчас я смотрю, там 12 лет чувакам. <...> Я в 12 лет о таком и помыслить не могла!» (Ж., 15).

Информант утверждает, что новые *кэгэшники* перекочевали на *КГ* из другого городского сообщества с Цветного бульвара (*ЦБ*), которые были вынуждены оставить старое место сбора из-за частых полицейских рейдов. Это подтвердила и другая информант-

ка, добавив: «А еще они богатые... у них деньги есть, айфоны есть. Я думаю, это классовое. Не мои чуваки, не обоссанные панки из Химок» (Ж., 21).

На место, которое некогда никому не принадлежало, но сообщества, где, «если человек бил бутылку по белке, к нему подходили: “Чувак, ты че, ..?”» (М., 21), начинают претендовать представители других молодежных групп. Например, движение «Лев против», активисты которого, по словам собеседников, с помощью перцового баллончика, действуя как бы от лица общества, пытались восстановить общественный порядок и пресечь нарушение законодательства, снимая происходящее на камеру.

Информанты сообщали еще об одной группе, специфическим образом утверждавшей свое право на город. Эта группа называется *офники*. На вопрос, что они делают, информантка (Ж., 15) ответила: «[докапываются]». К сожалению, нам не удалось застать *офников* на *КГ*, так что, описывая их, нам приходится полагаться на сведения, полученные от *кэгэшников*-очевидцев. Согласно их описаниям, *офники* – это юноши-подростки, одевающиеся в спортивную одежду и проявляющие повышенную агрессию к окружающим, как вербальную, так и невербальную, причем причины этой агрессии – нормы поведения и гендерные конвенции: «А вот че ты волосы покрасил?», «А вот че ты тут бухаешь?», «А вот че ты тут матом ругаешься?», «А че это ты как пидор выглядишь?» (Ж., 15).

Этот сюжет возвращает нас к чрезвычайно интересной, но забытой теоретической дискуссии 1990–2000-х годов, в которой молодежь представлялась в виде спектра: с одной стороны, радикальную его часть составляют всякого рода неформалы, с другой – участники уличных группировок. Центр спектра занимает «нормальная молодежь» (безоценочный термин, тяготеющий к самоидентификации представителей) – именно ее интересы и ценности декларативно защищают участники группировок, занимаясь регулированием социальных норм путем сложно организованного насилия.

К сожалению, эта теоретическая дискуссия в силу разных причин не получила развития – в том числе из-за терминологических сложностей, связанных с обозначениями описанных выше умозрительных объектов. Тем не менее на нашем полевого материале, как мы полагаем, актуализируется проблема насилия в городе, которая может быть описана в рамках подобной объяснительной модели.

Столь интенсивные события, происходящие в центре города, не могли не привлечь внимания правоохранительных органов. К 2020 году *КГ* был зачищен полицией – как сообщают информанты, к парку подъезжали несколько автозакв и задерживали тех, кто там пил и курил. Вскоре *КГ* в том виде, как он описан в настоящей статье, перестал существовать, а парк стали закрывать на ночь.

За то недолгое время (конец 2010-х), которые мы имели возможность изучать *Китай-город*, мы наблюда-

дали внутри сообщества серьезные изменения, которые трудно связать только с изменением материальной среды. Тем не менее вопрос о том, смог бы КГ численно увеличиться без помещения его в связанное благоустроенное пространство, явленное городу и миру, остается открытым.

Заключение

Теоретическое осмысление молодежной социальности представляет собой трудную задачу хотя бы потому, что сама молодежная среда крайне пластична и изменчива. Дискуссия в данной области находится в сложных отношениях с «полем»: возникает вопрос, являются ли те или иные концепции, ранее имевшие распространение среди исследователей и сейчас не получающие эмпирического подтверждения, продуктом чистого научного конструирования или, напротив, сам объект исследования изменился настолько, что прежние теоретические рамки к нему не подходят. Двадцать лет назад Елена Омельченко в заглавии своей книги назвала вопрос о молодежи открытым [Омельченко, 2004] – и сегодня едва ли можно объявить, что вопрос этот закрыт.

Субкультурный подход, долгое время главенствовавший за рубежом и продолжающий занимать значительное место в отечественной науке, имеет ряд серьезных недостатков, одним из которых является невнимание к темпоральной изменчивости молодежных общностей и пространственному аспекту их бытования. Об устойчивости символического репертуара, отличающего представителей определенной субкультуры и долгое время считавшейся едва ли не важнейшей частью молодежной социальности, в настоящее время говорить не приходится – по крайней мере, на нашем материале. Тем не менее ряд приведенных нами полевых свидетельств возвращает нас к теме сопротивления как важного аспекта социального творчества молодежи.

Теоретическая дискуссия о разных видах молодежной социальности, содержащих в себе своего рода структурную конфликтность и не получившая развития, актуализируется на нашем материале: не представляя молодежной группировки в полном виде, *офники* демонстрируют поведение, претендующее на поддержание путем насилия определенных социальных норм, что является одним из признаков пацанской группировки, широко описанных в литературе.

Пространственный аспект такой формы молодежной социальности, как совместное употребление алкоголя, в особенности в связи с предполагаемым нами механизмом «двойного исключения» *кэгэшников* в городском пространстве, помещающего их на особое место в городском алколандшафте (*urban drinkscape*), чрезвычайно интересен и требует дополнительного изучения. Тем не менее

описанный нами случай показывает, что не следует преувеличивать влияние материальных объектов на общественные процессы: в нашем случае социальные структуры, претерпев сильное изменение, сохранялись и просуществовали некоторое время после того, как, казалось, алколандшафт радикально изменился, лишившись своей прежней атмосферной сборки.

Некоторая одержимость неизменным означаемым, предпосланным определенной общности молодежи – какое бы родовое определение (субкультура, сцена, солидарность) мы бы ему ни адресовали, – в нашем случае не находит своего операционального применения: молодежное сообщество КГ, которое одинаково называет себя, солидаризуясь вокруг определенной практики и места, на деле оказывается чрезвычайно внутренне неоднородным и изменчивым.

Молодые люди, занимающиеся примерно одним и тем же на одном и том же месте, обнаруживают, что их поведение радикально отличается, а прежние механизмы социального контроля перестали работать.

Тем не менее ключевые вопросы остаются. Что такое *Китай-город*? Как устроено это сообщество? Каковы его границы?

Определенность сообщества КГ крайне размыта, и чем ближе мы к концу его известной нам истории, тем сильнее степень размытия его границ. Несомненно, все *кэгэшники* пили. Несомненно, что некоторая часть (на ранних этапах, если верить информантам, большая часть) *кэгэшников* друг друга знали. *Кэгэшники* жили на периферии городской агломерации. Мотивом, который побуждал *кэгэшников* отправляться на Ивановскую горку, было желание отдохнуть и вырваться из привычного социального круга, и иногда это принимало неожиданный поворот: как рассказала нам одна информантка, она перестала ходить на *Полигон*, когда поняла, что *Китай-город* стал для нее рутиной, такой же, как монотонная работа, от которой она вечерами бежала на КГ.

В КГ находит отражение молодежная социальность в многочисленных ее проявлениях. Мы надеемся, что нам удалось показать те два *Китай-города*, которые мы наблюдали, когда занимались исследованием, а также появление внешних, не *кэгэшных* молодежных групп, возникших в последние месяцы существования КГ. Меняются поколения, меняются нормы, даже пространство подвергается изменению. Остается только два элемента: название КГ и практика совместной выпивки.

Сообщество ли это? Вопрос открыт. Мы склоняемся к мысли, что КГ был скорее местом, чем сообществом, городским аттракционом⁴, который реализовывал важную городскую функцию досуга для тех, кто не может позволить себе статусный отдых в центре Москвы.

4. Мы благодарим Д. В. Громова, подсказавшего нам это удачное выражение.

Источники

- Ариф Э. (2020) Молодые горожане в креативных кластерах: вег-сообщество в Санкт-Петербурге//Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности/Сост. и научн. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Армер Л.А. и др. (2011). Молодежные субкультуры Санкт-Петербурга. СПб.: ПСП-принт. Режим доступа: <http://getoi-spb.ru/wp-content/uploads/2022/08/subcultures.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).
- Баркова А.Л. (2009) Толкинисты: пятнадцать лет развития субкультуры//Молодежные субкультуры Москвы/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН. С. 197–221.
- Беликов С.В. (2009) Бритоголовые//Молодежные субкультуры Москвы/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН. С. 224–252.
- Брешин А.А. (1999) Субкультура *Straight Edge*: жизнь без пороков//Молодежные субкультуры Москвы/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН. С. 385–400.
- Гибсон Дж. (1988) Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс.
- Гончарова Н. и др. (2005) Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета.
- Гончарова Н. (2020) Социокультурные контексты поискового движения: анализ случая//Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности/Сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Григорьева М.С. (2018) Опасности большого города (что нужно знать родителям о молодежных субкультурах и как понять поведение подрастающих детей)//МБУ ДО ЦДТ «Галактика». Режим доступа: https://cdt-galaktika.uialschool.ru/?section_id=150 (дата обращения: 01.06.2022).
- Громов Д.В. (2009а) Молодые коммунисты Москвы: некоторые закономерности формирования молодежных политических групп//Молодежные субкультуры Москвы/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН. С. 174–194.
- Громов Д.В. (2009б) Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического изучения//Молодежные уличные группировки: введение в проблематику/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН.
- Громов Д.В. и др. (2009) Молодежные уличные группировки: введение в проблематику/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН.
- Громов Д.В. (2020) Гопник в интернете: виртуальная игра с точки зрения социальной драматургии Ирвина Гофмана//Новое прошлое – The New Past. № 1. С. 134–153.
- Ерпылева С.В. (2015) «На митинги я не ходил, меня родители не отпускали»: взросление, зависимость и самостоятельность в деполитизированном контексте//Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: НЛО.
- Ерпылева С.В. (2020) Недостаточно взрослые для политики? Протесты в российских протестах. Доклад. 16.12.2020//Public Sociology Laboratory. Режим доступа: <https://youtu.be/y5rVh6w6Ia0> (дата обращения: 12.12.2023).
- Желнина А.А., Зиновьев А.А., Кулева М.И. (2013) «На районе»: молодежные солидарности на городской периферии//Социологические исследования. № 10. С. 69–76.
- Захарова Е.Ю. (2017) Мужские квартальные сообщества Тбилиси: структура и функционирование. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
- Иваницкая А. (2017) Реально «моя улица»: как жители Китай-города устроили себе бруклинский дворик//Афиша Daily. 21.08.2017. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/cities/6409-realno-moya-ulica-kak-zhiteli-kitay-goroda-ustroili-sebe-bruklinskiy-dvorik/> (дата обращения: 13.05.2021).
- Козловский С.В. (2020) К вопросу о мотивации студентов к обучению в аграрном вузе: факторы, влияющие на мотивацию учебной деятельности//Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. № 2. С. 132–140.
- Котова О.А., Лискова Т.Е. (2019) Обществознание. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение.
- Крутских П.Ю. (2019) Скейтбординг как инструмент прочтения города//Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 292–310.
- Кудряшов М.А. (2014) Субкультура и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований//Этнографическое обозрение. № 1. С. 23–32.
- Куропаткина О.В. (2014) Молодежные субкультуры в современной России и их социализирующий потенциал//Доклады Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Научный эксперт. Вып. 11.
- Левашова Е.Л. (2012) Типологизация молодежных субкультур в современном российском обществе//Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 150. С. 148–152.
- Минобрнауки РФ (2017) Письмо от 24 мая 2017 г. № 07-2732 «Методические рекомендации по профилактике зацепинга среди несовершеннолетних». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71612772/> (дата обращения: 01.06.2022).
- Омельченко Е.Л. (2004) Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга.
- Омельченко Е.Л. (2006) Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности//Журнал исследований социальной политики. Т. 4. № 2. С. 151–181.
- Омельченко Е.Л., Поляков С.И. (2017) Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ//Социологическое обозрение. Т. 16. № 2. С. 111–132.
- Писарева В. (1992) Агрессивно-конформистская субкультура молодежи России.//Молодежь России на рубеже 90-х годов/Отв. ред. М.М. Мальшева. М.: Институт социологии РАН. С. 40–54.
- Поляков С. (2020) Молодежная сцена уличного воркаута, Махачкала//Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности/Сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Родоман Б.Б. (1969) Ельники-сексуальники: экспериментальные уроки рекреационного ландшафтоведения. Режим доступа: <https://proza.ru/2016/12/11/2225> (дата обращения: 10.11.2024).
- Родоман Б.Б. (1980) Саморазвитие культурного ландшафта и геобионические закономерности его формирования//Географические науки и районная планировка. М.: Мысль, 1980. С. 117–127.
- Социализм и молодежь (1967) Международный симпозиум молодых ученых социалистических стран «Влияние идей Октября в развитии стран мировой социалистической системы». Секция «Социализм и молодежь». Стенограмма заседаний. М.: б/и.
- Стивенсон С.А. (2017) Жизнь по понятиям: уличные группировки в России/Авториз. пер. с англ. Ю. Казанцевой. М.: Страна Оз.
- Тишков В.А., ред. (2020) Обществознание. 11 класс. Учебник/Под общ. ред. акад. РАН В.А. Тишкова. М.: Вентана-Граф.
- Халикова В.Р. (2009) Мир вокруг экстремального велосипеда//Молодежные субкультуры Москвы/Под ред. Д.В. Громова. М.: ИЭА РАН. С. 253–296.

- По неписанным законам улицы (1991)/Ред.-сост. Ю.М. Хотченков, отв. ред. К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский. М.: Юридическая литература.
- Щепанская Т.Б. (1993) Символика молодежной субкультуры. СПб.: Наука.
- Gibson J.J. (1979) *The Ecological Approach to Visual Perception*. N.Y., L.: Psychology Press (Taylor&Francis Group).
- Hall S., Jefferson T. (eds.) (1976) *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. Birmingham: University of Birmingham.
- Le Corbusier (1957) *La charte d'Athènes*. P.: Editions de Minuit.
- Legut K.D. (2020) *How Public Spaces Empower Public Sphere in Moscow: The Case of Yama*. Bachelors Thesis. M.: Higher School of Economics. Режим доступа: <https://www.hse.ru/en/edu/vkr/366468883> (дата обращения: 13.05.2021).
- Sharma D., Barron A. (2021) *Life Histories//Methods for Change: Impactful Social Science Methodologies for 21st Century Problems/A. Barron et al. (eds.)*. Manchester: Aspect and The University of Manchester.
- Straw W. (1991) *Systems of Articulation, Logics of Change: Communities and Scenes in Popular Music//Cultural Studies*. Vol. 5. № 3. P. 368-388.
- Wilkinson S. (2015) *Alcohol, Young People and Urban Life//Geography Compass*. DOI: <https://doi.org/10.1111/gec3.12194>. Vol. 9. № 3. P. 115-126.
- Wilkinson S. (2016) *Drinking in the Dark: Shedding Light on Young People's Alcohol Consumption Experiences//Social & Cultural Geography*. Vol. 18. № 6. P. 739-757. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649365.20161227872>.

THE KITAY-GOROD YOUTH COMMUNITY: A GROUNDED THEORY APPROACH

Ivan A. Sapogov, Master's student, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities (RSUH); 6 Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation. E-mail: sapogovivan@gmail.com

The article describes the Kitay-gorod (KG) youth community in Moscow. It builds a grounded theory on field material, analyzing the spatial aspect of community life and its variability over time. The subcultural approach, which occupies an important place in the description of urban youth in Russia, demonstrates rigidity in a number of cases, but some of its provisions remain relevant. The article describes the KG youth community as an urban attraction tied to the outdoor drinkscape and realizing the urban function of entertainment for residents of the periphery of the agglomeration who do not have the possibility of such leisure activities in their places of residence nor the possibility of status alcohol consumption. It is noted that the clashes between the KG youth community and representatives of other youth groups in the late period of the community's existence bring us to the broader debate on the structural organization of youth conflict.

Keywords: KG; Kitay-gorod; urban community; outdoor drinkscape; grounded theory; urban youth

Citation: Sapogov I.A. (2024) *The Kitay-gorod Youth Community: A Grounded Theory Approach*. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp. 134-144. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp942024134-144> (in Russian)

References

- Arif E. (2020) *Molodye gorozhane v kreativnykh klasterakh: veg-soobshchestvo v Sankt-Peterburge [Young Citizens in Creative Clusters: Veg Community in Saint Petersburg. Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities]/Ed. by E.L. Omelchenko*. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- Armer L.A. et al. (2011) *Molodezhnye subkul'tury Sankt-Peterburga [Youth Subcultures of Saint Petersburg]*. Saint Petersburg: PSP-print. Available at: <http://geroi-spb.ru/wp-content/uploads/2022/08/subcultures.pdf> (accessed: 01.12.2023). (in Russian)
- Barkova A.L. (2009) *Tolkinisty: pyatnadsat' let razvitiya subkul'tury [Tolkienists: Fifteen Years of Subculture Development]*. *Molodezhnye subkul'tury Moskvy [Youth Subcultures of Moscow]/Ed. by D.V. Gromov*. Moscow: IEA RAN, pp. 197-221. (in Russian)
- Belikov S.V. (2009) *Britogolovye [Skinheads. Molodezhnye subkul'tury Moskvy [Youth Subcultures of Moscow]/Ed. by D.V. Gromov*. Moscow: IEA RAN, pp. 224-252. (in Russian)
- Breshin A.A. (1999) *Subkul'tura Straight Edge: zhizn' bez porokov [Straight Edge Subculture: Life Without Vices]*. *Molodezhnye subkul'tury Moskvy [Youth Subcultures of Moscow]/Ed. by D.V. Gromov*. Moscow: IEA RAN, pp. 385-400. (in Russian)
- Erpyleva S.V. (2015) «Na mitingi ya ne khodil, menya roditeli ne otpuskali»: vzroslenie, zavisimost' i samostoyatel'nost' v depolitizirovannom kontekste [«I Didn't Go to Rallies, My Parents Wouldn't Let Me»: Growing Up, Dependency and Independence in a Depoliticized Context]. *Politika apolitichnykh: grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011-2013 godov [Politics*

- of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013]. Moscow: NLO. (in Russian)
- Erypleva S.V. (2020) Nedostatochno vzroslye dlya politiki? Podrostki v rossiiskikh protestakh [Not Adult Enough for Politics? Teenagers in Russian Protests]. *Public Sociology Laboratory*, 16 December 2020. Available at: <https://youtu.be/y5rVh6w6Ia0> (accessed: 12.12.2023). (in Russian)
- Gibson J. (1988) *Ekologicheskiy podkhod k zritel'nomu vospriyatiyu* [The Ecological Approach to Visual Perception]. Moscow: Progress. (in Russian)
- Gibson J.J. (1979) *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York, London: Psychology Press (Taylor&Francis Group).
- Goncharova N. (2020) *Sotsiokul'turnye konteksty poiskovogo dvizheniya: analiz sluchaya* [Sociocultural Contexts of the Search Movement: A Case Study]. *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities]/Ed. by E.L. Omelchenko. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- Goncharova N. et al. (2005) *Normal'naya molodezh': pivo, tusovka, narkotiki* [Normal Youth: Beer, Hangouts, Drugs]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University Publishing House. (in Russian)
- Grigorieva M.S. (2018) *Opasnosti bol'shogo goroda (chto nuzhno znat' roditelyam o molodezhnykh subkul'turakh i kak ponyat' povedenie podrastayushchikh detey)* [Dangers of the Big City (What Parents Need to Know About Youth Subcultures and How to Understand Growing Children's Behavior)]. *MBU DO TsDT «Galaktika»*. Available at: https://cdt-galaktika.ural-school.ru/?section_id=150 (accessed: 01.06.2022). (in Russian)
- Gromov D.V. (2009a) *Molodye kommunisty Moskvy: nekotorye zakonomernosti formirovaniya molodezhnykh politicheskikh grupp* [Young Communists of Moscow: Some Patterns in the Formation of Youth Political Groups]. *Molodezhnye subkul'tury Moskvy* [Youth Subcultures of Moscow]/Ed. by D.V. Gromov. Moscow: IEA RAN, pp. 174–194. (in Russian)
- Gromov D.V. (2009b) *Podrostkovomolodezhnye ulichnye gruppirovki kak ob'ekt etnograficheskogo izucheniya* [Teenage and Youth Street Groups as an Object of Ethnographic Study]. *Molodezhnye ulichnye gruppirovki: vvedenie v problematiku* [Youth Street Groups: Introduction to the Problems]/Ed. by D.V. Gromov. Moscow: IEA RAN. (in Russian)
- Gromov D.V. (2020) *Gopnik v internete: virtual'naya igra s tochki zreniya sotsial'noy dramaturgii* [Gopnik on the Internet: Virtual Game from the Perspective of Erving Goffman's Social Dramaturgy]. *Novoe proshloe – The New Past*, no 1, pp. 134–153. (in Russian)
- Gromov D.V. et al. (2009) *Molodezhnye ulichnye gruppirovki: vvedenie v problematiku* [Youth Street Groups: Introduction to the Problems]/Ed. by D.V. Gromov. Moscow: IEA RAN. (in Russian)
- Hall S., Jefferson T. (eds.) (1976) *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. Birmingham: University of Birmingham.
- Ivanitskaya A. (2017) *Real'no «moya ulitsa»: kak zhiteli Kitai-goroda ustroili sebe bruklinskii dvorik* [Really «My Street»: How Kitai-gorod Residents Created Their Brooklyn Yard]. *Afisha Daily*, 21 August 2017. Available at: <https://daily.afisha.ru/cities/6409-realno-moya-ulitsa-kak-zhiteli-kitay-goroda-ustroili-sebe-bruklinskii-dvorik/> (accessed: 13.05.2021). (in Russian)
- Khalikova V.R. (2009) *Mir vokrug ekstremal'nogo velosipeda* [The World Around Extreme Cycling]. *Molodezhnye subkul'tury Moskvy* [Youth Subcultures of Moscow]/Ed. by Gromov D.V. Moscow: IEA RAN, pp. 253–296. (in Russian)
- Khotchenkov Yu.M. (ed.) (1991) *Po nepisannym zakonam ulitsy* [By the Unwritten Laws of the Street]. Moscow: Iuridicheskaya literatura. (in Russian)
- Kotova O.A., Liskova T.E. (2019) *Obshchestvoznaniye. 10 klass* [Social Studies. Grade 10]. Moscow: Prosveshchenie. (in Russian)
- Kozlovskii S.V. (2020) *K voprosu o motivatsii studentov k obucheniyu v agrarnom vuze: factory, vliyayushchie na motivatsiyu uchebnoi deyatel'nosti* [On Student Motivation in Agricultural Universities: Factors Affecting Learning Motivation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no 2, pp. 132–140. (in Russian)
- Krutskikh P.Yu. (2019) *Skeitbording kak instrument prochteniya goroda* [Skateboarding as a Tool for Reading the City]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no 1, pp. 292–310. (in Russian)
- Kudryashov M.A. (2014) *Subkul'tura i posle nee: istoriya fundamental'nogo ponyatiya molodezhnykh issledovaniy* [Subculture and After: History of a Fundamental Concept in Youth Studies]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 1, pp. 23–32. (in Russian)
- Kuropatkina O.V. (2014) *Molodezhnye subkul'tury v sovremennoi Rossii i ikh sotsializiruyushchii potentsial* [Youth Subcultures in Modern Russia and Their Socializing Potential]. *Doklady Tsentra problemnogo analiza i gosudarstvenno-upravlencheskogo proektirovaniya*. Moscow: Nauchnyi ekspert, vol. 11. (in Russian)
- Le Corbusier (1957) *La charte d'Athènes*. Paris: Editions de Minuit.
- Legut K.D. (2020) *How Public Spaces Empower Public Sphere in Moscow: The Case of Yama*. Bachelor's Thesis. Moscow: Higher School of Economics. Available at: [https://www.hse.ru/en/edu/vkr/366468883\(-accessed: 13.05.2021\)](https://www.hse.ru/en/edu/vkr/366468883(-accessed: 13.05.2021)).
- Levashova E.L. (2012) *Tipologizatsiya molodezhnykh subkul'tur v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Typology of Youth Subcultures in Modern Russian Society]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, no 150, pp. 148–152. (in Russian)
- Minobrnauki RF (2017) *Pismo ot 24 maya 2017 g. № 07-2732 «Metodicheskie rekomendatsii po profilaktike zatsepinga sredi nesovershennoletnikh»* [Letter No. 07-2732 of May 24, 2017 «Methodological Recommendations for Prevention of Train Surfing Among Minors»]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71612772/> (accessed: 01.06.2022). (in Russian)
- Omel'chenko E.L. (2004) *Molodezh': otkrytyi vopros* [Youth: An Open Question]. Ulyanovsk: Simbirskaia kniga. (in Russian)
- Omel'chenko E.L. (2006) *Nachalo molodezhnoi ery ili smert' molodezhnoi kul'tury? «Molodost'» v publichnom prostranstve sovremennosti* [Beginning of Youth Era or Death of Youth Culture? «Youth» in Contemporary Public Space]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 4, no 2, pp. 151–181. (in Russian)
- Omel'chenko E.L., Polyakov S.I. (2017) *Kontsept kul'turnoi stseny kak teoreticheskaya perspektiva i*

- instrument analiza gorodskikh molodezhnykh soobshchestv [The Concept of Cultural Scene as a Theoretical Perspective and Tool for Analyzing Urban Youth Communities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 16, no 2, pp. 111–132. (in Russian)
- Pisareva V. (1992) Aggressivno-konformistskaia subkul'tura molodezhi Rossii [Aggressive-Conformist Youth Subculture in Russia]. *Molodezh' Rossii na rubezhe 90-kh godov* [Russian Youth at the Turn of the 90s]/Ed. by Malysheva M.M. Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 40–54. (in Russian)
- Poliakov S. (2020) Molodezhnaia stsena ulichnogo vorkauta, Makhachkala [Youth Street Workout Scene, Makhachkala]. *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities]/Ed. by Omel'chenko E.L. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian)
- Rodoman B.B. (1969) El'niki-seksual'niki: eksperimental'nye uroki rekreatsionnogo landshaftovedeniia [Spruce Forests as Sexual Spaces: Experimental Lessons in Recreational Landscape Studies]. Available at: <https://proza.ru/2016/12/11/2225> (accessed: 10.11.2024). (in Russian)
- Rodoman B.B. (1980) Samorazvitie kul'turnogo landshafta i geobionicheskie zakonomernosti ego formirovaniia [Self-Development of Cultural Landscape and Geobionic Patterns of Its Formation]. *Geograficheskie nauki i raionnaia planirovka* [Geographical Sciences and Regional Planning]. Moscow: Mysl', pp. 117–127. (in Russian)
- Sharma D., Barron A. (2021) Life Histories. In: Barron A. et al. (eds.) *Methods for Change: Impactful Social Science Methodologies for 21st Century Problems*. Manchester: Aspect and The University of Manchester.
- Shchepanskaia T.B. (1993) Simvolika molodezhnoi subkul'tury [Symbolism of Youth Subculture]. Saint Petersburg: Nauka. (in Russian)
- Sotsializm i molodezh' [Socialism and Youth] (1967). *International Symposium of Young Scientists from Socialist Countries «The Influence of October Ideas in the Development of World Socialist System Countries»*. Section «Socialism and Youth». Transcript of Sessions. Moscow. (in Russian)
- Stevenson S.A. (2017) Zhizn' po poniatiiam: ulichnye gruppirovki v Rossii [Life by Concepts: Street Groups in Russia]/Trans. from English by Yu. Kazantseva. Moscow: Strana Oz. (in Russian)
- Straw W. (1991) Systems of Articulation, Logics of Change: Communities and Scenes in Popular Music. *Cultural Studies*, vol. 5, no 3, pp. 368–388.
- Tishkov V.A. (ed.) (2020) Obshchestvoznaniie. 11 klass [Social Studies. Grade 11]. Moscow: Ventana-Graf. (in Russian)
- Wilkinson S. (2015) Alcohol, Young People and Urban Life. *Geography Compass*, vol. 9, no 3, pp. 115–126. DOI: <https://doi.org/10.1111/gec3.12194>.
- Wilkinson S. (2016) Drinking in the Dark: Shedding Light on Young People's Alcohol Consumption Experiences. *Social & Cultural Geography*, vol. 18, no 6, pp. 739–757. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649365.2016.1227872>.
- Zakharova E.Yu. (2017) Muzhskie kvartal'nye soobshchestva Tbilisi: struktura i funktsionirovanie [Male Quarter Communities of Tbilisi: Structure and Functioning]. PhD Dissertation. Saint Petersburg: MAE RAN. (in Russian)
- Zhelnina A.A., Zinov'ev A.A., Kuleva M.I. (2013) «Na raione»: molodezhnye solidarnosti na gorodskoi periferii [«In the Hood»: Youth Solidarities in Urban Periphery]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 10, pp. 69–76. (in Russian)